

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Мученик Нотр-Дам

IV

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

4 том. Мученик Нотр-Дама. Анн Голон

Время действия: сентябрь 1660 - февраль 1661.

Место действия: Париж.

Роман «Мученик Нотр-Дама» с точки зрения сюжетной линии соответствует последней части романа «Анжелика» и неполным четырем главам романа «Путь в Версаль». Описываются события начиная с вступления Людовика XIV в Париж после его возвращения со свадьбы с инфантой Марией-Терезией в г. Сен-Жан-Де-Люз, последующие попытки героини с помощью своих связей в высшем свете добиться освобождения арестованного мужа, суд на графом Пейраком и его казнь. В конце тома Анжелика становится «маркизой» главаря одной из парижских банд - Весельчака (в старой версии кличка не переводилась, этот персонаж носил имя Каламбретен), который оказался ее другом детства, Николя, когда-то влюбленным в нее мальчиком-пастушкой из семейного поместья Монтелу.

-
- [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть вторая](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 22](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава 23](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
 - [85](#)
-

Часть первая

Коридоры Лувра

Глава 1

Король вступил в Париж.

Под гром оваций он въехал в свою столицу. На улице Бравых молодцов перед отелем Бове он остановился, развернул коня и несколько раз поприветствовал тех, кто собрался на балконах, ведь среди них были люди, с которыми его связывали самые искренние и теплые чувства: мать — королева Анна Австрийская, и кардинал Мазарини, крестный отец и наставник.

Проехала королева.

Молодая королева Мария-Терезия, испанская инфанта, которую Франция получила на Фазаньем острове как залог мира.

На колеснице, похожей на древнеримскую, она казалась совсем миниатюрной, но сверкала, как звезда, и возбужденная толпа встретила ее бурным ликованием.

Кареты Марии-Терезии и ее свиты замыкали блистательный и внушительный королевский кортеж.

С верхних этажей отеля Бове шумный поток довольных гостей устремился к пышно украшенным залам, куда слуги начали подавать угощение. Толпа гостей, первых лиц королевства, неспешно спускалась с этажа на этаж. Их лица светились радостью, а приветствия встречным знакомым и восхищенные, радостные восклицания сливались в неясный гул.

У подножия лестницы мадам де Бове, хозяйка дома, которую за глаза все по-прежнему называли Кривая Като, казалось, кого-то ждала. Когда на лестничной площадке появилась скромная компания пуатевинок вместе с Анжеликой, она громко произнесла своим хриплым голосом:

— Ну как? Нагляделись в свое удовольствие?

Раскрасневшиеся от волнения дамы поблагодарили хозяйку дома.

— Прекрасно. Вон пирожные, идите угощайтесь.

Она сложила свой огромный веер и легонько ударила им Анжелику по плечу.

— А вы, красавица, пойдите со мной.

Недоумевающая, Анжелика последовала за госпожой де Бове через полные гостей залы. Наконец они очутились в маленьком пустом будуаре.

— Уф! — вздохнула хозяйка, обмахиваясь веером. — Не так-то просто найти здесь укромный уголок.

Она внимательно изучала Анжелику. Мадам де Бове была сильно накрашена и богато одета, но держалась с простотой и добродушием, которые говорили о привычке жить рядом с вельможами и быть им полезной, заботясь об их комфорте.

— Полагаю, мы друг друга пойдем, — заявила она через минуту, закончив разглядывать Анжелику. — Красавица моя, что вы скажете о просторном замке под Парижем, с дворецким, выездными лакеями, слугами и служанками, шестью каретами, конюшнями и о ста тысячах ливров ренты?

— И все это предлагают мне? — рассмеялась Анжелика.

— Вам.

— И кто же?

— Тот, кто желает вам блага.

— Сомневаюсь в этом. Но все же?

Собеседница наклонилась к ней с заговорщическим видом.

— Один богатый господин умирает от любви к вашим прекрасным глазам.

— Выслушайте меня, мадам, — произнесла Анжелика, прилагая все усилия, чтобы сохранить серьезный вид и не обидеть почтенную даму, — я в высшей степени признательна этому господину, кем бы

он ни был, но боюсь, что моей наивностью хотят воспользоваться, делая столь по-королевски щедрое предложение. Этот господин плохо знает меня, полагая, что своими волшебными посулами сможет убедить меня ему принадлежать.

— Вы живете в Париже в таком достатке, что можете позволить себе пренебречь подобным предложением? Разрешите я напомню, что все ваше имущество опечатано и вы продали свои экипажи.

Ее единственный глаз, похожий на глаз маленькой хищной птицы, сверлил Анжелику.

— Вижу, вы хорошо осведомлены, мадам, но определенно я пока еще не намерена продавать свое тело.

— А кто вам об этом говорит, глупышка? — с внезапным раздражением процедила сквозь зубы Като.

— Мне показалось...

— Вот еще! Вы можете завести любовника, а можете и не заводить. Живите монашкой, если вам так угодно. Вас просят только об одном — принять это предложение.

— Но...что взамен? — спросила удивленная Анжелика.

Мадам де Бове подошла к ней еще ближе, положила веер и фамильярно взяла ее за обе руки.

— Ну, это совсем просто, — произнесла она урезонивающим тоном доброй бабушки. — Вы устраиваетесь в чудесном замке, выезжаете ко двору, бываете в Сен-Жермене, в Фонтенбло^[1]. Не правда ли, вы с удовольствием будете участвовать в придворных праздниках, вам понравятся ухаживания, комплименты? Конечно, если хотите, вы можете по-прежнему называть себя мадам де Пейрак... Но, вероятно, вы подумаете о том, чтобы поменять имя. Например, мадам де Сансе... Так мило... Все будут любоваться вами и

говорить: «Вот прекрасная мадам де Сансе». Хм... Заманчиво, не так ли?

— Но, в конце концов, — потеряла терпение Анжелика, — неужели вы считаете, что я настолько глупа, чтобы поверить, будто некий дворянин собирается осыпать меня богатством, ничего не требуя взамен?

— Тем не менее почти так дело и обстоит. Вас просят заниматься только своими нарядами, драгоценностями и думать о развлечениях. Неужели это так сложно для прелестной молодой особы? Вы понимаете, — настаивала она, чуть наклоняясь к Анжелике, — вы понимаете, о чем я?

Анжелика глядела в лицо собеседницы, которая старалась держаться дружелюбно, располагающе, но черная повязка на глазу, пусть даже атласная, придавала ее лицу вульгарное выражение и делала ее похожей на разбойницу.

— Вы меня понимаете? Не нужно больше ни о чем заботиться! Забудьте!

«От меня хотят, чтобы я забыла Жоффрея, — сказала себе Анжелика, — забыла, что я его жена, отказалась защищать его, стерла всякое воспоминание о нем, вычеркнула из своей жизни. Требуют, чтобы я замолчала, чтобы забыла...»

Перед ее мысленным взором возник ларец с ядом. Все из-за этой истории, она была сейчас почти уверена в этом, все началось из-за нее. Кому выгодно ее молчание? Людям, занимающим самые высокие государственные должности: месье Фуке, принцу Конде, — всем тем, чья измена, старательно забытая, столько лет покоится в сундучке из сандала.

Анжелика покачала головой, сохраняя полное хладнокровие.

— Сожалею, мадам, видимо, я не слишком умна, потому что решительно не понимаю, о чем вы говорите.

— А вы подумайте хорошенько, будьте умницей, а потом сообщите мне свой ответ. Смотрите только, чтобы не было слишком поздно. Несколько дней на размышление вам хватит, не правда ли? Милочка, не лучше ли принять предложение...

Она наклонилась к Анжелике и прошептала ей почти в самое ухо:

— ... чем расстаться с жизнью?

Глава 2

— Как вы полагаете, мэтр Дегре, с какой целью неизвестный господин предлагает мне замок и сто тысяч ливров ежегодной ренты?

— Черт возьми, — ответил адвокат, — с той же целью, с какой я сам предложил бы вам сто тысяч ливров.

Анжелика взглянула на Дегре, не понимая, что он имеет в виду, и вдруг покраснела под дерзким взглядом молодого человека. Прежде ей и в голову не приходило пристально разглядывать своего адвоката. С некоторым волнением она осознала, что под поношенной одеждой скрывается сильное, хорошо сложенное тело. Крупный нос и неровные зубы — конечно, не красавец, но у него довольно выразительное лицо. Мэтр Фалло как-то заметил, что уважаемым магистратом Дегре сможет стать только благодаря таланту и эрудиции. Он редко общался со своими коллегами, но зато шлялся по кабакам не меньше, чем в университетские годы. Именно поэтому ему, бывало, поручали дела, требующие расследований в местах столь подозрительных, что туда не рискнули бы ступить благопристойные господа из квартала Сен-Ландри из опасения погубить там свою душу.

— Нет-нет, — сказала Анжелика. — Это наверняка не то, о чем вы подумали. Я попробую поставить вопрос иначе: почему меня дважды пытались убить, ведь это еще более надежный способ принудить меня к молчанию?

Адвокат сразу помрачнел.

— Что же, именно этого я и опасался, — заявил он.

И, оставив прежнюю непринужденную позу, в которой он сидел на краю стола в маленьком кабинете

прокурора Фалло, он с серьезным видом уселся напротив Анжелики.

— Мадам, — продолжал он, — возможно, я не тот представитель закона, который внушает вам доверие. Однако в данном случае я полагаю, что ваш уважаемый зять не так уж ошибся, рекомендовав вам обратиться ко мне, поскольку дело вашего мужа требует скорее навыков частного сыска, которыми волею судеб я и владею, чем скрупулезных знаний законодательства и тонкостей судебного делопроизводства. Но, откровенно говоря, у меня будет шанс распутать эту интригу, только если вы сообщите мне все, о чем вам известно, чтобы я мог ясно видеть картину. Короче говоря, есть вопрос, который мне не терпится вам задать...

Он поднялся, выглянул за дверь удостовериться, что их никто не подслушивает, отдернул занавеску, скрывавшую полки с папками, и, наконец, вернувшись к молодой женщине, вполголоса спросил:

— Что известно вам или вашему мужу, что могло бы испугать одного из влиятельнейших лиц королевства? Я имею в виду месье Фуке.

У Анжелики побелели даже губы. Она в полной растерянности уставилась на адвоката.

— Значит, я прав, вы что-то скрываете, — произнес Дегре. — Я как раз поджидаю известий от шпиона, которого подослал к Мазарини. А другой шпион навел меня на след некоего слуги по имени Клеман Тоннель, который в свое время служил у принца Конде ...

— И был дворецким у нас в Тулузе.

— Вот именно. Этот человек к тому же связан с месье Фуке и на самом деле работает только на него, время от времени получая, видимо, посредством шантажа, солидное вознаграждение от своего бывшего хозяина — принца Конде. Теперь следующий вопрос: кто передал вам роскошное предложение насчет замка и ренты?

— Мадам де Бове.

— Кривая Като!.. Тогда сомнений нет, в деле замешан Фуке. Он щедро платит старой мегере, чтобы выведывать через нее все дворцовые тайны. Раньше она была на довольстве у Мазарини, но он оказался скупее суперинтенданта финансов. Добавлю, что я напал на след еще одного знатного вельможи, который поклялся погубить вас и вашего мужа.

— И кто же он?

— Месье, брат короля.

Анжелика воскликнула:

— Вы с ума сошли!

Молодой человек с недовольным видом поморщился.

— Думаете, я швырнул на ветер ваши полторы тысячи ливров? Может быть, я и похож на шута, мадам, но раз сведения, которые я добываю, стоят так дорого, то именно потому, что они достоверны. Ловушку в Лувре подстроил брат короля, это он пытался вас убить. Я узнал это от наемника, напавшего на вашу служанку Марго, и мне понадобилось оплатить не меньше десяти пинт вина в «Красном петухе», чтобы вытянуть из него такое признание.

Анжелика провела рукой по лицу. Срывающимся голосом молодая женщина пересказала Дегре поразительный эпизод, свидетельницей которого она случайно оказалась в замке Плесси-Бельер много лет тому назад.

— Известно ли вам, как сложилась судьба вашего родственника, маркиза дю Плесси?

— Нет, не известно. Может быть, он в Париже или в армии.

— Фронда уже в прошлом, — задумчиво проговорил адвокат. — Но угли до сих пор тлеют, и достаточно одной искры, чтобы вновь раздуть пламя. Видимо, не так мало тех, кто все еще боится, как бы в один

прекрасный день не всплыли неопровержимые свидетельства их былой измены.

Резким движением он смахнул со стола ворох бумаг и гусиных перьев.

— Итак, что мы имеем. Мадемуазель Анжелика де Сансе, то есть вы, подозревается в том, что ей известна некая опасная тайна. Принц или месье Фуке поручают своему слуге Клеману шпионить за вами, что он и проделывает долгие годы. Наконец, он убеждается в том, что подозрения не были беспочвенными: именно из-за вас исчез ларец, и его секрет известен только вам и вашему мужу. Тут наш слуга идет к Фуке и продает сведения за звонкую монету. И с этого момента ваша гибель — дело решенное. Все, кто живет на деньги суперинтенданта, все, кто боится их лишиться или оказаться в немилости, тайно объединяются против сеньора из Тулузы, ведь тот однажды может предстать перед королем и заявить: вот что мне известно! В Италии против вас, вероятно, использовали бы яд или кинжал. Но все знают, что граф де Пейрак к яду невосприимчив. Кроме того, французы предпочитают придавать подобного рода делам видимость законности. Нелепое обвинение, выдвинутое монсеньором де Фонтенаком, пришлось как нельзя кстати. Опасного дворянина попросту арестовывают под предлогом того, что он якобы занимается колдовством. Короля с легкостью вводят в заблуждение, разжигая в его душе зависть к чрезмерному богатству тулузского сеньора. И вот пожалуйста! За графом де Пейраком захлопнулись ворота Бастилии. Все смогли вздохнуть спокойно.

— Ну уж нет! — с яростью воскликнула Анжелика. — Я им не позволю спокойно вздохнуть. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы справедливость восторжествовала. И я сама расскажу королю, почему у нас столько врагов.

— Тс-с! — мгновенно перебил ее Дегре. — Не надо так горячиться. В ваших руках — бочонок с порохом, берегитесь! Если он взорвется, вас первую разнесет на куски. Кто поручится, что король или даже сам Мазарини не осведомлены обо всей этой истории?

— Но позвольте, — возразила Анжелика, — ведь именно они должны были пасть жертвами того заговора. Изменники собирались убить кардинала, а если получится, то и короля вместе с его маленьким братом.

— Понимаю, мадам, все понимаю, — произнес адвокат.

И извиняющимся тоном продолжил:

— Я понимаю логику ваших рассуждений, мадам. Но интриги высшего света — это настоящее змеиное гнездо. Пытаясь разобраться в их хитросплетениях, мы рискуем расстаться с жизнью. Очень может быть, что Мазарини получил донесения через свою шпионскую сеть, которую он блестяще умеет раскидывать. Но с какой стати Мазарини должно волновать прошлое, если он оказался на вершине славы! Сегодня кардинал обсуждает с испанцами возвращение принца Конде. Не слишком подходящий момент, чтобы записывать еще одно старое преступление Конде в черный список, который только что с таким усердием вычищали! Монсеньор кардинал предпочел остаться глухим. Хотят арестовать этого дворянина из Тулузы — на здоровье, пусть арестуют! Отличная идея. Король охотно следует советам монсеньора кардинала, тем паче что богатство вашего супруга испортило ему настроение. Поставить свою подпись под приказом об аресте без суда и следствия и о заключении в Бастилию — просто детская игра для него...

— А брат короля?

— Брат короля? Ну, его и подавно не волнует, что когда он был еще ребенком, Фуке собирался его

прикончить. Для Месье важно только настоящее, а сегодня его содержит именно Фуке. Осыпает его золотом, подыскивает фаворитов. Маленького Месье мать и брат никогда не баловали. Вот он и трясется, как бы кто не скомпрометировал его покровителя. Короче говоря, дело устроилось бы как нельзя лучше, не вмешайся в него вы. Все надеялись, что, лишившись поддержки мужа, вы исчезнете... тихо и незаметно... неважно, куда. Это никого не интересует. Да и кому известна участь жен, чьи мужья оказались в немилости? У них хватает такта просто исчезнуть. Быть может, они уходят в монастырь. Быть может, меняют имя. И только вы не пожелали следовать заведенному порядку. Вы заявляете, что будете взывать к правосудию!.. Неслыханная дерзость, не правда ли? Тогда вас дважды попытались убить. И, в поисках выхода из тупика, Фуке сыграл роль демона-искусителя...

У Анжелики вырвался глубокий вздох.

— Что же делать, — прошептала она. — Куда ни взглянуть — кругом враги, всюду злобные, завистливые, ревнивые и недоверчивые взгляды, в которых сквозит угроза.

— Послушайте, может быть, пока ничего не потеряно, — сказал Дегре. — Фуке предлагает вам достойный способ выпутаться из этой истории. Состояния мужа вам не вернут, но, по крайней мере, вы не будете знать нужды. Чего еще вам нужно?

— Мне нужен мой муж! — подскочив от злости, воскликнула Анжелика.

Адвокат с иронией взглянул на нее.

— В самом деле, вы удивительное создание.

— А вы, вы — трус! Да вы просто трясетесь от страха, как и все остальные.

— Сказать по чести, для всех этих высокопоставленных особ жизнь несчастного клерка не стоит ломаного гроша.

— Ну и берегите ее, свою жалкую жизнь ценой в шесть су! Берегите ее, чтобы защищать бакалейщиков от обворовывающих их приказчиков или разгребать дрязги алчных наследников. Я не нуждаюсь больше в ваших услугах!

Он молча поднялся и медленно развернул какой-то исписанный лист бумаги.

— Вот перечень моих расходов. Взгляните, я ничего не присвоил.

— Мне безразлично, вор вы или честный человек.

— Тогда еще один совет.

— Я не нуждаюсь впредь в ваших советах. Я обращаюсь к моему зятю.

— Ваш зять отнюдь не горит желанием взяться за это дело. Он приютил вас и порекомендовал вам меня затем, чтобы, если все обойдется, приписать заслугу себе. А если нет, то он умоет руки, оправдываясь тем, что находится на службе у короля. Вот почему я повторяю вам: постарайтесь встретиться с королем.

Он низко поклонился, надел потрепанную фетровую шляпу и направился к двери, но тут же вернулся.

— Если я вам понадобится, пошлите за мной в таверну «Три молотка», я бываю там каждый вечер.

Едва он вышел, Анжелике сразу же захотелось расплакаться. Она осталась совсем одна. Она чувствовала, как над головой со всех сторон собираются грозные тучи: амбиции его преосвященства де Фонтенака, страхи Фуке и Конде, безразличие кардинала, а совсем рядом — настороженное ожидание зятя и сестры, готовых при малейшем признаке опасности выгнать ее из своего дома.

В передней Анжелика наткнулась на Ортанс в белом переднике, затянутом на тощих боках. Дом пропитался

ароматами земляничного и абрикосового варенья. Хорошие хозяйки всегда готовят его в сентябре. В доме прокурора такое важное и нелегкое дело вершилось среди огромных медных тазов и гор колотого сахара, обильно орошаемых слезами Барбы. Три дня все в доме шло кувырком.

Ортанс несла драгоценную сахарную голову, когда прямо ей под ноги из кухни выскочил Флоримон, яростно потрясая своей серебряной погремушкой с тремя колокольчиками и двумя хрусталиками.

Этого было достаточно, чтобы разразилась гроза.

— Мало того, что нас стеснили, мало того, что нас скомпрометировали, — взвизгнула Ортанс, — но я уже не могу заниматься делами в собственном доме, меня толкают, от этого звона вообще оглохнуть можно! У меня ужасная мигрень! А пока я погибаю от хлопот по дому, мадам изволит принимать адвоката или бегаёт по городу, делая вид, что пытается вызволить своего кошмарного мужа, о богатстве которого она так сожалеет.

— Не стоит так громко кричать, — сказала Анжелика. — Давай лучше я помогу тебе с вареньем. Я знаю отличные южные рецепты.

Ортанс, сжимая в руках сахарную голову, выпрямилась с величественным видом, под стать трагической актрисе.

— Никогда, — гневно воскликнула она, — я никогда не допущу, чтобы ты хоть пальцем коснулась пищи, которую я готовлю для своих детей и супруга! Я ни на минуту не забываю о том, что твой муж — приспешник дьявола, колдун, и что он умеет делать яды. Очень может быть, что теперь и ты с ним заодно. Гастон переменялся с тех пор, как ты здесь появилась.

— Твой муж? Да я на него даже не смотрю.

— Зато он смотрит на тебя куда больше, чем это позволяют приличия. Ты должна отдавать себе отчет в

том, что твое присутствие здесь слишком затянулось. Ты говорила об одной ночи...

— Поверь мне, я делаю все возможное, чтобы разобраться в происходящем.

— Твои хлопоты приведут к тому, что ты привлечешь к себе внимание и тебя тоже арестуют.

— Честно говоря, порой я даже спрашиваю себя, а не лучше ли в тюрьме. По крайней мере, у меня было бы бесплатное жилье и я была бы избавлена от скандалов.

— Ты не соображаешь, о чем говоришь, милочка, — с насмешкой возразила Ортанс, — за это придется платить по десять су в день, и их потребуют как раз у меня, твоей единственной парижской родственницы.

— Не так уж разорительно. Куда меньше, чем я даю тебе. Не считая тех туалетов и драгоценностей, которые я тебе подарила.

— А с двумя детьми выйдет по тридцать су в день.

Анжелика устало вздохнула.

— Пойдем, Флоримон, — сказала она малышу. — Видишь, тетя Ортанс устала от тебя. Пары варенья затуманили ей голову, она заговаривается.

Ребенок поспешил к матери, звеня своей блестящей погремушкой. Тут уж Ортанс окончательно взбеленилась.

— Ничего себе погремушка! — завопила она. — У моих детей никогда не было ничего похожего. Жалуешься, что у тебя нет денег, а сама только что купила сыну дорогую игрушку.

— Но ему так ее хотелось. Да и не такая уж она дорогая. У ребенка сапожника точно такая же.

— Все знают, что простолюдины не умеют экономить. Они балуют детей, но не дают им никакого образования. Перед тем как покупать бесполезные вещи, вспомнила бы, что ты нищая, а у меня нет ни малейшего желания содержать тебя.

— Я и не прошу, — оборвала ее Анжелика. — Как только вернется Андижос, я перееду в гостиницу.

Ортанс пожала плечами и с презрительной жалостью рассмеялась.

— Решительно, ты еще глупее, чем я думала. Ты не имеешь понятия ни о законах, ни о том, как они исполняются. Он ничего тебе не привезет, твой маркиз д'Андижос.

Мрачное предсказание Ортанс сбылось почти сразу же.

Маркиз д'Андижос, едва появившись на пороге в сопровождении верного Куасси-Ба, тут же сообщил Анжелике, что все имущество в Тулузе опечатано. Ему удалось привезти только тысячу ливров, которые под большим секретом одолжили два крупных арендатора арестованного графа. Большая часть украшений Анжелики, золотая и серебряная посуда и почти все ценные вещи, имевшиеся в отеле Веселой Науки, в том числе золотые и серебряные слитки, конфискованы и переданы в казну тулузского наместника, а частью увезены в Монпелье ^[2].

Андижос, казалось, испытывал замешательство. Обычные словоохотливость и добродушие оставили его, он то и дело украдкой озирался по сторонам. Кроме всего прочего, маркиз рассказал, что после ареста графа де Пейрака в Тулузе начались волнения. Ходили слухи, что во всем виноват архиепископ, и возле его дворца поднялся настоящий бунт. К Андижосу пришли капитулы и, ни много ни мало, просили его поднять восстание против власти короля. Маркизу с большим трудом удалось вырваться из Тулузы и уехать в Париж.

— Что же вы намерены теперь делать? — спросила Анжелика.

— Какое-то время побуду в Париже. Увы, мои средства, как и ваши, ограничены. Я продал старую

ферму и голубятню. Может быть, мне удастся купить какую-нибудь должность при дворе...

В его акценте, прежде таком задорном, появилось что-то жалкое, словно приспущенное знамя. Анжелика почувствовала разочарование: это слишком походило на трусливую уловку.

«Ох уж эти южане! — подумала она. — Торжественные клятвы, звонкий смех! А когда приходит беда, фейерверк гаснет».

— Не хотелось бы компрометировать вас, — вслух произнесла она. — Благодарю за все ваши услуги, мессир д'Андижос. Желаю удачи при дворе.

Он молча поцеловал ей руку и с некоторым смущением удалился.

В прихожей прокурорского дома Анжелика разглядывала крашеную деревянную дверь. Сколько слуг графа де Пейрака вышли через нее, опустив от стыда глаза, но с чувством облегчения покидая свою хозяйку, оказавшуюся в немилости!

Куасси-Ба сидел на корточках подле ее ног. Она провела рукой по его волосам, и лицо великана озарилось детской улыбкой.

Тысяча ливров — это уже кое-что. Всю следующую ночь Анжелика строила планы отъезда из дома сестры, пребывание в котором стало для нее невыносимым. С собой она возьмет маленькую служанку из Беарна и Куасси-Ба. Им нужно будет найти какое-нибудь скромное жилье в Париже. Кроме того, у нее еще оставались кое-какие драгоценности и платье из золотой парчи. Сколько можно выручить за эти вещи?

Ребенок у нее в животе начинал уже шевелиться, но она почти не обращала на него внимания и не испытывала тех чувств, что во время первой беременности Флоримоном. Когда прошел первый порыв радости, она осознала, что появление второго малыша в такой момент будет едва ли не катастрофой.

Но, в конце концов, не было смысла строить планы на будущее, нужно было собрать все свое мужество в настоящем.

Следующий день принес ей слабую надежду. Мадемуазель де Монпансье прислала пажа в великолепной светло-желтой ливрее, вышитой золотом и украшенной черным бархатом. Такой наряд впечатлил даже Ортанс.

Великая Мадемуазель пригласила Анжелику прийти в Лувр после полудня. Паж уточнил, что отныне Мадемуазель живет именно там, а не в Тюильри.

В назначенный час Анжелика, сгорая от нетерпения, перешла мост Нотр-Дам — к огромному разочарованию Куасси-Ба, который рассчитывал, что они пойдут по Новому мосту. Но Анжелике совсем не хотелось, чтобы к ней приставали торговцы и попрошайки.

Она собралась было одолжить у сестры кресло на колесиках, чтобы не погубить своего последнего роскошного туалета. Но, увидев холодное выражение ее лица, передумала.

В этот раз на Анжелике было двухцветное платье — оливковое с бледно-зеленым, не по сезону легкое. По улицам и набережным разгуливал влажный ветер, и она куталась в шелковую накидку сливового цвета.

Наконец, они добрались до громады дворца, на крышах и куполах которого украшенные гербами дымовые трубы тянулись к облачному небу.

Анжелика прошла через внутренний двор и, поднявшись по огромной мраморной лестнице, оказалась у дверей апартаментов, которые, как ей сообщили, отныне принадлежали Мадемуазель. Когда она вновь увидела эти бесконечные коридоры, зловещие, несмотря на позолоченные кессонные

потолки, расписанные цветами панели и драгоценные гобелены, она не смогла не содрогнуться от страха. Слишком много теней пряталось в укромных уголках, словно специально созданных для засады и нападения. В старом королевском дворце на каждом шагу выростали призраки кровавой и страшной истории, хотя придворные молодого монарха и пытались привнести туда хотя бы немного веселья.

Господин де Префонтен сообщил Анжелике, что Мадемуазель находится в Большой галерее, у своего художника, и предложил проводить ее туда.

Он с серьезным видом шел рядом с молодой дамой. Это был не первой молодости мужчина, осторожный и осмотрительный. Великая Мадемуазель так ценила его советы, что королева-мать дважды отправляла беднягу в изгнание, чтобы досадить ей.

Анжелика, хотя и была погружена в свои собственные заботы, все же старалась поддерживать разговор и спросила его, каковы планы принцессы. Не собирается ли она вскоре переехать в Люксембургский дворец, как это предполагалось ранее?

Господин де Префонтен вздохнул. Мадемуазель пришла в голову мысль отдать приказ о ремонте своих апартаментов в Люксембургском дворце, хотя они и без того очень красивы и почти новые. Временно она поселилась в Лувре, не выдержав соседства во дворце Тюильри с Месье. С другой стороны, ведутся разговоры о свадьбе Месье и Генриетты Английской и о том, что молодая пара будет жить в Пале-Рояль, и потому Мадемуазель надеется вернуться в Тюильри.

«Лично я, мадам, — заключил господин де Префонтен, — не скрою от вас своего мнения по этому поводу: будь то Люксембургский дворец или Тюильри — это в любом случае лучше, чем Лувр».

И он доверительно склонился к ней:

— Что вы хотите, ведь мои дед и отец были протестантами. И меня почти до десяти лет воспитывали в традиции кальвинизма. Ничего не поделаешь — ни один гугенот не будет чувствовать себя в своей тарелке, проходя по коридорам Лувра. Конечно, много воды утекло с той страшной ночи, но иногда мне чудится, что на плитах алеет кровь, пролитая в день святого Варфоломея. Дед подробно рассказывал мне о той трагедии. Ему тогда было двадцать четыре года, и он чудом избежал гибели при избиении протестантов... Взгляните. Из этого окна король Карл IX стрелял из аркебузы по своим дворянам-гугенотам, которые пытались спастись, переплыв через Сену и добравшись до Пре-о-Клер. Мой дед помнил Карла IX, бородатого великана, кричавшего в ярости: «Бей! Бей! Не щади никого!» Всю ночь в Лувре лилась кровь. Из всех окон выбрасывали трупы, во всех закоулках резали людей. Вы не гугенотка?

— Нет, мессир.

— Тогда не знаю, зачем я вам рассказываю все это, — задумчиво произнес господин де Префонтен. — Сам я католик, но детские впечатления трудно изгнать из памяти. С тех пор как я поселился в Лувре, я плохо сплю по ночам. Я просыпаюсь, вскакиваю, мне слышится крик в коридоре: «Бей! Бей!» Меня преследует топот вельмож-протестантов, бегущих от своих убийц... Если вас интересует мое мнение, мадам, то я задаюсь вопросом, не водятся ли в Лувре призраки... кровавые призраки.

— Вам хорошо бы принять отвар из успокаивающих трав, господин де Префонтен, — посоветовала Анжелика. Ей стало слишком не по себе от этих мрачных историй. Попытка убить ее, когда она чудом спаслась, но которая стоила Марго жизни, была еще слишком свежа в ее памяти, чтобы она могла спокойно

воспринимать рассказанные господином де Префонтеном слова как игру больного воображения.

Убийство, насилие, измена — самые гнусные преступления притаились в недрах огромного дворца.

Вскоре Анжелика обнаружила, что находится в каком-то подвале под Большой галереей. Со времен Генриха IV эта часть Лувра предназначалась для художников и некоторых ремесленников.

Скульпторы, живописцы, часовщики, парфюмеры, гранильщики драгоценных камней, оружейники, выковывавшие стальные шпаги, самые искусные золотильщики, специалисты по насечке золотых и серебряных узоров, мастера, изготавливавшие музыкальные инструменты, научные приборы и гобелены, книгопечатники жили там со своими семьями за счет короля. За тяжелыми дверями лакированного дерева слышались удары молота по наковальне, щелканье станков, на которых ткали гобелены и «турецкие» ковры, глухой стук прессов в типографии.

Живописец, которому герцогиня де Монпансье заказала свой портрет, был родом из Голландии; высокий, с ясными голубыми глазами на розовом, как ветчина, лице и с русой бородой. Скромный и талантливый художник, Ван Оссель противостоял капризам придворных дам с помощью своего несокрушимого спокойствия и плохого знания французского языка. И хотя чаще всего вельможи обращались к нему на «ты», как это было принято в отношении слуг и ремесленников, он все же умел отстаивать право на собственное мнение.

Так, он потребовал от Мадемуазель, чтобы одна ее грудь на портрете была обнажена, и это было правильное решение, ибо грудь была самой красивой частью тела этой женщины, противящейся брачным узам. А поскольку эта картина предположительно предназначалась очередному претенденту на руку

герцогини, трудно не согласиться, что белоснежная, округлая и такая соблазнительная выпуклость будет удачным дополнением к ее приданому и великолепной родословной.

Мадемуазель, облаченная в темно-синий бархат с живописно изломанными складками, в жемчугах и драгоценностях, с розой в руках, улыбнулась Анжелике.

— Минуту, душенька, сейчас я буду в вашем распоряжении. Ван Оссель, может быть, хватит мучить меня?

Художник что-то пробурчал в бороду и для вида добавил на холсте к обнаженной груди, предмету своих особых стараний, несколько светлых мазков.

Пока горничная помогала Мадемуазель одеться, художник отдал кисти мальчику, должно быть своему сыну и подмастерью. Он внимательно оглядел Анжелику и сопровождающего ее Куасси-Ба. Наконец, он снял фетровую шляпу и низко поклонился.

— Мадам, не угодно ли вам, чтобы я написал ваш портрет? О, это было бы так красиво! Женщина, от которой исходит свет, и черный, как сажа, мавр. Солнце и ночь...

Анжелика с улыбкой отклонила предложение. Для этого был неподходящий момент. Но, может, когда-нибудь...

Она представила себе огромную картину, которую повесит в отеле квартала Сен-Поль, когда победительницей вернется туда с Жоффреем. Эта мысль придала молодой женщине мужества.

Когда они по галерее возвращались в апартаменты Мадемуазель, та взяла Анжелику под руку и несколько резко, со свойственной ей прямоотой, перешла к делу:

— Дружочек, я так надеялась, что узнаю новости, позволяющие сообщить вам добрую весть, подтвердить, что арест вашего мужа — всего лишь недоразумение, вызванное наветами какого-то придворного

недоброжелателя, старающегося выслужиться перед королем, или его оклеветал из мести один из просителей, которому граф де Пейрак отказал... Но теперь я начинаю опасаться, что дело гораздо сложнее и затянется на неопределенное время.

— Ваше Высочество, умоляю, расскажите, что вам удалось выяснить?

— Пойдемте ко мне, подальше от любопытных ушей.

Когда они уселись рядом на удобном канapé, Мадемуазель продолжила:

— По правде говоря, мне известно немного. Если не принимать во внимание обычные дворцовые сплетни, должна признаться, что меня больше всего беспокоит именно скудность полученных сведений. Люди ничего не знают или предпочитают ничего не знать.

После некоторого колебания она еще тише добавила:

— Вашего мужа обвиняют в колдовстве.

Чтобы не огорчать герцогиню, принимающую в ней такое искреннее участие, Анжелика воздержалась от признания, что это ей уже известно.

— Это само по себе не так страшно, — продолжала мадемуазель де Монпансье, — все можно было бы уладить, если бы ваш муж предстал в качестве обвиняемого перед церковным судом, как того требует предъявленное ему обвинение. Не скрою, церковники порой раздражают меня и кажутся чрезмерно властолюбивыми, однако нельзя отказать им в том, что в вопросах правосудия они держатся достойно и разумно. Но серьезные опасения вызывает то обстоятельство, что, вопреки характеру обвинения, имеющего прямое отношение к церкви, дело вашего мужа передано в светский суд. И тут я не строю иллюзий. Если начнется слушание, в чем я не уверена, все будет зависеть только от состава суда.

— Ваше Высочество, вы хотите сказать, что на светском суде судьи пойдут на такой риск и проявят пристрастность?

— Смотри кого назначат.

— И кто их назначает?

— Король.

Взглянув на перепуганное лицо молодой женщины, герцогиня приподнялась и, погладив по плечу собеседницу, принялась ее успокаивать. Все будет хорошо, она уверена. Нужно только разобраться... Нельзя без веских оснований бросить в одиночную камеру столь знатного дворянина, каким является граф де Пейрак. Она обстоятельно расспросила архиепископа Парижского, кардинала де Гонди^[3], бывшего участника Фронды, не слишком расположенного к его преосвященству архиепископу Тулузскому, де Фонтенаку.

От этого кардинала, которого никак нельзя заподозрить в снисходительности к своему влиятельному сопернику из Лангедока, герцогиня выяснила, что, по всей видимости, архиепископ Тулузский первым предъявил графу обвинение в колдовстве, но позже под действием каких-то неведомых сил отказался от своего иска в пользу королевского суда.

— Тулузский архиепископ на самом деле не хотел заходить так далеко, он лично не верит в колдовство, во всяком случае, в отношении вашего мужа, и удовлетворился бы тем, чтобы церковный суд или парламент Тулузы вынесли графу порицание. Но у него «отняли» обвиняемого, прислав заранее заготовленный королевский указ об аресте.

Затем Мадемуазель рассказала, что благодаря своим связям она окончательно убедилась в том, что передаче дела Жоффрея де Пейрака в тулузский

парламент воспрепятствовал некий могущественный вельможа.

— Я услышала это из уст самого мессира де Массно, почтенного члена лангедокского парламента, которого только что по какому-то странному поводу вызвали в Париж, и он спрашивает себя, не связано ли это с делом вашего мужа.

— Массно? — в задумчивости переспросила Анжелика.

В ее памяти молнией вспыхнула картина: краснолицый господин в бантах на пыльной дороге в Сальсинь, размахивающий тростью и выкрикивающий угрозы дерзкому графу де Пейраку: «Я поставлю в известность монсеньора герцога Орлеанского, наместника Лангедока... и Королевский совет!»

— О Господи! — прошептала она. — Это же враг моего мужа...

— Я лично беседовала с этим магистратом, — сказала герцогиня де Монпансье. — Хотя по происхождению он не дворянин, мне он показался откровенным и достойным человеком. Он опасается, что его назначат судьей на процессе графа де Пейрака как раз из-за ссоры, о которой всем известно. Он говорит, что взаимные оскорбления, которые могут вырваться на знойной дороге, не имеют отношения к делам правосудия и ему будет крайне неприятно, если его вынудят участвовать в заказном процессе.

Из всего сказанного Анжелика извлекла только одно слово: «процесс». Мадемуазель де Монпансье скорчила гримасу, отнюдь не украсившую ее.

— Значит, все-таки возможность проведения процесса рассматривается? Адвокат, к которому я обращалась, считает, что начать процесс было бы уже достижением, особенно если дело будет передано на рассмотрение парижского парламента. Об этом

свидетельствует и присутствие Массно, он ведь тоже член парламента.

— Видите ли, девочка моя, я и сама искушена в крючкотворстве законников и тоже хорошо знаю, что из себя представляют судейские. Можете поверить мне на слово, суд ничем не поможет вашему мужу, потому что все эти парламентарии чем-то обязаны Фуке, нынешнему суперинтенданту финансов, и подчинятся его приказам, тем более что он — бывший председатель парижского парламента.

Анжелика вздрогнула. Фуке! Несмотря на ореол таинственности, все-таки промелькнула белка, украшающая герб автора этой интриги.

— Почему вы заговорили о Фуке? — неуверенно спросила она. — Клянусь, мой муж не сделал ничего, что могло бы вызвать такую ненависть с его стороны. Он даже никогда его не видел!

Мадемуазель вновь покачала головой и продолжила:

— Лично у меня нет шпионов, которые следили бы за Фуке. Впрочем, слежка не в моих правилах, зато он этим известен. Еще мой покойный отец уверял, что в этом королевстве нельзя чувствовать себя в безопасности, не имея шпионов, которые повсюду роятся, как мухи, — заметила Мадемуазель, довольная этим сравнением. — Иначе ничего не добиться. Очень досадно с точки зрения интересов дела вашего мужа, но в окружении суперинтенданта у меня нет доверенных людей — ни мужчин, ни женщин. Но, насколько я поняла со слов Месье, которого, как видно, тоже содержит суперинтендант, ваш муж и вы знаете какую-то тайну, связанную с Фуке.

У Анжелики замерло сердце. Быть может, стоит во всем открыться высокой покровительнице? Искушение было велико, но она вовремя вспомнила, что герцогиня

не отличается ни деликатностью, ни умением хранить секреты. Лучше подождать и посоветоваться с Дегре.

Молодая женщина вздохнула и, не глядя в глаза своей собеседнице, проговорила:

— Что я могу знать об этом могущественном вельможе, я даже никогда не была ему представлена. Припоминаю, что, когда я была ребенком, ходили в Пуату слухи о каком-то заговоре знатных особ, в котором были замешаны месье Фуке, принц Конде и другие высокопоставленные лица. А вскоре после этого началась Фронда.

Даже эти слова было рискованно говорить Великой Мадемуазель. Но та не заметила недомолвки и рассказала, что ее отец тоже всю жизнь участвовал в заговорах.

— В этом заключался его самый главный порок. Кроме того, он был слишком добрым и мягким человеком, чтобы взять в свои руки бразды правления королевством. Зато он был непревзойденным мастером плести интриги. Он тоже мог оказаться в лагере Фуке, в тот момент почти никому не известной личности. Но отец был богат, а Фуке еще только начинал свое восхождение по карьерной лестнице. Никто не может сказать, будто мой отец участвовал в заговорах из корыстных побуждений.

— А мой муж разбогател, не участвуя ни в каких заговорах, — со слабой улыбкой произнесла Анжелика. — Наверное, это и кажется подозрительным...

Мадемуазель не стала возражать против такой версии. Она добавила, что, по мнению двора, пренебрежение придворной куртуазностью — большой порок. Но, тем не менее, это не может служить основанием для приказа о заключении в тюрьму, подписанного самим королем.

— Вашему мужу наверняка что-то известно, — с уверенностью заключила она. — В любом случае помочь

вам может только король. Да, у вас немного возможностей для маневрирования. Король прошел у Мазарини школу флорентийской и венецианской политики. Он может с улыбкой на устах и даже со слезами на глазах — ведь Людовик очень эмоционален — готовить кинжал, которым заколют его друга.

Увидев, как Анжелика побледнела, покровительница обняла ее за плечи и жизнерадостно произнесла:

— Ну, полноте, я, как водится, пошутила. Не стоит меня принимать всерьез. В этом королевстве никто больше не принимает меня всерьез. Итак, довольно разговоров, перейдем к делу: вы хотите встретиться с королем?

И когда Анжелика, измученная внезапными переходами от согревающей надежды к ледяному отчаянию, бросилась в ноги Великой Мадемуазель, обе дамы разрыдались.

После того как они успокоились, мадемуазель де Монпансье предупредила, что время для роковой встречи уже назначено: король примет мадам де Пейрак через два часа.

Вместо того чтобы разволноваться еще сильнее, Анжелика внезапно почувствовала, что ее охватило странное спокойствие. Сегодня все будет решено.

У нее не было времени возвращаться в квартал Сен-Ландри, и она попросила у Мадемуазель разрешения воспользоваться ее пудрой и румянами, чтобы привести себя в порядок. Мадемуазель предоставила в распоряжение графини де Пейрак одну из своих горничных.

Глядя в зеркало туалетного столика, Анжелика спрашивала себя, настолько ли она еще привлекательна, чтобы добиться расположения короля. Она немного раздалась в талии, а лицо потеряло детскую округлость. Молодая женщина осунулась,

побледнела, под глазами залегли темные круги. Придирчиво вглядевшись в собственное отражение, Анжелика призналась себе, что, в конце концов, удлинившийся овал лица и глаза, казавшиеся больше из-за окружившей их синевы, ей даже идут. У нее теперь трогательный, волнующий вид, не лишенный обаяния.

Анжелика слегка подкрасилась, приклеила к виску черную бархатную мушку и позволила горничной подправить себе прическу.

Она снова посмотрела на свое отражение — зеленые глаза сверкали, как у кошки в ночи. И она прошептала:

— Это больше не я! Но все же эта женщина очень красива. О, король не сможет остаться безразличным! Но увы! Боюсь, я не смогу выказать должного смирения. Господи, помоги мне быть смиренной перед ним!

Глава 3

Анжелика сделала глубокий реверанс и выпрямилась. Сердце ее колотилось. Перед ней стоял король. Он подошел неслышно, его высокие лакированные деревянные каблуки утопали в толстом шерстяном ковре.

Анжелика заметила, что дверь маленького кабинета снова закрылась и она осталась наедине с монархом. Молодая графиня почувствовала смущение, почти что впала в панику. Она никогда не видела короля без сопровождения многочисленной свиты, и оттого он никогда не казался ей по-настоящему живым и реальным человеком, а воспринимался скорее как актер на сцене.

Сейчас же Анжелика ясно ощущала присутствие мужчины, довольно крупного, но хорошо сложенного, от которого веяло тонким ароматом ириса — ирисовой пудрой он, в соответствии с модой, присыпал густые каштановые волосы. И этот мужчина был королем.

Она осмелилась поднять глаза.

Людовик XIV разглядывал молодую женщину с серьезным и бесстрастным видом. Казалось, он пытается вспомнить имя посетительницы, хотя оно только что было названо Великой Мадемуазель. Анжелика чувствовала, как холодный взгляд короля парализует ее.

Она не знала, что Людовик XIV, не унаследовав простоты своего отца, короля Людовика XIII, унаследовал его застенчивость. Он страстно любил пышность и блеск и изо всех сил старался побороть чувство неполноценности, столь не соответствующее величию его титула. Хотя король был уже женат и не прочь поухаживать за дамами, при встрече с женщиной,

особенно если она была красавицей, он всякий раз испытывал смущение.

А Анжелика, бесспорно, была красива. Особенно хороши были, хоть она об этом и не подозревала, ее гордая осанка и взгляд — одновременно скромный и смелый, который мог показаться дерзким и вызывающим, если бы в нем не отражались присущие юности невинность и искренность. Когда молодая женщина улыбалась, ее лицо преображалось, яснее выражая симпатию, которую она испытывала к окружающим ее людям, да и к жизни вообще.

Но сейчас Анжелика не улыбалась. Она принуждена была ждать, пока король заговорит, и по мере того, как его молчание затягивалось, тишина буквально сжимала ей горло.

Наконец король решился и начал разговор, немного покривив душой:

— Мадам, я вас не узнал. Где чудесное золотое платье, которое было на вас в Сен-Жан-де-Люзе?

— Сир, мне в самом деле неловко, что приходится предстать перед вами в столь простом и далеко не новом туалете. Но у меня больше ничего не осталось. Вашему Величеству должно быть хорошо известно, что на все мое имущество наложен арест.

Лицо короля приняло ледяное выражение, которое сразу же сменилось улыбкой.

— Вы решили сразу же перейти к делу, и это правильно. Вы напоминаете мне, что у короля каждая минута на счету и что у него нет времени на болтовню. Но вы чересчур суровы, мадам.

Бледные щеки молодой женщины слегка порозовели, и она смущенно улыбнулась.

— Я вовсе не хотела напоминать вам об обременяющих вас многочисленных обязанностях, сир. Я лишь прямо ответила на ваш вопрос. Мне не хотелось бы, чтобы Ваше Величество сочли мою небрежность

причиной того, что я осмелилась появиться перед вами в поношенном платье и с более чем скромными украшениями.

— Я не отдавал приказа о наложении ареста на ваше личное имущество. Более того, я собственноручно распорядился оставить мадам де Пейрак на свободе и никак ее не притеснять.

— Я бесконечно признательна Вашему Величеству за внимание, проявленное ко мне, — произнесла с поклоном Анжелика. — Но личного имущества у меня нет, и, поскольку я спешила в Париж с намерением узнать, что случилось с моим супругом, я захватила с собой лишь самые необходимые вещи и немного драгоценностей. Но я здесь не для того, чтобы жаловаться на свое бедственное положение, сир. Моя единственная забота — судьба моего мужа.

И она умолкла, сжимая губы, чтобы из них не вырвался поток вопросов: «За что вы арестовали его? В чем вы его обвиняете? Когда вы мне его вернете?»

Людовик XIV глядел на нее с нескрываемым любопытством.

— Мадам, правильно ли я вас понял, что вы, такая красавица, действительно влюблены в своего хромого супруга?

Презрительный тон монарха поразил Анжелику в самое сердце, словно удар кинжала. Она испытала страшную боль. В ее глазах вспыхнуло негодование.

— Как можете вы говорить такое? — с жаром воскликнула она. — Ведь вы слышали его, сир! Вы слышали Золотой голос королевства!

— Действительно, перед обаянием его голоса трудно устоять.

Он подошел ближе и вкрадчиво произнес:

— Очевидно, ваш муж наделен властью околдовывать всех женщин, даже самых холодных. Мне говорили, будто граф де Пейрак необычайно гордился

этим своим искусством и в своем тщеславии дошел до того, что принялся ему обучать на неких «Судах любви», где царило самое постыдное распутство.

«Не более постыдное, чем то, что царит у вас в Лувре», — едва не вырвалось у Анжелики.

Однако она взяла себя в руки.

— Вашему Величеству превратно передали смысл этих светских собраний. Мой муж хотел возродить у себя в отеле Веселой Науки средневековые традиции провансальских трубадуров, которые воспевали галантность по отношению к дамам. Конечно, там велись и легкомысленные беседы, ведь речь шла о любви, но благопристойность всегда была соблюдена.

— И вы не испытывали ревности, глядя на то, как столь любимый вами муж предается разврату?

— Я никогда не замечала, чтобы он предавался разврату в том смысле, который вкладываете в это слово вы, сир. Традиции трубадуров учат хранить верность одной-единственной даме, будь то законная супруга или возлюбленная. А его избранницей была я.

— Однако вы долго не могли смириться с подобным выбором. Почему отвращение, которое вы испытывали поначалу, внезапно превратилось в страстную любовь?

— Вижу, Ваше Величество интересуется и самыми интимными деталями жизни подданных, — на этот раз Анжелике не удалось скрыть иронические нотки в голосе.

Все в ней клокотало от бешенства, с ее губ готовы были сорваться хлесткие слова, упреки вроде «А что, в отчетах, которые вам приносят каждое утро шпионы, говорится, сколько раз за ночь знатные особы вашего королевства занимаются любовью?»

Ей стоило невероятных усилий сдержаться, и она опустила голову, чтобы выражение лица не выдало ее чувств.

— Вы не ответили на мой вопрос, мадам, — ледяным тоном произнес король.

Анжелика провела ладонью по лбу.

— Почему я полюбила этого человека? — прошептала она. — Несомненно, потому что он наделен всеми достоинствами, необходимыми мужчине для того, чтобы женщина была счастлива стать его рабой.

— Так вы признаете, что ваш муж вас околдовал?

— Сир, уже пять лет мы живем под одной крышей. Я готова поклясться на Библии, что он не маг и не колдун.

— Вам известно, что его обвиняют именно в колдовстве?

Она молча кивнула.

— Речь идет не только о том странном воздействии, которое он оказывает на женщин, но и о подозрительном происхождении его огромного состояния. Говорят, он узнал секрет трансмутации^[4], заключив сделку с дьяволом.

— Сир, пусть мой супруг предстанет перед судом, и он без труда докажет, что пострадал из-за ложных идей алхимиков, упорно придерживающихся средневековых взглядов, которые в наши дни приносят скорее вред, чем пользу.

Король немного смягчился.

— Признайте, мадам, что ни вы, ни я — не знатоки алхимии. Однако вынужден заметить, что сделанные вами объяснения по поводу дьявольских ухищрений мессира де Пейрака несколько туманны и нуждаются в уточнении.

Анжелика сдержала вздох облегчения.

— Я счастлива, сир, услышать от вас слова, исполненные такого милосердия и сострадания!

Король слегка улыбнулся, хотя его лицо по-прежнему выражало недовольство.

— Не надо слишком спешить. Я всего лишь сказал, что хотел бы поподробнее разобраться в этой истории с трансмутацией.

Я знаю точно, сир, что никакой трансмутации никогда не происходило. Просто мой муж использовал метод растворения в расплавленном свинце мельчайших частичек золота, содержащегося в определенных горных породах, и именно этому методу он обязан своим богатством^[5].

— Если в его исследованиях не было ничего бесчестного и преступного, граф должен был сообщить о своем открытии КОРОЛЮ, однако же он ни единым словом не обмолвился о нем.

— Сир, я свидетельница тому, как он, ничего не скрывая, демонстрировал этот метод нескольким вельможам, а также доверенному лицу архиепископа Тулузского. Но метод применим лишь к определенным горным породам, называемым «невидимыми золотыми жилами Пиренеев», а владеют им только иностранные мастера. Так что он не мог поделиться каким-нибудь кабалистическим заклинанием, а только особым знанием, основанным на новейших исследованиях земных недр и требующим значительных затрат.

— Однако он предпочел оставить секрет при себе, обогащаясь и имея предлог принимать у себя иностранцев — испанцев, немцев, англичан и еретиков из Швейцарии. Так ему было легче готовить в Лангедоке бунт.

— Мой муж никогда не устраивал заговоров против Вашего Величества.

— По меньшей мере, он демонстративно выказывал высокомерие и независимость. Согласитесь, мадам, что если дворянин ничего не просит у короля, это само по себе странно. Но если он хвастается, что не нуждается

в своем сюзерене, то это уже переходит всякие границы.

Анжелика чувствовала, что ее трясет. Она приняла смиренный вид и рассказала, что Жоффрей — особенный человек, которого физическое увечье отдалило от людей его круга, и он стал делать все возможное, чтобы взять реванш с помощью философии и науки.

— Ваш муж хотел создать государство в государстве, — твердо произнес король. — Имеет к этому отношение религия или нет, колдун он или нет, но он пытался установить свою власть с помощью денег. С момента его ареста в Тулузе беспокойно, да и по всему Лангедоку не прекращаются волнения. Не думайте, мадам, что я подписал указ об аресте, не имея на то оснований более веских, нежели обвинение вашего мужа в колдовстве, хотя оно и само по себе достаточно серьезно. Но гораздо важнее то, ради чего это колдовство затевалось. И у меня достаточно доказательств измены графа.

— Изменники повсюду видят измену, — медленно проговорила Анжелика, и ее зеленые глаза заискрились от негодования, — и если Ваше Величество назовет мне имена тех, кто так оклеветал графа де Пейрака, я не сомневаюсь, что найду среди них лиц, которые в самом недавнем прошлом на самом деле посягали на власть и даже на жизнь Вашего Величества.

Хотя Людовик XIV остался бесстрастным, лицо его помрачнело.

— Вы берете на себя большую смелость, мадам, судить о том кому мне следует доверять. Дикие и злобные звери, если они укрощены и сидят на цепи, полезнее для меня, чем живущий в отдалении от двора гордый и свободный вассал, который того и гляди сделается моим соперником. Так пусть же судьба вашего мужа послужит уроком тем, кто вздумает

слишком высоко поднимать голову. Вскоре мы увидим, сумеет ли он своим золотым голосом обворожить судей и явится ли дьявол к нему на помощь. Моя задача — ограждать народ от пагубного влияния тех вельмож, которые возомнили себя хозяевами тел и душ поданных, да и самого короля!

«Мне нужно упасть в слезах к его ногам», — подумала Анжелика.

Но она не смогла сделать этого. Она перестала воспринимать человека напротив, как короля. Перед Анжеликой стоял всего-навсего молодой мужчина, ее ровесник — двадцати двух лет, — и ей отчаянно захотелось вцепиться в кружевной воротник Людовика XIV и потрясти его, как сливовое дерево.

— Так вот каково правосудие короля, — произнесла она срывающимся голосом, который показался ей чужим. — Вас окружают напудренные убийцы, украшенные плюмажами бандиты, лгуны, расточающие вам самую низкую лесть. Фуке, Конде, разные Конти, Лонгвилли, Бофоры... А человек, которого я люблю, не способен на предательство. Он сумел преодолеть самые страшные несчастья, он пополнял королевскую казну золотом, которое добывал благодаря своему таланту, ценой невероятных усилий и неутомимых трудов, и он ничего ни у кого не просил. И именно этого ему не могут простить...

— Вы правы, именно этого ему не могут простить, — как эхо повторил король.

Он подошел к Анжелике и схватил ее за руку с силой, которая выдавала кипевшую в нем ярость, никак не отражавшуюся на его спокойном лице.

— Мадам, вы сейчас беспрепятственно покинете эту комнату, хотя я мог бы арестовать вас. Вспоминайте об этом в будущем, когда вам придет в голову сомневаться в великодушии короля. Но берегитесь! Я не желаю больше слышать о вас, иначе я буду безжалостен. Ваш

муж — мой вассал. Да свершится королевское правосудие. Прощайте, мадам!

Глава 4

«Все пропало!.. Это моя вина! Я погубила Жоффрея», — повторяла Анжелика. В растерянности она бежала по коридорам Лувра. Найти Куасси-Ба!.. Повидаться с Великой Мадемуазель! В эту минуту, охваченная ужасом, она, как никогда, нуждалась в дружеской поддержке, но ждать помощи было неоткуда. Встречные казались слепыми и глухими, как будто это были не живые люди, а выходцы из другого мира.

Наступала ночь, и приближалась буря: ветер бил в оконные стекла, колебал пламя свечей, свистел под дверями и раздувал гардины.

Колоннады и маскароны, величественные сумрачные лестницы, позолоченные стенные панели, переходы и галереи, наборные полы, зеркала, картины на стенах... Анжелика блуждала по Лувру как по темному лесу, как по запутанному лабиринту, из которого нет выхода.

В поисках Куасси-Ба она спустилась вниз и оказалась в каком-то дворике. Но ливень и потоки воды из водосточных труб заставили ее отпрянуть назад.

Под лестницей, согреваясь у жаровни, пережидала непогоду труппа итальянских комедиантов, которые вечером должны были выступать перед королем. Красноватые блики от пылающих углей ложились на пестрые костюмы Арлекинов, на их черные маски, на белые одежды Панталоне и его клоунов.

Вернувшись на второй этаж, Анжелика увидела наконец знакомое лицо. Это был Бриенн. Он сообщил, что видел мессира де Префонтена у юной принцессы Генриетты Английской; вероятно, он сможет подсказать ей, где искать герцогиню де Монпансье.

В салоне принцессы Генриетты, залитом веселым теплым светом восковых свечей, шла крупная игра в карты. Анжелика заметила Андижоса, Пегилена, д'Юмьера и де Гиша. Они были целиком поглощены игрой или, может быть, просто притворялись, что не замечают вошедшую.

Мессир де Префонтен, потягивавший ликер у камина, сообщил ей, что мадемуазель де Монпансье направилась в покои Анны Австрийской, чтобы сыграть в карты с молодой королевой. Ее Величество Мария-Терезия устала; она застенчива, плохо знает французский язык и не любит проводить время в обществе молодых придворных, своими насмешками не щадящих даже королеву. Каждый вечер Мадемуазель навещает ее с тем, чтобы составить партию в карты. Мадемуазель, прибавил Префонтен, очень добра; но, поскольку молодая королева ложится спать довольно рано, весьма вероятно, что Мадемуазель вскоре пойдет к своей кухне Генриетте. В любом случае она пошлет мессиром де Префонтеном, так как перед тем, как лечь спать, она всякий раз проверяет вместе с ним свои счета.

Анжелика решила дождаться герцогиню, а пока подошла к столу, на котором слуги выставили холодные закуски и сладости. Она всегда стеснялась своего отличного аппетита, который не покидал ее даже в самых тяжелых жизненных ситуациях. Мессир де Префонтен подбодрил ее, так что Анжелика, решившись сесть за стол, подкрепилась крылышком цыпленка, двумя яйцами в желе, разными печеньями и вареньем. Затем она попросила у слуги кувшин с водой, чтобы ополоснуть пальцы, присоединилась к группе игроков и взяла карты. У Анжелики было с собой

немного денег. Вскоре удача улыбнулась ей и она начала выигрывать. Это ее обрадовало. В конце концов, нынешний день будет не таким ужасным, если ей удастся подправить свое финансовое положение. Анжелика сосредоточилась на игре. Столбики экую перед ней постепенно вырастали. Один из сидевших рядом придворных — он проигрывал — полушутя сказал:

— Удивляться не приходится, ведь это маленькая колдунья. Анжелика твердой рукой сгребла его ставку, и лишь спустя несколько мгновений до нее дошел смысл намека. Итак, слух о том, что Жоффрей в опале, начал распространяться. Шептались, что он обвинен в колдовстве. Но Анжелика упорно продолжала сидеть за столом.

«Не брошу игры, пока не начну проигрывать. О! Если бы мне удалось разорить их всех и выиграть столько денег, чтобы подкупить судей!»

В тот момент, когда она снова открыла трех тузов, чья-то рука скользнула, обняв ее за талию, и ущипнула.

— Зачем вы вернулись в Лувр? — прошептал ей на ухо маркиз де Вард.

— Уж точно не для того, чтобы увидеть вас, — ответила Анжелика, не глядя на него.

И резким движением сбросила его руку.

Он взял карты и машинально стал их раскладывать, продолжая говорить шепотом:

— Вы с ума сошли! Вам так хочется, чтобы вас убили?

— Мои желания вас никоим образом не касаются.

Он раскрыл карты, остался в проигрыше и снова сделал ставку.

— Послушайте меня, время еще есть. Идите за мной. Я приставлю к вам швейцарцев, и они проводят вас до дома.

На этот раз она повернулась к нему с нескрываемым презрением.

— Вашей защите, мессир де Вард, я не доверяю, и вам известно почему.

С трудом скрывая досаду, он бросил карты на стол.

— Я, должно быть, лишился рассудка, если беспокоюсь за вас.

Пару мгновений он колебался, затем проворчал с выражением досады на лице:

— Вы принуждаете меня играть смешную роль. Но, поскольку других способов образумить вас нет, я прошу вас подумать о сыне. Немедленно уходите из Лувра, и главное — постарайтесь избежать встречи с братом короля!

— Я не встану из-за стола, пока вы здесь, — очень спокойно ответила Анжелика.

Дворянин сжал кулаки, но тут же встал из-за ломберного стола.

— Прекрасно, я ухожу. И вам советую побыстрее сделать то же самое. Речь идет о вашей жизни.

Она видела, как он, раскланиваясь направо и налево, прошел по залу и скрылся за дверью.

Анжелика встревожилась. Страх, словно холодная змея, скользнул в ее сердце. Может, Вард сам готовит ей ловушку? Он на все способен. Но в голосе циничного дворянина слышались необычные нотки. Призыв подумать о Флоримоне вдруг разрешил ее сомнения. Она представила себе прелестного малыша в красном чепчике, неуверенно шагающего в длинном вышитом платье, сжимая в руке серебряную погремушку... Кто позаботится о нем, если с ней что-то случится?..

Молодая женщина отложила карты и ссыпала в кошелек золотые монеты. Она выиграла пятнадцать сотен ливров. Анжелика взяла свой плащ, висевший на спинке кресла, и попрощалась с принцессой

Генриеттой, которая ответила ей довольно безразличным кивком головы.

Молодая женщина с сожалением оставила теплый и хорошо освещенный салон.

Сквозняк захлопнул за ней дверь. Ветер колыхал пламя свечей, и казалось, что они мечутся в панике. Затем все затихло, порыв ветра пронесся дальше, и в пустой галерее все замерло.

Спросив дорогу у швейцарского гвардейца, охранявшего апартаменты принцессы Генриетты, Анжелика быстро пошла вперед, кутаясь в плащ. Она старалась побороть страх, но в каждом закоулке ей мерещилось что-то подозрительное. Подойдя к повороту галереи, она замедлила шаг. Непреодолимый ужас парализовал ее.

«Они здесь», — подумала Анжелика.

Никого не было видно, но на полу метнулась тень. На этот раз сомнений не было: за ней следят...

Анжелика остановилась. Что-то отделилось от стены, и перед ней вырос силуэт мужчины, завернутого в темный плащ, с надвинутой на глаза шляпой. Медленно двигаясь, он встал у нее на пути. Прикусив губу, чтобы сдержать крик, Анжелика стремительно развернулась и поспешила назад.

Бросив взгляд через плечо, она увидела, что их стало уже трое и они шли за ней по пятам. Анжелика ускорила шаг. Но ее догоняли. Тогда она бросилась бежать изо всех сил.

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, преследуют ли они ее. Позади слышался приглушенный топот. Они бежали на цыпочках. Это была погоня без единого звука, нереальная, словно ночной кошмар, бег по огромному пустому замку.

Неожиданно Анжелика заметила справа приоткрытую дверь. Она только что завернула за угол, и преследователи пока не могли ее видеть.

Она юркнула в комнату, затворила за собой дверь и задвинула щеколду. Замерев у дверного косяка, она стояла ни жива ни мертва и слушала шаги преследователей, их прерывистое дыхание. Затем все стихло.

Пошатываясь от волнения, Анжелика оперлась на кровать. В комнате никого не было, но, судя по всему, кто-то должен был вскоре прийти. Постель была расстелена. Пылающий в камине огонь освещал комнату, на ночном столике у изголовья горела маленькая масляная лампа. Анжелика, прижав руки к груди, перевела дыхание.

«Нужно немедленно выбираться из этого осинового гнезда», — подумала она.

С ее стороны было довольно наивно полагать, что, сумев уцелеть после первого покушения в коридорах Лувра, она и второй раз ускользнет невредимой.

Конечно, Великая Мадемуазель, приглашая ее в Лувр, не ведала, какая опасность грозила Анжелике. Анжелика была уверена, что и король не знает, что творится в его собственном дворце. Но в Лувре ощущалось незримое присутствие Фуке. Дрожа от страха, что секрет, которым владеет графиня де Пейрак, лишит его огромного состояния, суперинтендант обратился к самому знатному из своих должников — Филиппу Орлеанскому — и заставил забеспокоиться тех, кого он подкармливал, не переставая при этом льстить королю. Арест графа де Пейрака был лишь первым действием трагедии, столь тщательно продуманной Фуке. Исчезновение Анжелики стало бы ее финалом. Только мертвые всегда молчат.

Анжелика стиснула зубы. Она отчаянно хотела выжить. Она не позволит им себя убить.

Она оглядела комнату в поисках выхода, через который можно было бы ускользнуть, не привлекая внимания.

И внезапно глаза молодой женщины расширились от ужаса.

Обивка стены перед ней колыхнулась. Анжелика услышала, как в замке со скрипом поворачивается ключ. Очень медленно отворилась потайная дверь, и в комнату вошли трое ее преследователей.

Она без труда узнала того, кто вошел первым. Месье, брат короля.

Он скинул плащ, в который кутался из опасения быть узнанным, и расправил кружевное жабо. Месье не сводил с Анжелики глаз, а красные губы маленького рта изогнулись в холодной улыбке.

— Отлично! — воскликнул он. — Лань оказалась в ловушке. Но какая погоня! Мадам, вы так проворны, что можете гордиться собой.

Анжелика призвала на помощь все свое хладнокровие и, хотя ноги у нее подкашивались, присела в реверансе.

— Так это вы испугали меня, монсеньор? А я подумала, что за мной гонятся бродяги или воры с Нового моста, которые проникли во дворец, замыслив недоброе.

— О, мне уже случалось изображать ночью разбойника с Нового моста, — самодовольно отозвался Месье, — и никто лучше меня не сможет срезать кошелек или проткнуть брюхо какому-нибудь буржуа. Не правда ли, мой милый?

Он повернулся к одному из спутников. Тот приподнял шляпу и оказался шевалье де Лорреном. Не говоря ни слова, Лоррен приблизился и обнажил шпагу, лезвие которой поймало красный отблеск огня.

Анжелика внимательно поглядела на третьего, который держался немного в стороне.

— Клеман Тоннель, — сказала она наконец, — а что делаете здесь вы, друг мой?

Мужчина отвесил низкий поклон.

— Я служу монсеньору, — ответил он.

И прибавил, покоряясь силе привычки:

— Да простит меня мадам графиня.

— Я вас охотно прощаю, — произнесла Анжелика, стараясь справиться с внезапно охватившим ее нервным смехом. — Но почему у вас в руке пистолет?

Дворецкий бросил смущенный взгляд на свою руку, но все же приблизился к кровати, на которую по-прежнему опиралась Анжелика.

Филипп Орлеанский выдвинул ящичек маленького круглого столика у изголовья кровати и вынул оттуда склянку, наполовину заполненную темной жидкостью.

— Мадам, — торжественно провозгласил он, — вы сейчас умрете.

— В самом деле? — спросила Анжелика.

Она смотрела на троих мужчин, стоявших перед ней. Ее сознание будто расщепилось надвое. Одна Анжелика мысленно исступленно заламывала руки и кричала: «Смилуйтесь! Я не хочу умирать!» Другая хладнокровно наблюдала: «Какой у них смешной вид. Все это — просто злая шутка. Они ведут себя так, словно играют в комедии».

Брат короля продолжал:

— Видите, мадам, как мы вас уважаем. Мы обставим вашу гибель всеми эффектами удачного спектакля. Несколько лет назад одна знатная дама из Оверни, которая, возможно, походила на вас, была убита с вдохновившим нас изяществом. Сейчас вы сможете выбрать, какой смертью умереть, как и та бедняжка, которой подобную возможность подарил муж — впрочем, позднее осужденный.

Анжелика слушала их, пытаясь унять внутреннее смятение, и готова была поклясться, что она уже слышала эту историю — вся Франция говорила о ней. В то же время в ней росла уверенность, что все это —

ночной кошмар, приснившийся под впечатлением дурного спектакля, и она сейчас проснется.

Итак, нападающие действовали по всем правилам театрального искусства, разыгрывая трагикомедию по своему вкусу; вся Франция тогда бредила театром — от носильщика до церковного прелата, и убийцы вообразили, что сумели вжиться в роль. Неужели, наслаждаясь собственными напыщенными монологами, они пойдут до конца?..

Они просто сумасшедшие. Однако сейчас неподходящее время лечить их от безумия. К тому же — увы! — весьма прозаическое присутствие дворцового означало, что Анжелика не грезит, ведь Клеман Тоннель получал деньги за послушное исполнение приказов и намерен получить еще. К тому же все они находятся в столь возбужденном состоянии, что ей не удастся убедить их отказаться от своей затеи.

Сделав над собой огромное усилие, Анжелика попыталась превратить в своего союзника того из заговорщиков, кто обладал большей властью и был более податлив.

— Монсеньор, — сказала она, глядя Филиппу Орлеанскому прямо в глаза, — я так уважала вас в Сен-Жан-де-Люзе. Вы вели себя как истинный принц крови, оказывая брату помощь, которая была для него столь ценной. Придите в себя. вспомните же, кто вы...

Молодой человек вздрогнул, захваченный врасплох напоминанием о том, что он — единственный брат короля. Шевалье де Лоррен тут же вмешался.

— Не позволяйте запутать себя лестью, монсеньор. Ведь именно вам подобная нерешительность обойдется дороже всего.

В эту секунду Анжелику словно бичом обожгло, и она поняла, что ее исчезновение более всего выгодно именно шевалье де Лоррену. Он навязывал такое решение брату короля изо всех сил. Но это была только

одна из множества мыслей, вихрем пронесшихся в ее голове в это мгновение. Анжелика утратила способность рассуждать здраво.

— Давайте же покончим с этим, — настаивал шевалье.

— Мадам, вы вели себя с нами непочтительно, — произнес Месье, и его губы нетерпеливо искривились. — Вы умрете, но мы будем великодушны. Вы можете сами выбрать свою смерть: яд, сталь или свинец.

Порыв ветра со страшной силой ударил в дверь, и пламя в лампе заплясало. Анжелика с надеждой оглянулась.

— Увы! Никто не придет к вам на помощь, никто не придет! — усмехнулся брат короля. — Эта постель станет вашим смертным ложем, мадам. Она приготовлена для вас.

— Но что я вам такого сделала? — в ужасе вскричала Анжелика и капли пота выступили у нее на висках. — Вы говорите о моей смерти как чем-то обыденном и неотвратимом. Позвольте мне не согласиться с вами. Самый отъявленный злодей имеет право знать, за что его осуждают, и защищать себя.

— Самая искусная защита не изменит приговора, мадам.

— Но если я должна умереть, то скажите мне, по крайней мере, почему! — с пылом воскликнула Анжелика.

Она старалась любой ценой оттянуть время.

Молодой принц бросил вопрошающий взгляд на своего фаворита.

— В конечном счете, через несколько минут вы умрете, так что я не вижу причины, по которой мы должны проявить бесчеловечность без всякой пользы для себя, — сказал он. — Мадам, вы знаете гораздо больше, чем хотите показать. Ведь для вас совершенно ясно, по чьему приказу мы здесь находимся.

— НЕУЖЕЛИ КОРОЛЯ? — вскричала Анжелика с притворным почтением.

Филипп Орлеанский пожал узкими плечами.

— Король способен лишь на то, чтобы бросать в тюрьму людей, зависть к которым в нем разжигают. Нет, мадам, речь идет не о Его Величестве.

— Но чьи же еще приказы станет исполнять брат короля?

Принц вздрогнул.

— Я считаю, что ваши речи слишком дерзки, мадам. Вы оскорбляете меня!

— А я считаю, что ваша семья слишком обидчива! — ответила Анжелика, чья ярость пересилила страх. — Даже когда вас чествуют или вам льстят — вы обижаетесь, потому что тот, кто принимает вас у себя, кажется вам более богатым. Когда вас одаривают подарками — неслыханная дерзость! Когда вас приветствуют недостаточно глубоким поклоном — заносчивость! Когда подданные не прозябают в нищете и не побираются, когда они не разоряют королевство, в отличие от вашего вельможного курятника — оскорбительное высокомерие! Когда платят налоги до последнего гроша — вызов!.. Все вы — просто мелочные людишки, вот кто! Вы, ваш брат король, ваша мать, и все ваши родственники-предатели: Конде, Монпансье, Суассоны, Гизы, Лоррены, Вандомы...^[6]

Она остановилась перевести дыхание.

Привстав на высоких каблуках, как драчливый молодой петух, Филипп Орлеанский бросил полный негодования взгляд на своего фаворита.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы королевскую семью так оскорбляли?

Шевалье де Лоррен скривил губы в жестокой улыбке.

— Оскорбления не убивают, монсеньор. Довольно, мадам, настало время покончить с этим.

— Я хочу знать, почему я должна умереть, — настаивала Анжелика.

И быстро добавила, решив любой ценой выиграть еще несколько минут:

— Это из-за месье Фуке?

Брат короля не смог удержаться от довольной улыбки.

— Неужели к вам вернулась память? Так вы, стало быть, знаете, почему месье Фуке столь дорожит вашим молчанием?

— Я знаю лишь одно. Много лет назад я сорвала заговор об отравлении, направленный против вас, монсеньор, а также против короля и кардинала. И теперь я горько сожалею о том, что план, тщательно разработанный месье Фуке и принцем Конде, не удался.

— Значит, вы признаетесь?

— Мне не в чем признаваться. Предательство этого слуги позволило вам узнать то, о чем знала только я и что доверила лишь своему мужу. Когда-то я спасла вам жизнь, монсеньор, и вот как вы меня благодарите!

На женоподобном лице молодого человека промелькнула тень сомнения. Эгоизм делал Филиппа чувствительным ко всему, что касалось его самого.

— Прошлое осталось в прошлом, — произнес Филипп Орлеанский неуверенно. — С тех пор месье Фуке оказал мне немало благодеяний. И будет справедливо помочь ему избежать нависшей над ним опасности. Право слово, мадам, вы раните мне сердце, но уже слишком поздно. Почему вы не захотели принять то разумное предложение, которое месье Фуке сделал вам через мадам де Бове?

— Но тогда, если я правильно поняла, мне пришлось бы предоставить мужа его печальной участи.

— Безусловно. Графа де Пейрака могут заставить молчать только тюремные стены. Но женщина ради роскоши и поклонников быстро забывает то, что ей следует забыть. В любом случае, уже поздно. Ну же, мадам.

— А если я скажу вам, где находится ларец, — предложила Анжелика, хватая принца за плечи. — У вас в руках, монсеньор, у вас одного будет та власть, которой покорится сам месье Фуке, а еще доказательства предательства тех вельмож, которые смотрят на вас свысока, не принимают вас всерьез...

В глазах молодого принца сверкнул огонек, и он облизнул губы.

Но шевалье де Лоррен тут же схватил его и привлек к себе, словно желая уберечь от пагубного влияния Анжелики.

— Берегитесь, монсеньор. Не позволяйте этой женщине искушать вас. Давая лживые обещания, она пытается ускользнуть от нас и оттянуть смерть. Пусть лучше унесет свою тайну в могилу. Если же тайна эта окажется у вас, вы, безусловно, станете более могущественным, но дни ваши будут сочтены.

Филипп Орлеанский размышлял, прильнув к груди своего фаворита, радуясь тому, что находится под чьей-то защитой.

— Вы правы, как всегда, моя бесценная любовь, — вздохнул он. — Итак, выполним наш долг. Выбирайте, мадам: яд, шпага или пистолет?

— И выбирайте быстрее! — угрожающе отрезал шевалье де Лоррен. — Или же мы выберем за вас.

Промелькнувшая было надежда растаяла, и теперь Анжелику охватил ужас — выхода не было.

Перед ней стояли трое мужчин. Стоит пошевелиться — и ее поразит шпага шевалье де Лоррена или пистолет Клемана. Рядом не было шнура, чтобы звонком позвать прислугу. Снаружи не слышалось ни единого

звука. Только дрова потрескивали в очаге, только стук капель по стеклу нарушал убийственную тишину. Они набросятся на нее через несколько мгновений. Анжелика, не отрываясь, смотрела на оружие. От пистолета или шпаги смерть неизбежна. Может быть, яд не убьет ее? Вот уже год, как она каждый день принимает маленькую дозу яда, который готовил для нее Жоффрей.

Она протянула руку, стараясь, чтобы та не дрожала.
— Давайте! — прошептала она.

Поднеся бокал к губам, она заметила на дне осадок с металлическим отливом и, пока пила, старалась не взбалтывать жидкость. У яда был едкий жгучий вкус.

— А теперь оставьте меня одну, — сказала она, ставя стакан на столик.

Анжелика не чувствовала никакой боли. «Несомненно, — размышляла она, — та пища, которую я съела у принцессы Генриетты, пока защищает стенки моего желудка от разрушающего действия яда...» Она не теряла надежды ускользнуть от своих мучителей и избежать страшной смерти.

Она упала на колени перед принцем.

— Монсеньор, сжальтесь над моей душой. Пришлите мне священника. Я умираю. У меня уже нет сил, чтобы подняться. Сейчас вы видите, что я не убегу от вас. Не дайте мне умереть без исповеди. Бог покарает вас, если вы бесчестно лишите меня последнего причастия.

Она отчаянно закричала:

— Священника! Священника! Господь покарает вас!

Анжелика увидела, что побледневший Клеман Тоннель отвернулся и перекрестился.

— Она права, — произнес дрожащим голосом принц.
— То же самое было в истории с дамой из Оверни... Мы ничего не выиграем, если лишим ее христианского утешения. Мадам, успокойтесь. Я предвидел вашу

просьбу и сейчас пришлю к вам исповедника, он ждет в соседней комнате.

— Господа, уйдите, — умоляла Анжелика нарочито слабым голосом и хватаясь рукой за живот, словно ее нестерпимо мучили спазмы. — Я хочу только мира моей душе. Но я чувствую, что если хоть кто-нибудь из вас останется здесь, я не сумею простить своих врагов. Ах! Как больно! Господи, помилуй меня!

И она с ужасным криком откинулась назад.

Филипп Орлеанский потянул за собой шевалье де Лоррена.

— Уходим! Быстро! Ей осталось всего несколько минут.

Дворецкий вышел из комнаты еще раньше.

Как только дверь за ними закрылась, Анжелика одним прыжком оказалась у окна. Когда ей удалось поднять тяжелую раму, поток дождя хлынул ей в лицо, а сама она наклонилась над темной бездной. Молодая женщина ничего не могла разглядеть, и нельзя было понять, на каком расстоянии от земли находится ее окно, но Анжелика без колебаний взобралась на подоконник.

Падение показалось Анжелике нескончаемым. Наконец она жестко приземлилась во что-то вроде сточной канавы, что, несомненно, спасло ее от переломов. Резкая боль в лодыжке испугала ее, но это оказался всего лишь вывих.

Анжелика сделала несколько шагов вдоль стены, потом спешно засунула себе в горло прядь волос, и ей удалось несколько раз вызвать у себя рвоту.

Она понятия не имела, где находится. Идя вдоль стены, Анжелика с ужасом поняла, что попала в маленький внутренний дворик, заваленный мусором и нечистотами, и здесь, на дне, ее могли поймать, как в ловушке.

К счастью, она внезапно нащупала дверь, толкнула ее, и та подалась. Внутри было темно и сыро. Пахнуло вином и подвальной сыростью. Должно быть, она оказалась в служебных помещениях Лувра, рядом с винными погребами.

Анжелика решила подняться на этаж выше. Она бросится за помощью к первому же встречному стражнику... Но тогда король арестует ее и бросит в тюрьму. Ах! Как же выбраться из этой мышеловки?

Добравшись до галереи, куда выходили двери покоев, она облегченно вздохнула. Всего в нескольких шагах, у двери в апартаменты принцессы Генриетты, стоял на посту швейцарский гвардеец, у которого она недавно спрашивала дорогу. И в тот же миг у нее вырвался вопль ужаса: в другом конце коридора показались шевалье де Лоррен и Филипп Орлеанский со шпагами в руках. Им был известен единственный выход из дворика, откуда сбежала их жертва, и они решили перерезать ей путь.

Оттолкнув часового, Анжелика ворвалась внутрь салона и бросилась к ногам принцессы Генриетты.

— Сжальтесь, Мадам, сжальтесь, меня хотят убить!

Даже пушечный выстрел не мог сильнее потрясти блистательное общество.

Все игроки вскочили, ошеломленно глядя на растрепанную, вымокшую до нитки молодую женщину в грязном изорванном платье, что упала на пол посреди них.

Ее силы были на исходе. Анжелика затравленным взглядом смотрела на присутствовавших в салоне придворных, среди которых она узнала Андижоса и Пегилена де Лозена.

— Господа, помогите мне! — умоляла она. — Меня только что хотели отравить. Они преследуют меня, чтобы довершить задуманное.

— Но где они, ваши убийцы, бедняжка? — мягко спросила Генриетта Английская.

— Там!

Анжелика, не в силах больше произнести ни слова, указала на дверь.

Все обернулись к двери.

Месье, брат короля, и его фаворит шевалье де Лоррен показались на пороге. Оба вложили шпаги обратно в ножны и приняли сокрушенный вид.

— Моя бедная Генриетта, — произнес Филипп Орлеанский, маленькими шажками приближаясь к кухне, — я так расстроен случившимся. Эта несчастная сошла с ума.

— Я не безумна. Я говорю вам, что они хотят убить меня.

— Милая, вы ошибаетесь, — попыталась успокоить ее принцесса. — Тот, кого вы называете убийцей, — герцог Орлеанский. Посмотрите же хорошенько.

— Я слишком хорошо разглядела его! — закричала Анжелика. — И я вовек не забуду этого лица. Говорю вам, он хотел отравить меня. Мессир де Префонтен, вы честный человек, принесите мне какое-нибудь лекарство или молока, я не знаю, чтобы я могла справиться с действием этого ужасного яда. Умоляю вас... Мессир де Префонтен!

Заикающийся, ошеломленный бедняга поспешил к ящичку с лекарствами, протянул молодой женщине коробку с пилюлями, и она торопливо проглотила несколько штук.

Всеобщее смятение достигло апогея.

Месье, недовольно сжимая маленький рот, попытался еще раз воззвать к собравшимся.

— Уверяю вас, друзья мои, эта женщина потеряла рассудок. Вы все знаете, что ее муж заключен в Бастилию по обвинению в страшном преступлении — колдовстве! А несчастная, зачарованная этим

нечестивцем, хочет убедить всех в его невиновности, что абсурдно. Напрасно Его Величество пытался сегодня, во время аудиенции, ее образумить, проявив к бедняжке безграничную доброту.

— О да! Доброта короля! Доброта короля!.. — вышла из себя Анжелика.

Она вот-вот начнет заговариваться... Тогда ей конец!

Анжелика уронила лицо в ладони и попыталась успокоиться.

Она слышала голос Месье, похожий на голос простодушного подростка.

— У графини вдруг случился настоящий припадок одержимости. Она одержима дьяволом! Король сразу вызвал настоятеля монастыря августинцев, чтобы успокоить ее душу молитвами. Но ей удалось сбежать. Чтобы предотвратить скандал, Его Величество поручил не гвардейцам, а мне найти графиню де Пейрак и задержать ее до прихода монахов. Мне жаль, Генриетта, что она испортила вам вечер. Думаю, будет наиболее разумно, если вы удалитесь в соседнюю комнату и там продолжите игру, а я останусь здесь с ней и исполню приказ брата.

Анжелика, словно в тумане, глядела, как рассеивается толпа, как придворные дамы и кавалеры покидают залу.

Слова Месье произвели на них сильное впечатление, кроме того, они боялись не угодить брату короля.

Анжелика протянула руки, пытаясь схватиться за подол платья принцессы, но даже на это у нее не хватило сил.

— Мадам, — сказала она беззвучным голосом, — неужели вы оставите меня умирать?

Принцесса замерла в нерешительности и с тревогой взглянула на своего кузена.

— Как, Генриетта? — запротестовал тот с болью в голосе. — Вы сомневаетесь во мне? Сомневаетесь, несмотря на то что мы обещали доверять друг другу и вскоре священные узы соединят нас?

Генриетта опустила белокурую головку.

— Доверьтесь монсеньору, мой друг, — обратилась она к Анжелике. — Уверена, он желает вам только добра.

И быстро удалилась.

Анжелика, в испуге, онемев от ужаса и все еще стоя на коленях, повернулась к двери, за которой так быстро исчезли придворные. Она заметила, что Бернар д'Анджос и Пегилен де Лозен, бледные как смерть, так и не решились покинуть салон.

— Ну же, господа, — прикрикнул на них герцог Орлеанский, — мой приказ в равной степени касается и вас. Или мне следует сообщить королю, что вы больше верите бреду сумасшедшей, чем словам его родного брата?

Мужчины склонили головы и медленно вышли.

И это последнее предательство внезапно пробудило в Анжелике силы бороться.

— Трусы! Трусы! О, трусы! — вскакивая с колен, вскричала она и кинулась к креслу, чтобы спрятаться за ним.

Она в последний момент уклонилась от удара шпагой, который нанес шевалье де Лоррен, но следующий выпад ранил ее в плечо, и брызнула кровь.

— Анджос, Пегилен, ко мне, гасконцы! — вырвался у нее нечеловеческий вопль. — Спасите меня от северян!

Дверь внезапно распахнулась.

Лозен и маркиз д'Анджос с обнаженными шпагами ворвались в салон. Они стояли за дверью, держа ее приоткрытой, и теперь уже не сомневались в страшных намерениях брата короля и его фаворита.

Андижос одним ударом выбил шпагу у Филиппа Орлеанского, поранив его запястье. Лозен скрестил шпагу с шевалье де Лорреном.

Андижос схватил Анжелику за руку.

— Бежим, быстро!

Он потащил ее в коридор и столкнулся с Клеманом Тоннелем. Тот не успел выхватить свой спрятанный под плащом пистолет. Первым же ударом Андижос вонзил клинок ему в горло. Клеман Тоннель рухнул, истекая кровью.

Маркиз и Анжелика со всех ног бросились бежать.

До них донесся голос Месье, кричавшего гвардейцам:

— Стража! Стража! Схватить их!

Сзади послышался топот и бряцание железа — гвардейцы, вооруженные алебардами, бросились в погоню.

— К Большой галерее! — выдохнул Андижос. — В Тюильри... К конюшне, на коня! Прочь из города... Тогда мы спасены...

Несмотря на дородность, выносливости гасконцу было не занимать, но у Анжелики больше не оставалось сил. Страшно болела лодыжка, горело раненое плечо.

— Я сейчас упаду, — задыхаясь, проговорила она, — я сейчас упаду.

В это время они пробежали мимо одной из широких лестниц, ведущих в сад.

— Спускайтесь вниз, — скомандовал Андижос, — и спрячьтесь получше. Я постараюсь увести их как можно дальше, к конюшням.

Анжелика мчалась вниз по каменной лестнице, едва касаясь ступеней. Внезапно ударивший в глаза свет от жаровни заставил ее отпрянуть. И в то же мгновение она упала.

Арлекин, Коломбина и Пьеро подняли ее, отнесли в свое убежище и как могли, спрятали от

преследователей. Перед глазами Анжелики долго мелькали красные и зеленые ромбы их пестрых одежд, после чего она погрузилась в глубокий обморок.

Глава 5

Мягкий зеленый свет нежно окутывал Анжелику, которая только что открыла глаза. Она в Монтелу, на тенистом берегу реки, а солнечный свет становится зеленым, пронизывая пышные кроны деревьев.

Послышался голос брата, Гонтрана:

«Нет, мне никогда не удастся подобрать краски, чтобы получить такую зелень. Конечно, если смешать каламин с персидским кобальтом, выходит близкий цвет, но это густой, непрозрачный зеленый. Совсем не то, что изумрудный цвет пронизанной светом листвы над рекой...»

Голос Гонтрана звучал как-то странно — низко и хрипло, но с той же угрюмой интонацией, с какой брат всегда говорил о красках или о картинах. Сколько раз он с досадой бормотал, разглядывая глаза Анжелики: «Это цвет листвы, я никогда не смогу подобрать его».

Но тут Анжелика вздрогнула от резкой боли в животе и, оказавшись в реальном мире, вспомнила, что произошло что-то ужасное.

«О Господи, — подумала она, — мой ребеночек погиб!»

Конечно, он погиб! Он не мог вынести такого кошмара. Он умер, когда она выпрыгнула из окна в черную пропасть. Или когда бежала по галереям Лувра... От той безумной погони до сих пор кружилась голова, дрожали руки и горели ноги; отчаянно, до боли в груди колотилось сердце.

Собравшись с силами, она подняла руку и положила ее на живот. В ответ на прикосновение ребенок зашевелился.

«Он еще со мной, он жив! Какой храбрый спутник мне достался!» — с гордостью и нежностью подумала

она.

Ребенок барахтался в ней, как лягушонок. Под рукой она почувствовала круглую головку. Ясность мысли возвращалась к ней с каждой минутой, и она поняла, что лежит в огромной кровати с витыми стойками и через зеленую саржевую ткань полога проникает тот самый свет, который перенес ее на берег реки в Монтелу.

Но это не дом Ортанс на улице Ада. Где же она находится?

Анжелика не могла вспомнить ничего определенного; у нее лишь осталось ощущение, что позади колыхается смутная масса теней, но она не могла толком восстановить ужасные события вчерашнего вечера. Черный яд, блеснувшие, словно молния, лезвия шпаг, страх и липкая грязь.

Снова послышался голос Гонтрана.

— Никогда, никогда не подобрать мне этот прозрачный зеленый цвет воды, в которой отражаются листья.

На этот раз Анжелика едва сдержала крик. Она сошла с ума, это точно! Или тяжело больна?..

Она села и раздвинула полог.

Открывшаяся картина окончательно убедила графиню в том, что рассудок оставил ее.

Перед ней, на возвышении вроде помоста, лежала белокурая розовотелая полуобнаженная богиня, держа в руках плетеную соломенную корзину, из которой на бархатные подушки ниспадали лозы роскошного золотого винограда. Маленький Купидон, пухлый и совсем голый, в цветочном венке, криво сидящем на его светлых волосах, с большим воодушевлением щипал сочные ягоды. Внезапно божок расчихался. Богиня с беспокойством поглядела на него и произнесла несколько слов на незнакомом Анжелике языке — надо полагать, на языке обитателей Олимпа.

В комнате произошло какое-то движение. Бородатый гигант, одетый в простую одежду ремесленника, подошел к Эросу, взял его на руки и завернул в шерстяной плащ.

В ту же секунду Анжелика увидела мольберт художника Ван Осселя, возле которого стоял подмастерье в кожаном фартуке с палитрами, казавшимися смесью пестрых ярких пятен.

Подмастерье, немного склонив голову набок, разглядывал незаконченную картину своего хозяина. Бледный дневной свет падал на его лицо. Это был крепкий парень среднего роста, неприметный на вид, в рубахе из грубого холста, с распахнутым воротом, открывавшим его загорелую шею. Небрежно подстриженные каштановые волосы достигали плеч, а из-под взлохмаченной челки сверкали темные глаза. Но Анжелика узнала бы из тысячи эти пухлые губы, дерзко вздернутый нос и тяжеловатый подбородок, придававший своему обладателю добродушный вид, унаследованный от отца, барона Армана.

Она позвала:

— Гонтран!

— Дама проснулась! — воскликнула богиня.

И тут же все эти люди, а также пятеро или шестеро детей, бросились к ее кровати.

Подмастерье был ошеломлен. Он с изумлением глядел на улыбавшуюся ему Анжелику. Внезапно он густо покраснел, схватил ее руку своими выпачканными в красках руками и прошептал:

— Сестра!

Пышнотелая богиня, оказавшаяся не кем иным, как женой художника Ван Осселя, крикнула дочери, чтобы та принесла из кухни гоголь-моголь.

— Я рад, — проговорил голландец, — я рад, что помог не просто даме, попавшей в беду, а сестре моего товарища.

— Но как же я сюда попала? — спросила Анжелика.

Своим спокойным голосом голландец рассказал, как накануне вечером их разбудил громкий стук в дверь. При свете свечи они увидели итальянских комедиантов в пестрых атласных костюмах, на руках у которых лежала в обмороке истекающая кровью полумертвая женщина; они по-итальянски страстно просили помочь несчастной, которую преследуют убийцы. И услышали в ответ спокойное голландское «Добро пожаловать».

Бедняжку приняли, перевязали ее раны и позаботились о ней. Здесь она в безопасности. Да и кто станет разыскивать знатную даму среди художников Лувра? Утром подмастерью, жившему в другом конце города, рассказали о раненой женщине, присутствие которой необходимо скрывать. И больше ни одна душа не знает...

Теперь Гонтран и Анжелика смотрели друг на друга с некоторым смущением.

Сколько лет прошло с тех пор, как они расстались в Пуатье?

Анжелика вспомнила картину: удаляющиеся силуэты Раймона и Гонтрана, скачущих вверх по крутой улице. Может быть, и Гонтран вспоминает старую карету, в которой теснились три покрытые дорожной пылью девочки?

— В последний раз, когда я видел тебя, — сказал он, — ты была вместе с Ортанс и Мадлон; вы ехали в монастырь урсулинок в Пуатье.

— Да. Мадлон умерла, ты знаешь?

— Знаю.

— А ты помнишь, Гонтран, как ты писал портрет старого Гийома?

— Старый Гийом умер.

— Знаю.

— Тот портрет все еще у меня. Но я написал по памяти другой, лучше прежнего... Я тебе покажу.

Он сидел на краешке постели, опустив на свой кожаный фартук загорбевшие руки. Они были сплошь покрыты красными и синими пятнами из-за воздействия химических веществ, которыми он пользовался для получения красок, и мозолями — он с утра до вечера толкал пестиком в ступке свинцовый сурик, охру, оранжевый свинцовый глет и смешивал их с маслом или соляным спиртом^[7].

— Как ты докатился до того, чтобы заняться ремеслом? — спросила Анжелика с ноткой жалости в голосе.

Тонкий нос Гонтрана — нос Сансе — сморщился, лоб нахмурился.

— Дура! — не задумываясь, заявил он. — Если, как ты выражаешься, докатился, так потому, что сам этого хотел. Ну да! Латынь я знаю в совершенстве, ведь иезуиты из кожи вон лезли, стараясь сделать из меня истинного дворянина, достойного продолжателя нашего рода, потому как Жослен сбежал в Америку, а Раймон вступил в их славное братство. Но у меня были собственные планы. Я поссорился с отцом — тот хотел, чтобы я пошел в армию и служил королю. Он пригрозил, что иначе я не получу от него ни единого су. И тогда я ушел пешком, словно нищий, и сделался учеником художника в Париже. Сейчас я заканчиваю учебу, а потом я пойду путешествовать по Франции, из города в город, чтобы узнать все секреты мастерства художников и граверов. Я буду зарабатывать на жизнь, нанимаясь подмастерьем к живописцам, или стану писать портреты богатых горожан. А потом куплю звание цехового мастера. Я стану великим художником,

Анжелика, я верю в это! И кто знает, быть может, мне даже закажут расписывать потолки в Лувре...

— Тогда нарисуй там преисподнюю, вечное пламя и кривляющихся чертей!

— Нет, я написал бы голубое небо, облака, тронутые солнечным светом, и среди них — короля во всем его величии.

— Короля во всем его величии... — тихим и усталым голосом повторила Анжелика.

Она закрыла глаза и внезапно почувствовала себя намного старше этого молодого мужчины, хотя по возрасту старше был он — в отличие от сестры, Гонтран сумел сохранить свои детские мечтания. И верил, что они непременно сбудутся, несмотря на голод, холод и унижения, которые ему довелось испытать.

— Что же ты не спросишь, почему я здесь? — произнесла она.

— Я не осмеливаюсь, — смущенно ответил тот. — Я знаю, что тебя насильно выдали замуж за ужасного и опасного человека. Отец ликовал, этот брак приводил его в восторг, но мы, мы все жалели тебя, бедняжка Анжелика. Ты была очень несчастна с ним?

— Нет. Это сейчас я несчастна.

Она колебалась, не решаясь рассказать обо всем. Зачем тревожить этого мальчика, безразличного ко всему, что не касалось его любимой работы? Сколько раз за все эти годы он вспоминал о младшей сестренке Анжелике? Нечасто, это уж точно, и то лишь в те моменты, когда его охватывало разочарование из-за невозможности передать зеленый цвет листвы. Он никогда ни в ком не нуждался, даже когда жил дома в тесном семейном кругу.

— В Париже я остановилась у Ортанс, — продолжила она, пытаясь разбудить в его сердце бродяги родственные чувства.

— У Ортанс? У этой фурии? Когда я приехал, то хотел было повидаться с ней, но какой она крик подняла! Она чуть не умерла от позора, увидев, что я заявился к ней в грубых башмаках. Вопила, что я даже перестал носить шпагу! Что ничем больше не отличаюсь от простых ремесленников! И это правда. Ты можешь себе представить, что я надену шпагу вместе с кожаным фартуком? И если мне, дворянину, нравится рисовать, неужели ты думаешь, что подобные предрассудки меня остановят? Да мне на них плевать!

— Я думаю, мы все по натуре бунтовщики, — вздохнула Анжелика.

И она нежно взяла мозолистую руку брата.

— Ты, должно быть, пережил немало бед?

— Не больше, чем если бы я служил в армии, носил шпагу, по уши погряз в долгах, а ростовщики сдирали бы с меня последние штаны. А так, я уже чего-то достиг и не жду, чтобы какой-то вельможа по случайной прихоти пожаловал мне пенсию. Мой мастер не может меня обмануть — ведь меня защищает гильдия. А когда дела совсем плохи, я совершаю набег на Тампль^[8] и прошу у нашего брата-иезуита несколько экю.

— Так Раймон в Париже? — воскликнула Анжелика.

— Да. Живет в Тампле, хотя он бенефициант не знаю уж скольких монастырей, и я совсем не удивлюсь, если узнаю, что он духовник каких-нибудь знатных особ при дворе.

Анжелика задумалась. Помощь Раймона была бы ей сейчас как нельзя кстати. Священник, который, может быть, проникнется ее бедой, ведь они принадлежат к одной семье...

Хотя воспоминания об опасностях, которых ей едва удалось избежать, были еще свежи и невзирая на запрет короля, Анжелика не собиралась сдаваться. Но

теперь она поняла, что ей следует быть крайне осторожной.

— Гонтран, — решительно произнесла она, — проводи меня до таверны «Три молотка».

Гонтрана не удивила ее просьба. Разве Анжелика не всегда была чудачкой? Он необычайно ясно помнил ее девочкой — маленькую загадочную дикарку, босоногой, исцарапанной колючим кустарником, возвращающейся после долгой прогулки по полям, о которой она ничего не рассказывала...

Ван Оссель посоветовал дожждаться ночи или, по крайней мере, вечерних сумерек. За долгие годы работы в Лувре, художник повидал немало драм и интриг, отголоски которых витали вокруг его мольберта вместе с голосами благородных моделей.

Маридье одолжила Анжелике одну из своих крестьянских юбок с корсажем из простого, дешевого сукна того бежевого оттенка, который называли «цветом засохшей розы». Она повязала Анжелике голову черным атласным платком, какие носили в ту пору простолюдинки. Анжелику забавляло, что юбка оказалась короче юбок знатных дам и была ее по щиколоткам.

Она вышла из Лувра в сопровождении Гонтрана через маленькую дверь, которую называли «дверью прачек», потому что прачки, обслуживавшие знать, день-деньской сновали через нее из дворца к набережной Сены и обратно. В тот момент Анжелика больше напоминала миловидную жену ремесленника, повисшую на руке мужа, чем великосветскую даму, которая еще вчера беседовала с королем.

Под Новым мостом в последних лучах заходящего солнца сверкала Сена. Лошади, которых приводили к реке напиться, заходили в воду по самую грудь, фыркали и ржали. Нагруженные сеном баржи выстраивались вдоль берега вереницей душистых

стогов. С судна, пришедшего из Руана, сходили на илистый берег солдаты, монахи, кормилицы.

Зазвонили к вечерне. На улицах появились продавцы вафельных трубочек и печений со своими корзинами, прикрытыми белыми платками; они заманивали игроков, сидящих в тавернах:

Эй! Кому трубочки, вафельные трубочки?

Тем, кто проигрался -

Вафли по дешевке!

Эй, проигравшие,

Кликните нас!

Трубочки, трубочки дешево для вас!

Проехала карета, перед которой бежали скороходы и собаки, и в надвигающихся под багровым небом сумерках бесконечные галереи массивного и мрачного Лувра окрасились в фиолетовый цвет.

Глава 6

Из таверны, чья огромная кованая вывеска с изображением трех молотков нависала прямо над головами прохожих, неслось громоподобное пение. Анжелика с Гонтраном сошли вниз по ступенькам и оказались в душном зале, насквозь пропахшем табачным дымом и затхлым соусом. Через открытую дверь в глубине зала виднелась кухня, в которой над раскаленными углями медленно вращались вертела с плотно насаженными на них птичьими тушками.

Молодые люди уселись за стоящим в отдалении столом возле окна, и Гонтран заказал вина.

— Выбери вино получше, — сказала Анжелика, через силу улыбаясь, — я заплачу.

И она показала брату свой кошелек, который не выпускала из рук, ведь в нем лежали выигранные в карты 1500 ливров.

Гонтран ответил, что он не знаток и обычно его вполне устраивает столовое вино из виноградников, растущих на парижских холмах. Вот по воскресеньям, действительно, он позволяет себе выпить более прославленных вин из Бордо и Бургундии и отправляется для этого в пригород, потому что там вино еще не обложено ввозной пошлиной и стоит не так дорого, как в Париже. Его пьют в пригородных кабачках, поэтому оно зовется «кабацким». Такие воскресные прогулки были единственным развлечением Гонтрана.

Анжелика спросила, отправляется ли он на эти прогулки в компании. Гонтран ответил, что друзей у него нет, зато ему нравится сидеть в увитой зеленью беседке и разглядывать лица ремесленников и их

домочадцев. Он считает, что по своей натуре люди — создания добрые и симпатичные.

— Тебе везет, — прошептала Анжелика, внезапно ощутив во рту горечь яда. Она не чувствовала недомогания, но очень устала и была не в духе.

Поплотнее закутавшись в накидку из грубой шерсти, которую ей дала Маридье, Анжелика с нескрываемым интересом наблюдала за происходящим в столичном кабаке — такое зрелище было ей внове, и от любопытства у нее даже загорелись глаза.

Хотя на вошедших сразу давила тяжесть спертого воздуха, непринужденное и открытое общение между завсегдатаями сильно ослабляло это ощущение.

Дворянин заходил сюда, чтобы покурить и освободиться ненадолго от этикета королевских приемных, буржуа с наслаждением набивал брюхо вдали от бдительного ока своей сварливой половины, мушкетер играл в кости, ремесленник пропивал жалованье и, пусть на несколько часов, забывал обо всех повседневных заботах.

В «Трех молотках», таверне, расположенной неподалеку от Пале-Рояль, на площади Монтогрей^[9], собиралось много комедиантов; на некоторых лицах еще виднелись следы грубого театрального грима, кое-кто не успел снять накладные носы... Комедианты появлялись ближе к ночи, чтобы «прополоскать кишки» и промочить глотки, осипшие после громких декламаций на сцене. Мимы-итальянцы в пестрых лохмотьях, ярмарочные актеры, а иногда и подозрительные цыгане с горящими как уголь глазами присоединялись к обычным завсегдатаям из числа жителей квартала.

Той ночью старик итальянец с белоснежной бородой в пояс, лицо которого было скрыто под красной бархатной маской, показывал честной компании смешную обезьянку. Присмотревшись к кому-нибудь из посетителей, она забавно передразнивала, как человек курит трубку, надевает свою шляпу или подносит стакан ко рту.

Зрители хохотали до упаду.

Гонтран не отрывал глаз от старика.

— Взгляни, какое роскошное сочетание: красная маска и белая как снег борода!

Но Анжелика с нарастающей тревогой спрашивала себя, сколько им еще придется ждать.

Наконец дверь в очередной раз отворилась и на пороге показался огромный датский дог Дегре.

Вместе с адвокатом вошел мужчина в просторном сером плаще. Анжелика с удивлением узнала в нем юного Сербало, прятавшего свое бледное лицо за низко надвинутой на глаза шляпой и поднятым воротником плаща.

Она попросила Гонтрана подойти к вошедшим и незаметно проводить их к своему столику.

— О Господи, мадам, — выдохнул адвокат, проскользнув на скамью рядом с Анжеликой, — с самого утра я раз десять успел представить себе, что вам перерезали горло, раз двадцать — что вас утопили, и по меньшей мере сотню раз, как вас закопали в землю.

— Было бы довольно и одного раза, мэтр, — смеясь, ответила она.

И невольно поймала себя на том, что почувствовала некоторое удовольствие от того, что Дегре за нее беспокоится.

— Стало быть, вы боитесь потерять клиентку, хоть она не слишком щедро платит, да к тому же подвергает вас бесчисленным опасностям? — спросила Анжелика.

Он скорчил несчастную физиономию.

— Сентиментальность — это болезнь, от которой нелегко выздороветь. А когда она сопровождается жаждой приключений, можно не сомневаться — ничего хорошего тебя не ждет.

Короче говоря, чем больше ваше дело усложняется, тем больше оно меня увлекает. Как ваша рана?

— Вам уже и об этом известно?

— Такова работа адвоката и сыщика. Но, честно говоря, присутствующий здесь господин оказался для меня бесценным источником сведений.

Сербало, с восковым лицом и воспаленными от бессонной ночи глазами, рассказал, чем закончилась вчерашняя трагедия в Лувре, в которую он волей случая оказался замешан.

В ту ночь он нес караул у конюшен Тюильри, когда вдруг из сада выскочил запыхавшийся человек без парика — видно, он его только что потерял. Это был Бернар д'Анджос. Спасаясь от погони, он пронесся по Большой галерее, переполошив весь Лувр и Тюильри грохотом деревянных каблуков. Из комнат и покоев дворцов высывались испуганные лица придворных, а когда часовые попытались его остановить, он их просто отшвырнул.

В страшной спешке вскочив на коня, маркиз наскоро бросил Сербало: мадам де Пейрак только что чуть не убили, а он сам, Анджос, дрался с герцогом Орлеанским. Через несколько мгновений он уже во весь опор скакал прочь из города, крикнув, что отправляется поднимать против короля Лангедок.

— Да... Бедный маркиз д'Анджос! — вырвалось у Анжелики — Где уж ему поднимать Лангедок против короля?

— Хм! Вы думаете, он этого не сделает?^[10] — спросил Сербало.

И многозначительно поднял палец:

— Мадам, вы совсем не поняли гасконскую душу! У гасконца смех легко переходит в ярость, и никогда нельзя предугадать, чем все кончится. Когда он в ярости, то сам черт ему не брат!

— И то правда, гасконцам я обязана жизнью. А вы не знаете, что с Лозеном?

— Он в Бастилии.

— О Боже, — вздохнула Анжелика, — только бы его не забыли там лет на сорок!

— Он не позволит забыть о себе, можете не сомневаться. А еще я видел, как двое слуг несли труп вашего бывшего дворецкого.

— Дьявол возьми его душу!

— Наконец, поскольку у меня уже не было сомнений, что вы погибли, я отправился к вашему зятю, прокурору Фалло де Сансе, и застал у него вашего адвоката, мэтра Дегре. Вместе с ним мы пошли в Шатле и осмотрели там все тела утопленников и убитых, которые были найдены в Париже нынче утром. Отвратительное занятие, скажу я вам, меня до сих пор тошнит. И вот теперь я здесь! Мадам, что вы будете делать? Вам нужно как можно скорее бежать.

Анжелика посмотрела на свои руки, неподвижно лежащие на столе рядом с большим бокалом рубиново-красного темного вина, к которому она даже не притронулась. Какими бледными, маленькими и хрупкими они ей показались, когда она невольно сравнила их с сильными руками сидящих рядом мужчин.

Дегре, завсегда́тай таверны, положил на стол перед собой роговую табакерку и натер немного табаку, чтобы набить свою трубку.

Анжелика почувствовала себя совсем одинокой и беспомощной.

Гонтран вдруг сказал:

— Если я правильно понял, ты замешана в подозрительной истории и рискуешь расстаться с

жизнью. Ну да я не удивлен — это вполне в твоём духе.

— Мессир де Пейрак находится в Бастилии по обвинению в колдовстве, — объяснил Дегре.

— Я не удивлен, — повторил Гонтран — Но ты ещё можешь выпутаться. Если у тебя нет денег, я одолжу. Я скопил небольшую сумму на путешествие по Франции, да и Раймон, наш брат-иезуит, уверен, тоже поможет. Собирай пожитки и уезжай в Пуатье в общей карете. Оттуда ты сможешь попасть в Монтелу, а у нас дома тебе нечего бояться!

На мгновение Анжелика почувствовала себя под надёжной защитой Монтелу, в тишине болот и лесов. Флоримон играл бы с индюками у подъёмного моста...

— А как же Жоффрей? — произнесла она. — Кто за него будет бороться? Кто добьётся справедливости?

Наступило тягостное молчание, и лишь за одним из столиков во все горло орали пьянчуги да нетерпеливо стучали ножами по тарелкам, требуя ужина, посетители. Появление Корбасона, хозяина и повара таверны, который, высоко подняв на вытянутых руках, нес на подносе зажаренного гуся с аппетитной корочкой, сразу всех угомонило. Шум в зале поутих, и среди удовлетворенного чавканья было слышно, как кидают кости четверо игроков.

Дегре невозмутимо продолжал набивать свою голландскую трубку с длинным мундштуком.

— Ты действительно так дорожишь своим мужем? — спросил Гонтран.

Анжелика сжала зубы.

— Одна унция его мозга дороже, чем ваши три головы, вместе взятые, — без обиняков заявила она. — Я знаю, что это звучит нелепо, но, хотя он мой муж, к тому же хромым и изуродованным, я его люблю.

Она судорожно вздрогнула, всхлипнув без слез.

— Но я сама его погубила. Из-за той грязной истории с ядом. А вчера на аудиенции у короля я подписала ему

приговор, я...

Внезапно взгляд ее остановился, а лицо исказилось от ужаса. Напротив, за квадратом окна появилось страшное видение: лицо, будто из кошмарного сна, прикрытое длинными грязными прядями волос, с каким-то лиловым наростом на мертвенно-бледной щеке. Один глаз был закрыт черной повязкой, а другой горел, как у волка. Ужасный призрак смотрел прямо на Анжелику и смеялся.

— В чем дело? — спросил Гонтран, который сидел спиной к окну и ничего не видел.

Дегре проследил за испуганным взглядом молодой женщины и внезапно метнулся к двери, свистом подзывая пса.

Физиономия за окном исчезла. Через несколько мгновений адвокат вернулся с пустыми руками.

— Исчез, как крыса в норе.

— Вы знаете, кто этот несчастный? — спросил Сербало.

— Я всех их знаю. Это Весельчак, известный негодяй, король воров-карманников с Нового моста, один из самых опасных главарей бандитских шаек в Париже.

— И хватает же ему наглости заявиться сюда, чтобы подглядывать, как ужинают порядочные горожане!

— Скорее всего, в зале находится его сообщник, которому он хотел подать знак.

— Но он смотрел на меня, — сказала Анжелика, стуча зубами от страха.

— Полноте! Не бойтесь. Просто здесь неподалеку улица Трюандери^[11] и предместье Сен-Дени. Там главное пристанище нищего сброда и место, где обретается их король — Великий Кесарь.

С этими словами он обнял Анжелику за талию и решительным движением привлек ее к себе. Она

почувствовала жар и силу этой мужской руки. Нервное напряжение постепенно прошло. Не стыдясь, она прижалась к Дегре. Какое имеет значение, что он — всего лишь простолюдин, нищий адвокат! Ведь еще чуть-чуть, и она сама станет всеми гонимой беззащитной парией, без крыши над головой и, может быть, даже без имени!

— Черт возьми, — весело проговорил Дегре, — мы пришли в кабак не затем, чтобы вести такие мрачные разговоры. Давайте поедим, а потом обсудим наши планы. Эй! Корбасон, чертов повар, хочешь уморить нас голодом?

Хозяин тут же поспешил к столику.

— Чем ты можешь угостить троих вельмож, которые весь день питались исключительно переживаниями, и молодую хрупкую даму, чей аппетит стоило бы разбудить?

Корбасон потер рукой подбородок и с воодушевлением произнес:

— Ну, господа, вам я предложу большой кусок говяжьего филе с кровью, фаршированный огурцами и корнишонами, трех цыплят, запеченных в золе, и миску пирожков в масле. А даме что-нибудь более легкое, не так ли? Вареная телятина, салат, костный мозг, яблочное желе, засахаренная груша и вафли. И под конец — ложечку драже с фенхелем, и я уверен, что на ее лилейных щечках распустятся розы.

— Корбасон, ты самый незаменимый и самый любезный человек на всем белом свете. Когда я в следующий раз зайду в церковь, то помолюсь за тебя перед святым Оноре^[12]. Более того, ты настоящий кудесник, создатель не только соусов, но и вдохновенных речей.

Но впервые в жизни Анжелике не хотелось есть. Она едва прикоснулась к кулинарным творениям мэтра

Корбасона.

Ее организм боролся с остатками яда, который она проглотила прошлой ночью. Казалось, прошла не одна сотня лет после того ужасного случая. Недомогание, духота в прокуренном зале лишили ее последних сил, и она неудержимо стала засыпать. Закрыв глаза, она сказала себе, что Анжелика де Пейрак умерла.

Когда она проснулась, зал таверны уже наполнился туманным утренним светом.

Анжелика пошевелилась и обнаружила, что ее щека упиралась в какую-то твердую подушку, которой оказалось не что иное, как колени адвоката Дегре, который, прикрыв глаза, с мечтательным видом продолжал курить.

Анжелика поднялась с его колен настолько торопливо, что из-за резкого движения даже сморщилась от боли.

— Ах, простите меня... — пробормотала она. — Я... должно быть, вам было ужасно неудобно.

— Как вам спалось? — спросил он, растягивая слова, и в его голосе усталость смешивалась с нотами легкого опьянения. Стоявший перед ним кувшин был почти пуст.

Развалившись на скамьях или даже на плиточном полу, похрапывали несколько вчерашних посетителей. Сербало и Гонтран тоже спали, положив локти на стол.

Молодая женщина взглянула на окно. Ей смутно помнилось, что накануне она была чем-то сильно напугана, но теперь за окном было просто серое дождливое утро и по стеклу бежали струйки воды.

Из небольшого соседнего помещения слышался голос Корбасона, отдававшего какие-то распоряжения, грохот бочек, катившихся по каменным плитам пола.

Дверь распахнулась под ударом ноги, и вошел мужчина в сдвинутой на затылок шляпе. В руке он держал колокольчик, а под плащом виднелась вылинявшая рубашка бледно-голубого цвета, вышитая мелкими лилиями и эмблемой святого Христофора ^[13].

— Хозяин, вино из Пикардии. Будешь брат?

— Ты вовремя, приятель. Мне как раз подвезли с Гревской площади шесть бочонков луарского вина. Три красного и три белого. У меня каждый день уходят по два бочонка.

Сербало, внезапно проснувшись, вскочил на ноги и выхватил шпагу:

— Черт побери, люди, слушайте! Я иду воевать с королем!

— Сербало, замолчите, — взмолилась перепуганная Анжелика.

Он бросил на нее подозрительный взгляд не до конца проснувшегося пьяницы.

— Думаете, я отступлюсь? Мадам, вы не знаете гасконцев. Я объявляю королю войну! За мной! Война королю! Мятежники Лангедока, вперед!

Размахивая шпагой, он направился к выходу и, споткнувшись на ступеньках, вышел на улицу. Спящие, не откликнувшись на его призыв, продолжали храпеть, а хозяин таверны и разносчик, стоя на коленях перед бочонками, громко цокали языками, пробуя вино, перед тем как начать торговаться. Свежий пьянящий аромат, исходивший от вина, перебил запах табачного дыма, перегара и прогорклых соусов.

Гонтран протер глаза.

— Господи, — сказал он, зевая во весь рот, — так славно я не ужинал с незапамятных времен, а точнее — с последней пирушки братства евангелиста Луки, которую, увы, устраивают один раз в год. Никак звонят к заутрене?

— Вполне возможно, — ответил Дегре.

Гонтран встал и потянулся.

— Анжелика, мне пора, не то мастер на меня рассердится. Послушай, тебе нужно пойти в Тампль с мэтром Дегре и поискать там Раймона. Сегодня вечером я отправлюсь к Ортанс, так что наша милая сестренка получит возможность излить на меня желчь. Как бы то ни было, я тебе повторяю: уезжай из Парижа. Ну да что с тебя возьмешь, ты упрямее всех ослиц нашего отца...

— А ты упрямее всех его мулов, — парировала она.

Они вышли из таверны все вместе, а собака, отзывавшаяся на кличку Сорбонна, побежала за ними. Посреди улицы струился ручей грязной воды. После дождя воздух был влажным, и легкий ветерок со скрипом раскачивал железные вывески над лавками.

— Прямо из моря! Даже створки еще не раскрылись!
— выкрикивала миловидная торговка устрицами.

— А вот что вас разбудит! Глоток солнечного тепла!
— кричал торговец водкой.

Гонтран остановил его и залпом опустошил чарку. Вытерев губы рукавом, он расплатился, потом, приподняв шляпу, попрощался с адвокатом и сестрой и исчез в толпе, ничем не отличаясь от других ремесленников, которые в этот час как раз отправлялись на работу.

«Оба мы хороши! — подумала Анжелика, глядя вслед брату. — Достойные наследнички рода де Сансе!»

Испытывая некоторую неловкость из-за поведения брата, она взглянула на Дегре.

— Гонтран всегда был немного чудаковатым, — сказала она. — Он мог бы стать офицером, как все молодые люди из благородных семей, но брат любит только смешивать свои краски. Мать рассказывала, что когда она носила его, то как-то целую неделю перекрашивала в черный одежду для всей семьи по

случаю траура по моим деду и бабушке. Может, поэтому так все и вышло?

Дегре улыбнулся.

— Давайте лучше поищем вашего брата-иезуита, четвертого представителя этого странного семейства.

— О! Раймон — выдающаяся личность!

— Надеюсь, так как это было бы удачей для вас, мадам.

— Не нужно больше называть меня мадам, — произнесла Анжелика. — Мэтр Дегре, взгляните на меня.

Она подняла к нему свое трогательное личико, бледное как воск. От усталости ее зеленые глаза посветлели и приняли совершенно необыкновенный оттенок нежной весенней листвы.

— Король сказал мне: «Я не желаю больше ничего о вас слышать». Вы понимаете, что означает этот приказ? Мадам де Пейрак больше нет. Я должна исчезнуть. Меня нет больше. Понимаете?

— Одно я понимаю точно — вы больны. Вы сегодня повторите то, что сказали мне накануне?

— А что я сказала накануне?

— Что у вас нет ко мне никакого доверия.

— Сейчас мне некому доверять, кроме вас.

— Тогда пойдете. Я отведу вас в одно место, где о вас позаботятся. Вы не можете появиться перед грозным иезуитом в таком виде, вам необходимо восстановить силы.

Он взял ее за руку и повел сквозь суетливую толпу утреннего Парижа.

Часть вторая

В тени Тампля

Глава 7

На улице стоял оглушительный шум. Со всех сторон одновременно раздавались громкие крики яростно толкавшихся торговцев. Анжелике с трудом удавалось беречь раненое плечо в этой давке, и она то и дело стискивала зубы, чтобы сдержать готовый сорваться с губ стон.

На улице Сен-Николя Дегре остановился у огромной вывески с изображением медного таза на ярко-синем фоне. Из окон второго этажа клубился пар.

Анжелика поняла, что здесь свои услуги предлагает цирюльник, владеющий парильней, и уже сама мысль о том, что она сможет погрузиться в чан с горячей водой, доставила ей невыразимое блаженство.

Мэтр Жорж, хозяин заведения, попросил вошедших Анжелику и Дегре присесть и подождать его несколько минут. Он размашистыми движениями брил мушкетера, одновременно разглагольствуя о том, сколько неприятностей, несомненно, доставляет храброму воину мирная жизнь.

Наконец, сдав «храброго воина» своему помощнику с наказом вымыть ему голову — что было не таким уж и легким делом, — мэтр Жорж, вытирая бритву о передник, с услужливой улыбкой поспешил к Анжелике:

— Хе-хе! Я уже вижу, в чем тут дело. Очередная жертва любовной болезни. Значит, неисправимый волокита, ты хочешь, чтобы я немного освежил крошку перед тем, как ты вкусишь ее прелести? Разумная предосторожность. Доверься мне, милашка. Для начала — хорошая ванна. Что бы там ни говорили господа медики, она уж точно не навредит! Потом поставим три банки, чтобы оттянуть дурную кровь, а затем наложим компресс из целебных трав на этот храм Венеры. Тогда

мэтр Дегре сможет совершить обряд служения сладострастной богине, не опасаясь за последствия.

— Дело не в этом, — очень спокойно ответил адвокат. — Юная дама ранена, и я бы хотел, чтобы вы облегчили боль. А потом приготовьте для нее ванну.

Анжелика, которую, несмотря на ее нынешнюю бледность, речи цирюльника вогнали в краску, страшно смутилась при мысли, что ей придется раздеться перед двумя мужчинами. Графине всегда прислуживали женщины, а так как она никогда не болела, то к услугам врачей ей прибегать не приходилось, а уж тем более — к услугам какого-то ничтожного цирюльника-хирурга^[14].

Но не успела она возразить, как Дегре естественным жестом, исполненным ловкости мужчины, знающего все хитрости женской одежды, расстегнул корсаж и распустил шнурок на рубашке, позволив ей соскользнуть с плеч до талии.

Мэтр Жорж наклонился и осторожно снял пропитанную мазью и корпией повязку, которую Маридье наложила на длинный порез, оставленный шпагой шевалье де Лоррена.

— Хм, хм, — пробормотал цирюльник, — вижу, в чем тут дело. Галантный кавалер посчитал, что с него требуют слишком большую сумму и расплатился, как говорится, железной монетой.

Ты разве не знаешь, малютка, что пока они не возьмутся за кошелек, чтобы расплатиться, их шпаги лучше держать под кроватью?

— А что вы скажете о ране? — столь же флегматично спросил Дегре, в то время как Анжелика сгорала от стыда.

— Хм, хм. Не хорошо, не плохо. Вижу, что какой-то невежа аптекарь врачевал ее и намазал рану весьма

подозрительным снабдьем. Мы его сейчас уберем и заменим восстанавливающей и смягчающей мазью.

И он направился за коробочкой, стоявшей на полке.

Анжелика страдала от сознания того, что она сидит полуобнаженная в цирюльне, где смешивались запахи мыла и не внушающих доверия лекарств.

Какой-то клиент, пришедший, чтобы побриться, бросил на нее взгляд и воскликнул:

— О! Какая красивая грудь! Хотел бы я ее ласкать, когда луна покажется на небе!

Дегре сделал едва приметный знак, и тут же Сорбонна, лежавшая у его ног, вскочила и, бросившись к вошедшему, грозно оскалила зубы.

— Черт возьми! Вот я влип! — воскликнул клиент. — Да это же человек с собакой! Значит, два божественных яблока любви принадлежат тебе, Дегре, чертов ты бродяга?

— Не оскорбляйте даму, месье, — бесстрастно произнес Дегре.

— Раз так, то я ничего не говорил и ничего не видел. Господи! Мэтр, умоляю, простите меня и прикажите псу оставить в покое мои и без того потрепанные башмаки.

Дегре негромким свистом подзвал к себе собаку.

— О Господи! Я хочу уйти отсюда. — Анжелика неловко попыталась одеться, губы ее дрожали.

Молодой человек твердо заставил ее сесть. Он грубовато, но тихо сказал:

— Не стройте из себя недотрогу, глупышка. Помните солдатскую поговорку: «На войне как на войне». Вы сейчас участвуете в сражении, и на карту поставлена жизнь вашего мужа и ваша собственная. Вы должны сделать все возможное, чтобы победить, так что перестаньте манерничать. Посмотрите на меня, — повелительно произнес он.

Она сделала над собой усилие и подняла глаза. Обычный мужчина, не урод, но и не красавец: такое

лицо можно встретить на каждом шагу. Губы его сложились в насмешливую улыбку. Неровные, но здоровые зубы, густые брови, твердо очерченный подбородок. Мужчина, ничем не отличающийся от других, но при этом обладающий таинственным даром жить несколькими жизнями одновременно.

— Я, можно сказать, нищенствующий адвокат, — продолжал он, — а все эти люди вокруг нас — бедные простолюдины. Они грубы, но вместе с этим менее порочны, чем дворяне, которые не меньше их пялились бы на вашу грудь, при этом умудряясь не вызывать у вас негодования. Вы сами сказали мне, что мадам де Пейрак больше нет... Теперь вам придется научиться быть другой женщиной, иначе...

И он сделал жест, будто выметал что-то.

Подошел мэтр Жорж с маленьким блестящим ножиком в руке.

— Думаю, нужно вычистить рану. Я заметил под кожей гной, его придется убрать. Не бойся, малышка, — добавил он, разговаривая с ней, как с ребенком, — ни у кого нет такой легкой руки, как у мэтра Жоржа.

Несмотря на свои опасения, Анжелика признала, что цирюльник говорил правду: оперировал он очень хорошо. Закончив операцию, он полил рану жидкостью, заставившей Анжелику подпрыгнуть на месте — это был спирт. После этого мэтр Жорж сказал, что перевяжет рану позже, и велел ей подняться в парильню.

В Средние века, во время походов на Восток, крестоносцы познали наслаждение турецких бань и, вернувшись, распространили подобные парильни по всему Парижу. В этих заведениях не только мылись и парились, но и, как тогда говорили, «убирали волосы» — удаляли растительность со всего тела. Однако вскоре бани стали пользоваться дурной славой: ко всему разнообразию предлагаемых там услуг добавилась и та,

которую обычно предлагали посетителям домов увеселения с улицы Валь д'Амур. Против парилен объединились обеспокоенные священники, суровые гугеноты и видящие в них рассадник кожных заболеваний врачи. Так что теперь за вычетом нескольких не слишком привлекательных бань, к которым относилась и парильня мэтра Жоржа, в Париже негде было помыться. Впрочем, горожане отнеслись к судьбе, постигшей бани, с легким сердцем.

Мэтр Жорж поговаривал иногда о том, чтобы закрыть баню, из-за которой на его голову сыпалось много неприятностей. Он говорил, что от парильни больше проблем, чем доходов. Проходя мимо приоткрытой двери, Анжелика краем глаза заметила пару, вытянувшуюся на кушетке. И ей показалось, что подозрения поборников морали не так уж безосновательны.

Сами бани представляли собой две огромные, выложенные плиткой залы с маленькими кабинками, разделенными деревянным перегородками. В глубине каждой комнаты слуга-мальчишка разогревал в печи булыжники.

Одна из служанок, работавших в зале для женщин, сняла с Анжелики всю одежду. Затем ее закрыли в кабинке, где были скамья и таз с водой, в который только что бросили раскаленные камни. От бурлящей воды поднимались клубы пара.

Задыхающейся на скамье Анжелике казалось, что она умирает. Когда ее выпустили из кабинки, пот лился с нее ручьями.

Затем служанка предложила ей окунуться в медный чан с холодной водой, обернула полотенцем и отвела в соседний зал, в котором уже сидело несколько столь же незамысловато одетых женщин. Служанки, большинство из которых были отталкивающей внешности старухи, брили посетительниц и расчесывали их

длинные волосы, одновременно болтая друг с другом без передышки. По голосам посетительниц и содержанию их разговоров Анжелика поняла, что большинство из них — простолюдинки: служанки или торговки, забежавшие в парильню между мессой и работой, чтобы поделиться последними сплетнями.

Анжелике предложили улечься на свободную скамью.

Через секунду появился мэтр Жорж, причем женщин его появление нимало не смутило.

В руке он держал ланцет, а маленькая девочка, шедшая рядом, несла корзинку с кровососными банками и трут.

Анжелика сопротивлялась, как могла.

— Не вздумайте пускать мне кровь! Я и так уже потеряла немало. Неужели вы не видите, что я беременна? Вы же убьете ребенка!

Но цирюльник оставался непреклонным и сделал ей знак повернуться.

— Лежи спокойно, а не то я позову твоего дружка, и он отшлепает тебя по попке.

Анжелика, представив, как Дегре выполняет этот приказ, пришла в ужас и решила лежать спокойно.

Цирюльник ланцетом сделал три надреза на спине и поставил банки.

— Только взгляни, — радостно объявил он, — какая черная течет кровь! Такая темная кровь у такой светловолосой девочки, разве так бывает?

— Ради всего святого, оставьте мне хотя бы несколько капель! — просила Анжелика.

— До смерти хочется выпустить ее всю, — свирепо выкатил глаза цирюльник. — А потом с помощью одного рецепта наполнить твои вены свежей и здоровой кровью. Вот, кстати, и рецепт: добрый стакан красного вина и ночь любви.

Умело перевязав рану, он наконец оставил Анжелику в покое. Две служанки помогли ей одеться и причесаться. Она сунула им несколько монет, и те вытаращили глаза.

— Ого! Маркиза, — воскликнула та, что была помоложе, — неужто твой судейский принц в старом камзоле раздает такие щедрые подарки?

Другая пихнула свою говорливую товарку, а когда Анжелика отвернулась и на ватных ногах начала спускаться по лестнице, прошептала:

— Ты что же, не видишь, что это знатная дама, решившая немного отдохнуть от своих занудных сеньоров?

— Те обычно не переодеваются, — возразила другая. — Приходят в масках, и мэтр Жорж вводит их через заднюю дверь.

В цирюльне Анжелика увидела свежевыбритого и раскрасневшегося Дегре.

— Она готова, — подмигнул цирюльник. — Только, покуда рана не затянется, ведите себя с ней не так грубо, как вы привыкли.

На этот раз молодая женщина только рассмеялась. Она была совершенно не в силах возмущаться.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дегре, когда они снова оказались на улице.

— Беспомощной, как котенок, — ответила Анжелика. — Но, в сущности, это не так уж гадко. Кажется, я начинаю смотреть на жизнь философски. Не знаю, так ли уж полезны сильнодействующие процедуры, которым меня подвергли, но нервы они успокаивают превосходно. Будьте уверены, как бы ни встретил меня брат Раймон, я буду скромной и покорной сестрой.

— Прекрасно. Я все время опасаюсь, как бы ваша бунтарская душа не выкинула очередного сюрприза. Может быть, вам посетить парильни, когда в

следующий раз соберетесь предстать перед Его Величеством?..

— Увы! Жаль, что я не сделала этого раньше! — вздохнула Анжелика. — Следующего раза не будет, мне уже больше никогда не предстать перед королем.

— Не говорите «больше никогда». Жизнь изменчива, а судьба непредсказуема.

Порыв ветра сорвал платок с волос Анжелики. Дегре успел подхватить его и осторожно накинул ей на голову.

Анжелика взяла его за теплые загорелые руки с длинными, изящными пальцами.

— Вы очень милы, Дегре, — прошептала она, ласково глядя на него.

— Ошибаетесь, мадам. Поглядите-ка на этого пса.

Он показал пальцем на Сорбонну, бегавшую вокруг них кругами, остановил ее и, схватив за голову, раскрыл мощные челюсти.

— Что скажете о ее клыках?

— Они ужасны!

— А вы знаете, на что я выдрессировал собаку? Так вот, когда в Париже наступает вечер, мы с ней отправляемся на охоту: я даю ей понюхать край старого плаща, принадлежащего преступнику, которого я разыскиваю. И мы идем: спускаемся к набережной Сены, бродим под мостами и между свай, шатаемся по пригородам и у старых крепостных стен, погружаемся на самое дно Парижа, кишашее нищими и бандитами. И вдруг Сорбонна бросается вперед. А когда я догоняю ее, она уже держит за горло мою добычу! Но держит очень осторожно — так, чтобы преступник не мог пошевелиться, но не крепче. Я говорю собаке: «Warte», что по-немецки означает «жди» — ведь купил-то я ее у немецкого наемника. Я наклоняюсь к пойманному, допрашиваю его, а затем выношу приговор. Я могу помиловать схваченного, и тогда зову сыщиков, и они

отводят его в Шатле, а иногда я спрашиваю себя: зачем забивать тюрьмы и перегружать господ судей работой? И тогда я говорю Сорбонне: «Zang!» Это означает: «Схвати сильнее!» И так одним бандитом в Париже становится меньше.

— И... часто вы так поступаете? — спросила, вздрогнув, Анжелика.

— Достаточно часто. Так что видите — я не насколько милый, как это может показаться.

После недолгой паузы она прошептала:

— В человеке столько противоречий. Он может быть одновременно очень жесток и очень мил. Почему вы занимаетесь таким ужасным делом?

— Я уже говорил вам: я очень беден. Отец оставил мне только должность адвоката и долги — он дни и ночи напролет играл на деньги. А я всегда жил в бедности. Я выучил латынь в одном из тех университетских коллежей, где зимой трясешься от холода. Тогда-то я и увлекся впервые кабаками и борделями, потому что, уж поверьте мне на слово, для бедного студента нет ничего лучше, чем погреть руки у истекающего соком мяса на вертеле. Моими пассиями были уличные девки не первой молодости, гревшие мне ноги между своих тучных бедер. Они не брали с меня ни единого су, потому что я был юн и горяч. Мое царство — улицы Парижа и их ночная жизнь. Быть может, я выиграю крупный процесс и стану признанным адвокатом. Но по тому как сейчас идут дела, я скорее закончу свои дни толстокожим мизантропом и самым худшим из сычей.

— Что вы имеете в виду?

— Так подданные «его величества Великого Кесаря», короля нищих, называют полицейских.

— И они уже знают вас?

— Главным образом мою собаку.

Они вышли на улицу Тампль, изрытую глубокими канавами, через которые были переброшены доски. Всего несколько лет тому назад в этом квартале были только огороды — их называли «посадками Тампля»; и теперь еще тут и там встречались квадратные поля капусты и небольшие стада коз.

Показалась крепостная стена, над которой возвышался зловещий донжон, когда-то служивший ордену тамплиеров.

Дегре попросил Анжелику недолго подождать и зашел в лавку галантерейщика. Чуть позже он вернулся в чистых брыжах без кружев, подпоясанный фиолетовым шнурком. Рукава его украшали белоснежные манжеты. Карман камзола был странным образом оттопырен. Когда он вынимал носовой платок, оттуда чуть не выпали крупные четки. Хотя адвокат остался все в тех же поношенных штанах и камзоле, он стал выглядеть намного респектабельнее. Несомненный вклад в перемену облика внесло изменившееся выражение лица, и Анжелика не решалась заговорить с ним с прежней непринужденностью.

— Вы похожи на благочестивого судью, — немного растерянно проговорила она.

— А разве не так должен выглядеть адвокат, сопровождающий молодую даму к ее брату-иезуиту? — спросил Дегре, со смиренной почтительностью приподнимая шляпу.

Глава 8

Приближаясь к высоким зубчатым стенам, окружавшим Тампль — замок со множеством готических башен, над которыми возвышался мрачный донжон тамплиеров, — Анжелика не подозревала, что вступает в самый безопасный из парижских кварталов, в такое место, где человек может чувствовать себя свободно и спать спокойно.

Эта неприступная крепость когда-то принадлежала воинствующему монашескому ордену тамплиеров, или, как их еще называли, храмовников, а затем была передана рыцарям Мальтийского ордена. Рыцари пользовались старинными привилегиями, которые вынуждены были уважать даже короли: они не платили налогов, и на территорию замка не имела права вступать ни полиция, ни другие представители властей, так что несостоятельные должники, приговоренные к лишению свободы, находили за стенами Тампля надежное убежище. Из поколения в поколение хозяевами Тампля были незаконнорожденные отпрыски королей. Нынешний Великий приор герцог Вандомский ^[15] по прямой линии происходил от короля Генриха IV и самой знаменитой из его любовниц, Габриэль д'Эстре.

Анжелика, которая не знала об особом юридическом статусе этого мирка, расположенного в самом центре Парижа и вместе с тем изолированного от большого города, идя по подъемному мосту, испытывала какое-то тягостное предчувствие, но по ту сторону сводчатых ворот на нее снизошло удивительное спокойствие.

Тампль давным-давно утратил свое военное значение. Сейчас он, так сказать, вышел в отставку и жил мирной жизнью, предоставляя своим счастливым

обитателям все преимущества жизни одновременно и уединенной, и светской. Подходя к аристократическому кварталу, Анжелика заметила перед прекрасными дворцами де Гиза, де Буффлера^[16] и де Буабудрана несколько карет.

Орден иезуитов владел удобным домом, расположенным у подножия массивной башни Цезаря; здесь жили и предавались благочестивым размышлениям главным образом те члены братства, что служили духовниками у знатных придворных.

В прихожей молодая женщина и адвокат натолкнулись на смуглого, как испанец, священника, который показался Анжелике знакомым. Это был исповедник молодой королевы Марии-Терезии, которого она привезла с Бидассоа вместе с двумя карликами, главной камеристкой Молиной и малышкой Филиппой.

Дегре попросил семинариста, открывшего им дверь, известить его преподобие де Сансе о том, что пришел адвокат, намеренный говорить с ним о графе де Пейраке.

— Если ваш брат ничего не знает об этом деле, то иезуитам остается только закрыть свою лавочку, — заявил адвокат Анжелике, пока они ждали в тесной приемной. — Я часто думал, что, если бы я, паче чаяния, мог заняться реорганизацией работы полиции, то орден иезуитов послужил бы мне образцом.

Тем временем к ним быстрым шагом приблизился отец де Сансе. Он узнал Анжелику с первого взгляда.

— Дорогая сестра! — воскликнул Раймон.

И, подойдя к ней, он по-братски обнял Анжелику.

— Ах, Раймон! — прошептала она, ободренная таким теплым приемом.

Он знаком пригласил их садиться.

— Каково сейчас положение по этому прискорбному делу?

Ответил Дегре, так как Анжелика не могла собраться с мыслями от радости встречи с братом, от стольких волнений, выпавших на ее долю за последние трое суток, и от энергичного лечения, которому подверг ее мэтр Жорж.

Дегре деловым тоном немногословно обрисовал ситуацию. Граф де Пейрак в Бастилии по обвинению — тайному — в колдовстве. Ситуация осложняется тем, что он вызвал неудовольствие короля и навлек на себя подозрения весьма влиятельных персон.

— Знаю, знаю, — пробормотал иезуит.

Он не сообщил, кто так хорошо информировал его, но, бросив на Дегре испытующий взгляд, внезапно спросил:

— Каково ваше мнение, мэтр, о том, что нам следует предпринять для спасения моего несчастного зятя?

— Думаю, в данном случае лучшее — враг хорошего. Граф де Пейрак, несомненно, оказался жертвой дворцовых интриг, о которых не подозревает сам король, но за которыми стоит некое влиятельное лицо. Я не называю имен.

— И правильно поступаете, — обронил отец де Сансе, а перед глазами Анжелики мелькнуло изображение белки с ненавистного герба Фуке. «Каких высот я не достигну»^[17].

— Напрасный труд пытаться переиграть тех, на чьей стороне деньги и власть. Мадам де Пейрак трижды едва не погибла — на ее жизнь покушались. Это достаточно убедительный опыт. Давайте поговорим о том, какие карты у нас на руках. Мессира де Пейрака обвиняют в колдовстве. Хорошо, тогда пусть его судят церковным судом. И тут, преподобный отец, ваша помощь была бы бесценной, ибо не стану скрывать: влияния такого малоизвестного адвоката, как я, явно недостаточно.

— Мне кажется, вы прекрасно разбираетесь в сфере канонического права.

— Ну, дипломов у меня столько, что хоть стену обклеивай, — впервые за весь разговор Дегре изменил своим изысканным манерам.

Раймон улыбнулся, и Анжелика изумилась тому, как быстро мужчины нашли общий язык.

— Для того чтобы я мог официально действовать в пользу графа де Пейрака, необходимо, чтобы его сначала привлекли к суду и предоставили адвоката. Полагаю, что первоначально никто этого делать не собирался. Но многократные обращения мадам де Пейрак к влиятельным лицам при дворе пробудили в самодержце совесть. Теперь я не сомневаюсь, что судебный процесс все же состоится. Вам же, преподобный отец, предстоит добиться той единственно приемлемой его формы, которая позволила бы избежать недобросовестных действий и подлогов со стороны господ из суда по гражданским делам.

— Вижу, мэтр, вы не строите иллюзий по поводу своей корпорации.

— Я вообще не строю иллюзий по поводу кого бы то ни было, преподобный отец.

— И правильно делаете, — одобрил Раймон де Сансе.

После чего он пообещал увидеться с некими лицами, чьих имен он не назвал, и сообщить адвокату и сестре о своих действиях.

— Полагаю, ты остановилась у Ортанс?

— Да, — вздохнула Анжелика.

— Кстати, — вмешался Дегре, — мне тут в голову пришла одна мысль. Не могли бы вы, преподобный отец, используя ваши связи, подыскать своей сестре и моей клиентке скромное жилье в Тампле? Нельзя забывать о том, что ее жизни все еще угрожает опасность, а в

Тамплъ никто не осмелится проникнуть с преступными замыслами. Всем известно, что герцог Вандомский, Великий приор Мальтийского ордена^[18], не пускает за ограду бродяг, и вступает за тех, кто ищет здесь убежища. Покушение на чью-либо жизнь, совершенное на территории, которая находится под его юрисдикцией, вызовет такую огласку, какой всякий постарается избежать. Наконец, мадам де Пейрак могла бы воспользоваться чужим именем, чтобы запутать следы. Добавлю еще, что она могла бы здесь передохнуть, в чем она сильно нуждается по состоянию здоровья.

— Ваше предложение представляется мне в высшей степени разумным, — одобрил Раймон. После минутного размышления он вышел из комнаты и вернулся с листком бумаги, на котором был написан адрес: Госпожа Кордо, вдова, содержательница мебелированных комнат на площади Тамплъ.

— Жилище это скромное, если не сказать бедное. Зато в твоём распоряжении будет большое помещение, и ты сможешь столоваться у хозяйки, вдовы Кордо, которой поручено следить за домом и сдавать в нем три-четыре комнаты. Знаю, ты привыкла к роскоши, но думаю, это самое подходящее место для того, чтобы затаиться, что, как справедливо заметил мэтр Дегре, тебе совершенно необходимо.

— Хорошо, Раймон, — благоразумно согласилась Анжелика и нашла в себе достаточно сил, чтобы с большим чувством добавить: — Благодарю тебя за то, что ты веришь в невиновность моего мужа и помогаешь бороться с несправедливостью, жертвой которой он стал.

Лицо иезуита сделалось суровым.

— Анжелика, мне не хотелось бы огорчать тебя — твоё душевное состояние, равно как и внешний вид,

внушают мне жалость. Но не думай, что я хотя бы отчасти оправдываю тот скандальный образ жизни, который вел твой супруг и в который он вовлек тебя. Нынче ты за это жестоко расплачиваешься. Но вполне естественно, что я помогаю своему близкому родственнику.

Молодая женщина открыла было рот, чтобы возразить, но вовремя одумалась. Определенно, она научилась смирению.

Но удержать язык за зубами до конца беседы ей все же не удалось. Когда Раймон проводил их до прихожей, он известил Анжелику, что самая младшая их сестра, Мари-Аньес, сделалась, благодаря его протекции, фрейлиной королевы — должность, занять которую стремятся столь многие.

— В добрый час! — воскликнула Анжелика. — Мари-Аньес в Лувре! Не сомневаюсь, там ее развитие пойдет быстро и всесторонне.

— Воспитанием фрейлин занимается мадам де Навай. Это очаровательная дама, при этом мудрая и осмотрительная. Мне довелось беседовать с духовником королевы, и он рассказал мне, как высоко Ее Величество ценит прекрасное воспитание фрейлин.

— Ты что, правда такой наивный?

— Наши настоятели не прощают подобного недостатка.

— Ну, тогда не будь лицемером, — заключила Анжелика.

Раймон продолжал все так же приветливо улыбаться.

— Я вижу, дорогая сестра, что ты ничуть не изменилась. Желаю тебе найти покой в доме, адрес которого я тебе дал. Иди, я буду молиться за тебя.

— Воистину, иезуиты — замечательные люди, — объявил Дегре чуть позже. — И почему только я не иезуит?

Он продолжал философствовать на эту тему, пока они не добрались до квартала Сен-Ландри.

Ортанс встретила сестру и адвоката с откровенной враждебностью.

— Великолепно! Великолепно! — прошипела она, с трудом сдерживая злость. — Итак, после каждой вылазки ты возвращаешься во все более жалком виде. Разумеется, всякий раз в сопровождении мужчины.

— Ортанс, это же мэтр Дегре!

Ортанс повернулась к адвокату спиной: она терпеть его не могла из-за его невзрачной одежды и репутации распутника.

— Гастон! — позвала она. — Полюбуйтесь на свою свояченицу. Надеюсь, вы к ней охладаете навсегда!

Появился мэтр Фалло де Сансе, весьма недовольный тем, что жена оторвала его от дел, но при виде Анжелики он раскрыл рот от изумления.

— Бедное дитя! В каком вы состоянии!..

Тут раздался звонок и Барба объявила о приходе Гонтрана. Ортанс окончательно вышла из себя и разразилась проклятиями.

— Господи, за что Ты наградил меня такой сестрицей и таким братом? И кто теперь поверит, что я из старинной дворянской семьи? Сестра возвращается в тряпье! Брат опускается все ниже и ниже, теперь он уже грубый рабочий, к которому дворяне и буржуа могут обращаться на «ты» и которого они могут бить палками!.. Не только мерзкого хромого колдуна нужно было кинуть в Бастилию, но и вас обоих с ним за компанию!

Не обращая внимания на эти вопли, Анжелика позвала маленькую служанку из Беарна, чтобы попросить ее помочь собрать вещи.

Ортанс прервалась, чтобы набрать воздуха.

— Можешь звать ее сколько угодно! Она ушла.

— Как так — ушла?

— А так — какова хозяйка, такова и служанка! Вчера к ней явился какой-то детина с жутким акцентом, с ним она и ушла.

Анжелику словно холодной водой окатили, ведь она чувствовала свою ответственность за девчущку, которую увезла из ее родного края. Она повернулась к Барбе:

— Барба, нельзя было позволять ей уйти.

— А я-то почему знала, мадам? — захныкала здоровая девица. — В девчонку словно бес вселился. И она поклялась на распятии, что парень, который за ней пришел, — ее брат.

— Ну конечно! Брат на гасконский лад. Там говорят «брат из моего края» — это значит, что они из одной провинции. Ладно, ничего не поделаешь! Зато теперь не придется платить ей жалованье...

В тот же вечер Анжелика со своим маленьким сыном переехала в скромный домик вдовы Кордо на площади Тампля.

Так называлась рыночная площадь, где теснились торговцы птицей, рыбой, парным мясом, чесноком, медом и салатом, причем любой имел право, заплатив бальи ^[19] небольшую сумму, получить на рынке место и назначать за свой товар какую ему угодно цену, не платя пошлин и не отчитываясь перед властями или гильдией. На площади всегда толкалось много народа. Вдова Кордо была пожилой женщиной, скорее крестьянкой, чем горожанкой. Она пряла шерсть перед

очагом, где тускло мерцал огонь, и выглядела как сущая ведьма.

Но комната оказалась чистой, в ней приятно пахло свежестырированным бельем, кровать была удобной, а каменный пол покрывал толстый слой соломы, чтобы холод не так чувствовался — все же наступала зима.

Госпожа Кордо предоставила Анжелике колыбельку для Флоримона, запас дров и котелок с кипятком.

Когда Дегре и Гонтран ушли, молодая женщина накормила малыша, а затем стала укладывать его. Флоримон хныкал, требуя Барбу и своих маленьких кузенов. Чтобы успокоить его, Анжелика принялась напевать его любимую песенку «Зеленая мельница». Рана почти не болела, а заботы о малыше отвлекли ее от тяжелых мыслей. Хотя за последние годы она привыкла, что ее обслуживает множество слуг, детство ее было достаточно суровым, так что Анжелика не слишком переживала из-за исчезновения последней служанки.

Кроме того, воспитавшие ее монахини приучили ее к тяжелой работе на тот случай, если «небеса ниспошлют испытания».

Когда ребенок уснул и она сама улеглась на простыне из грубой, но чистой ткани, а под окнами прошел ночной сторож, покрикивая: «Десять часов. Ворота закрыты. Добрые люди Тампля, спите спокойно...», Анжелику вдруг охватило чувство умиротворения и облегчения.

Ворота Тампля закрыты. И когда в большом городе начинается жутковатая ночная жизнь, с ее шумом в тавернах, притаившимися в переулках бандитами, убийцами и взломщиками, немногочисленные жители Тампля мирно засыпают под защитой высоких зубчатых

стен. Мошенники, подделывающие драгоценности, неплатежеспособные должники и подпольные типографщики мирно смыкают очи, уверенные в том, что завтра наступит доброе утро. Со стороны отеля Великого приора, доносятся звуки клавесина, со стороны часовни и колокольни — молитвы на латыни. Несколько рыцарей Мальтийского ордена, в черных плащах с белым крестом, возвращаются в свои кельи.

Шел дождь. Анжелика безмятежно заснула.

Она записалась у бальи под непримечательным именем госпожи Мартен. Никто ее ни о чем не расспрашивал. В первые дни ее жизнь наполнилась новыми и достаточно приятными впечатлениями оттого, что она стала вести размеренную жизнь простой горожанки, ничем не отличавшейся от своих соседей. Все заботы молодой матери сводились к уходу за ребенком. У госпожи Кордо, которая жила вместе с пятнадцатилетним сыном, работавшим в городе подмастерьем, кроме Анжелики, столовался старый разорившийся торговец, скрывавшийся в Тампле от кредиторов.

— Главная беда моей жизни, — постоянно повторял он, — это то, что отец с матерью дурно воспитали меня. Увы, они привили мне честность. А это самый большой порок, когда занимаешься торговлей.

Флоримона осыпали комплиментами, и Анжелика очень им гордилась. Она ловила каждый лучик солнца, чтобы вывести сына на прогулку вдоль рыночных навесов, и все торговки сравнивали его с младенцем Иисусом в яслях.

Один из ювелиров, чья лавочка располагалась как раз напротив дома Анжелики, подарил малышу крестик, усыпанный красными камешками, фальшивыми рубинами. Анжелика растрогалась, вешая сыну на шею этот скромный подарок. Где, интересно, тот бриллиант

в шесть каратов, который мэтр^[20] Флоримон едва не проглотил в Сен-Жан-де-Люзе в день свадьбы короля?

Среди ремесленников всех мастей, что обосновались в пределах стен Тампля, стремясь избавиться от мелочных требований гильдий, были и изготовители бижутерии; а поскольку ювелирам Парижа запрещалось продавать поддельные драгоценности, простолюдинки могли купить разноцветные стекляшки, доставлявшие им столько радости, лишь здесь, в Тампле. Румяные, веселые гризетки, как их называли из-за бедной одежды темного, преимущественно серого цвета^[21], приходили сюда со всех концов Парижа.

Анжелика, которую так восхищали разноцветные наряды придворных, была удручена однообразной одеждой простых парижан. Многие продолжали одеваться по моде прошлого века. Ей самой пришлось поменять свои последние юбки из шелка и тафты на добротное коричневое шерстяное платье. Для Флоримона она купила рубашку того же цвета и пальтишко с капюшоном.

Во время своих прогулок Анжелика старалась держаться подальше от роскошных дворцов, где жила знать или богачи, решившие поселиться в Тампле кто из каприза, а кто из экономии. Она побаивалась, что ее могут узнать посетители, чьи кареты с грохотом въезжали в ворота Тампля, но главное — Анжелика боялась пробудить в себе сожаление об утраченном. С какой стороны ни посмотри, решительный разрыв с прежней жизнью — это лучший выход для нее. Да и в самом деле, разве не была она женой бедного, всеми позабытого заключенного?..

Глава 9

Как-то раз, спускаясь по лестнице с Флоримоном на руках, Анжелика столкнулась с женщиной, жившей в соседней комнате, и лицо дамы показалось ей знакомым. Госпожа Кордо рассказывала Анжелике, что комнату снимает молодая вдова, очень бедная, но держащаяся особняком; она даже предпочитает приплачивать несколько денье к скромной сумме за свой пансион, чтобы еду ей приносили прямо в комнаты. Анжелика мельком увидела очаровательное лицо этой брюнетки с темными глазами, которые, впрочем, та быстро опустила. И хотя Анжелика была уверена, что уже встречала где-то свою нынешнюю соседку, имени ее она вспомнить не сумела.

Вернувшись с прогулки — из-за дождя она не слишком затянулась, — Анжелика снова столкнулась с молодой вдовой; казалось, та ее поджидала.

— Простите, вы — мадам де Пейрак? — спросила она.

Смущенная и даже несколько обеспокоенная, Анжелика знаком пригласила даму войти.

— Мы вместе ехали в карете моей подруги Атенаис де Тонне-Шарант в день торжественного въезда короля в Париж. Я — госпожа Скаррон.

И тут Анжелика вспомнила ее. Красивая и скромная молодая особа, чья бедность уже тогда была заметна настолько, что попутчики даже немного стыдились ее. Брат Атенаис тогда зло назвал ее «госпожа Скаррон-калека».

Ортанс не упускала случая отметить, какими блестящими связями она смогла обзавестись благодаря своему уму, и во время торжественного въезда короля она многое разузнала о госпоже Скаррон, сопровождавшей их в тот день и беседовавшей с ними у окна отеля Бове.

Ортанс поделилась с Анжеликой сплетнями об одном из самых выдающихся людей их родной провинции — вельможе из родовитого семейства д'Обинье, который приходился Франсуазе родственником.

Девичья фамилия Франсуазы Скаррон была д'Обинье. Ортанс вновь не смогла удержаться от обычных для нее комментариев: как такая привлекательная и изысканная молодая особа могла совершить ошибку, выйдя замуж за Скаррона — прекрасного поэта, но происходящего из простой, хотя и уважаемой семьи, если подобный брак означал отказ от преимуществ, связанных со знатным происхождением Франсуазы. Сплетники отмечали, что у девушки, вероятно, не оставалось выбора — она, по сути, была бесприданницей и, следовательно, не могла рассчитывать на выгодную партию. И в перспективе остаться незамужней и заживо похоронить себя в скромном монастыре — единственной возможности, открывавшейся перед небогатыми девицами из дворянских семей, она предпочла предложение Скаррона. Франсуаза выбрала замужество, несмотря на то что Скаррон уже долгие годы был калекой.

Это был один из тех редких случаев, когда Анжелика и Ортанс, ожидая торжественный въезд короля в Париж, беседовали в тишине прокурорского дома в квартале Сен-Ландри, вспоминая одну из многих легенд родной провинции, за которыми они когда-то коротали вечера в Монтелу.

Агриппа д'Обинье^[22], живший некогда на границе болот, возле Майзе, с его незабываемым обликом кондотьера, романтического благородного разбойника, еще при жизни стал легендой среди своих земляков. Кроме того, он был лучшим другом и соратником короля Генриха IV, которому так и не смог простить перехода в католическую веру и которого нещадно бичевал в великолепных поэмах, расхваливших по всему королевству. Он вернулся в свои земли, где был полновластным властелином, и начал печатать там свои произведения, запасать оружие и ждать союзников-англичан, с помощью которых он рассчитывал отвоевать королевство, чтобы распространить Реформацию по всей Франции.

Главным несчастьем в жизни этого вельможи стал его единственный сын, Констан — редкий негодяй, бросавшийся отцовскими деньгами направо и налево, увязавший в долгах, за которые его собирались арестовать, вор и, как поговаривали, убийца своей первой жены и ее любовника. Воспитанный в традициях протестантизма, он без малейших угрызений совести переменял веру, чтобы перейти на сторону короля. Он не погнушался даже предать отца за большие деньги и подстрекал к восстанию его солдат. Потом изгнал отца из его же собственных владений — Майзе и окрестностей — и присвоил себе все его состояние.

Преследуемый королевским отрядом, Агриппа д'Обинье бежал из Франции и нашел пристанище в протестантской Женеве, с почестями принявшей его.

Франсуаза ничуть не изменилась с тех последних дней августа, когда Анжелика повстречала ее на великолепном празднике. Анжелика заметила, что она

по-прежнему носила недорогие драпированные платья, изящно обрисовывающие ее фигуру. Наряд дополнял безукоризненно белый воротничок, и вид у нее был трогательно благопристойный.

Даже при нынешних печальных обстоятельствах Анжелика обрадовалась возможности поговорить с уроженкой Пуату. Она усадила ее у очага и предложила полакомиться с ней и с Флоримоном вафельными трубочками.

Госпожа Скаррон сообщила, что ее муж, месье Скаррон, умер.

Сама она решила переехать в Тампль, потому что только здесь можно на три месяца задерживать плату за комнату. Наследство еще не поделили, и она оказалась совершенно без средств к существованию — в любой момент кредиторы могли выставить ее на улицу. Все эти три месяца вдова надеялась, что король или королева-мать возобновят пенсию размером в 2000 ливров, которую Его Величество назначил ее мужу, поэту Скаррону.

— Моя сестра, мадам Фалло де Сансе, как-то упоминала при мне, что вы приходите родственницей герою нашего края, великому и благородному Агриппе д'Обинье, — сказала Анжелика. — Когда мы были детьми, даже до нас доносилось эхо его стихов — об объявлении войны королю, о том, как он ждал прихода англичан; но больше всего нас поразило его стих о вечном проклятии сыну, Констану.

— Констан — мой отец, — очень просто произнесла молодая вдова. — Вот почему я родилась в тюрьме — как вы, несомненно, знаете. В одной из тех многих тюрем, где он побывал, а именно в Ньоре.

В ее манере вести беседу были та жизнерадостность и тонкий юмор, которые смягчали тяжесть даже самых неприятных тем и принесли

Франсуазе репутацию несравненной хозяйки светского салона.

— Что ж, значит мы землячки, — сказала Анжелика в тон собеседнице. — И я рада оказаться под одной с вами крышей. Почему вы так редко появляетесь у госпожи Кордо? Вы могли бы выходить к столу вместе с нами.

— Нет, для меня это уже слишком! — призналась, вздрогнув, вдова. — Дело в том, что при одном только виде этой мамыши Кордо и ее сына я умираю от страха!

Анжелику так удивило это заявление, что она открыла было рот, чтобы расспросить Франсуазу, но их разговор был прерван странным звуком, больше всего похожим на вой из звериного логова. Звук доносился с лестницы.

Госпожа Скаррон отворила дверь, но тут же захлопнула ее и отскочила назад.

— Господи, там, на лестнице, дьявол!

— Что вы сказали?

— Там кто-то черный, как сама ночь!

Анжелика вскрикнула и бросилась к порогу.

— Куасси-Ба! — позвала она.

— Да, гаспаша, это я, — ответил мавр.

Он появился, как темный призрак, из тени едва освещенной лестницы. На нем были изодранные лохмотья, подпоясанные бечевкой, а кожа посерела и отвисла. Но, заметив Флоримона, мавр радостно вскрикнул и, кинувшись к сияющему от восторга ребенку, стал отплясывать какой-то безумный танец.

Франсуаза Скаррон в ужасе бросилась вон и спряталась у себя.

Анжелика в раздумье обхватила руками голову. Но когда же? Когда исчез Куасси-Ба? Она ничего не

помнила. Все в ее голове перепуталось. В конце концов она вспомнила, что он сопровождал ее в Лувр утром того ужасного дня, когда она отправилась на встречу с королем и едва не погибла от руки самого герцога Орлеанского. Приходилось признать, что с того злополучного вечера она напрочь позабыла о Куасси-Ба!

Она подбросила полено в очаг, чтобы негр мог высушить свои жалкие лохмотья, и накормила его тем, что смогла отыскать.

Он поведал ей свою одиссею.

Долго, очень долго ждал свою «гаспашу» Куасси-Ба в том огромном замке, в котором живет король Франции. Очень долго! Проходившие мимо служанки смеялись над ним.

Потом настала ночь. Потом ему досталось немало ударов дубиной. Потом он пришел в себя в воде, да, в воде, которая течет перед большим замком... «Его оглушили и бросили в Сену», — поняла Анжелика.

Куасси-Ба плыл, пока не вышел на берег. Когда он вновь очнулся, то был очень счастлив, потому что подумал, что оказался у себя на родине, в стране, где жил когда-то, пока не попал в плен к арабам, — над ним склонились трое чернокожих людей. Мужчин, а не негрятят вроде тех, что служат пажами у знатных дам.

— Уверен, что тебе не привиделось? — спросила удивленная Анжелика. — Мавры в Париже! Мне показалось, что взрослых мавров здесь очень мало.

Расспросив его поподробнее, Анжелика поняла, что Куасси-Ба подобрали чернокожие, которых показывали на ярмарке Сен-Жермен как чудо природы и которые заодно водили прирученных медведей. Вначале Куасси-Ба совершенно не хотел оставаться с ними, потому что боялся медведей. Но мавры оказались хорошими товарищами. А медведи дружелюбные, их нечего бояться. И все же ему нужно было отправиться на

поиски Анжелики, причем так, чтобы никто этого не заметил.

Закончив свое повествование, он вытащил из-под своих лохмотьев маленькую корзинку и, встав на колени перед Флоримоном, протянул ему два маленьких мягких хлебца, которые называли «овечьими» — с золотистой корочкой, смазанной желтком и посыпанной зернышками пшеницы. Хлебцы прекрасно пахли.

— Как тебе удалось это купить?

— Нет! Я не покупал. Я вошел в булочную и сделал вот так. — И он скорчил устрашающую рожу. — Женщина и девушка спрятались под прилавком, а я взял для маленького хозяина две лепешки.

— Боже правый! — выдохнула ошеломленная Анжелика.

— А если бы у меня была моя большая кривая сабля...

— Я продала ее старьевщику, — быстро вставила Анжелика.

Она спросила себя: а что, если стражники шли по следам Куасси-Ба и выследили его до ворот Тампля? Ей показалось, что с улицы доносится какой-то шум. Подойдя к окну, она увидела, что перед домом собралась целая толпа. С мамашей Кордо говорил какой-то одетый в черное и на вид весьма почтенный человек. Анжелика распахнула ставни, чтобы послушать, о чем идет речь.

Мамаша Кордо крикнула ей:

— Говорят, у вас там человек, совсем черный?

Анжелика быстро спустилась.

— Так и есть, госпожа Кордо. Это мавр, он... он бывший слуга. Он безобидный.

Почтенный господин представился. Это оказался бальи Тампля, который от имени Великого приора вершил на территории замка суд высшей, средней и

низшей юрисдикций. Он сказал, что мавру, а тем более одетому как бродяга, не место в стенах Тампля.

После длительного спора Анжелике пришлось поручиться, что Куасси-Ба покинет аббатство до наступления ночи.

В комнату она вернулась с тяжелым сердцем.

— Что же мне делать с тобой, мой бедный Куасси-Ба? Если ты останешься здесь, то вызовешь настоящую бурю. Да и денег у меня нет, чтобы кормить и содержать тебя. Увы, ты привык к роскоши! Привык жить, не зная нужды...

— Продай меня, гаспаша!

Она удивленно взглянула на него, и мавр продолжил:

— Граф купил меня очень дорого в Нарбонне, а ведь тогда я был маленьким. Сейчас я стою не меньше тысячи ливров. Этого хватит, чтобы вытащить из тюрьмы моего хозяина.

Анжелика призналась себе, что он прав. По сути, Куасси-Ба был всем, что оставалось у нее от бывшего богатства. Сама мысль продать его была ей отвратительна, но не было ли это лучшим выходом для самого мавра — дикаря, затерявшегося среди мерзостей цивилизации? Да и исхудал он сильно...

— Приходи ко мне завтра, — велела она, — я что-нибудь придумаю. Но будь осторожен, не привлекай внимания стражников.

— Ну, я-то знаю, как нужно прятаться. У меня здесь в городе много друзей. Я делаю вот так, а друзья говорят мне: «Ты из наших» и ведут меня к себе домой.

И он показал, как именно нужно скрестить пальцы, чтобы, попади он в беду, друзья его признали.

Анжелика дала ему одежду и затем долго глядела в окно, видя, как бредет под дождем этот великан, который теперь стал худым, как скелет. Сразу же после

его ухода она решила отправиться за советом к брату. Но преподобного отца де Сансе на месте не оказалось.

Удрученная Анжелика возвращалась к себе, как вдруг, перепрыгивая через лужи, ее обогнал юноша с футляром для скрипки в руке.

«Джованни!»

Поистине, это был день встреч! Чтобы не промокнуть под дождем, она затащила юного музыканта под крышу старой церкви и принялась расспрашивать о том, что он здесь делает.

— В оркестр месье Люлли меня пока не приняли, — рассказал Джованни, — но мадемуазель де Монпансье, уезжая в Сен-Фаржо, уступила меня мадам де Суассон, назначенной управляющей двором королевы. Так что теперь у меня отличные связи, — заключил он с важным видом. — Благодаря этому у меня теперь и денег больше — я даю уроки музыки и танцев дочерям вельмож. Сейчас как раз иду от мадемуазель де Севинье, она живет в отеле Буффлер.

И он застенчиво прибавил, бросив смущенный взгляд на скромное одеяние своей бывшей госпожи:

— Мадам, смею ли я спросить, как ваши дела? Когда мы вновь увидим мессира графа?

— Скоро. Счет идет на дни, — ответила Анжелика, в то время как ее мысли были заняты другим. — Джованни, — продолжила она, положив руки ему на плечи, — я решила продать Куасси-Ба. Я помню, что графиня де Суассон хотела получить его, но сама я не могу покинуть Тампль, а тем более отправиться в Тюильри. Сможешь ли ты стать посредником в этом деле?

— Всегда к вашим услугам, мадам, — галантно ответил юный музыкант.

Обещание он исполнил быстро: всего лишь двумя часами позже, когда Анжелика готовила еду для Флоримона, в дверь постучали. Отворив ее, она увидела

рослую рыжеволосую женщину, державшуюся высокомерно, и лакея в ливрее цвета спелой вишни — цвета дома графа де Суассона.

— Мы пришли от имени Джованни, — произнесла женщина, под пелериной которой Анжелика заметила весьма кокетливый наряд горничной.

Ее лицо было хитрым и наглым одновременно — сразу становилось ясно, что это любимая служанка знатной дамы.

— Мы готовы обсудить с вами дело, — добавила она, смерив Анжелику взглядом и быстро оглядев комнату. — Но мы должны знать, какова наша доля.

— Придержи язык, детка, — отрезала Анжелика таким тоном, который сразу поставил горничную на место.

Она села, не предложив того же посетителям.

— А тебя как зовут? — спросила она лакея.

— Гиацинт, мадам графиня.

— Хорошо! У тебя, по крайней мере, живой взгляд и цепкая память. Почему платить нужно двоим?

— Мадам! Когда речь идет о подобном деле, я и Бертиль всегда работаем вместе.

— Стало быть, вы работаете в связке. Хорошо еще, что с вами заодно не все слуги графа! Вот что от вас требуется: сообщите мадам графине, что я хочу продать ей моего мавра, Куасси-Ба. Но я не могу сама отправиться в Тюильри или в Лувр, так что ваша хозяйка должна встретиться со мной в Тампле, в том доме, который она выберет сама. И я настаиваю, чтобы эта встреча происходила тайно, а мое имя даже не упоминалось.

— Похоже, устроить это будет не так уж сложно, — произнесла служанка, взглянув на сообщника.

— Вы получите два ливра с каждых десяти — чем выше окажется цена, тем больше вы получите. Поэтому нужно, чтобы мадам де Суассон так сильно захотелось

получить мавра, что никакая сумма не смогла бы ее остановить.

— Я свое дело знаю, — пообещала служанка. — Кроме того, давеча утром, пока я причесывала мадам, она снова сокрушалась, что в ее свите нет этого дьявола! Да смилостивится над ней Господь! — заключила она, поднимая глаза к небу.

Анжелика и Куасси-Ба ждали в маленьком кабинете, примыкавшем к службам в отеле Буффлер.

Из салона, где мадам де Севинье принимала сегодня гостей, доносился смех и восклицания светских дам. Мимо Анжелики пробегали мальчишки-лакеи, несшие подносы со сладостями.

Хотя Анжелика не хотела в этом себе признаваться, она страдала от того, что оказалась выброшенной из светской жизни, которой наслаждались окружавшие ее сейчас дамы. Ей так хотелось познакомиться с Парижем и его альковами^[23], в которых собирались самые выдающиеся умы того времени!..

Подле нее сидел Куасси-Ба, вытаращив от страха глаза. И хотя она одолжила для него у старьевщика Тампля поношенную ливрею с потускневшей позолотой, вид у него был довольно убогий.

Наконец дверь распахнулась, и на пороге показалась вместе со своей служанкой оживленная мадам де Суассон, обмахивающаяся веером.

— А, вот и дама, о которой ты говорила, Бертиль!

И она замолчала, внимательно разглядывая Анжелику.

— Да простит меня Господь, — воскликнула она, — дорогая, вы ли это?

— Я, — со смехом подтвердила Анжелика, — но прошу вас, не надо удивляться. Вы же знаете, муж мой в Бастилии; и мне не пристало быть в лучшем состоянии, чем он.

— О, конечно! — согласилась Олимпия де Суассон, проникаясь ее положением. — Каждый из нас хоть раз попадал в немилость. Когда мой дядя кардинал Мазарини вынужден был бежать из Франции, мы с сестрами ходили в дырявых юбках, а народ на улицах швырял камни в нашу карету и кричал вслед: «Потаскухи Манчини!» А теперь, когда несчастный кардинал одной ногой в могиле, те же самые люди, наверное, горюют по нему больше меня. Видите, как резко все меняется!.. Подождите, разве это ваш мавр, моя дорогая? В первую встречу он произвел на меня большее впечатление! Он был чернее и не такой тощий...

— Это потому, что он замерз и голоден, — поспешила с ответом Анжелика. — Вот увидите — как только он начнет есть досыта, то снова станет черным как уголь.

Лицо красавицы выражало сомнение.

Куасси-Ба с кошачьей грацией поднялся.

— Но я все еще сильный! Смотри!

Он сорвал с себя старую ливрею, обнажив торс, покрытый замысловатыми татуировками, расправил плечи, напряг мышцы, как боец на ярмарке, и чуть согнул руки в локте. На темно-бронзовой коже играли блики света.

Куасси-Ба стоял прямо и неподвижно, но казалось, что он вдруг стал гораздо выше. Вид этого дикаря, остававшегося совершенно бесстрастным, околдовал всех в комнатке и будто таинственно изменил само пространство. Сквозь витражи струились бледные лучи солнца, обливая золотистым светом сына Африки, заброшенного судьбой далеко от своей родины.

Мавр опустил миндалевидные, как у египтянина, веки, так что блестела только тонкая полоска белка цвета слоновой кости, а его взгляд замер на графине де Суассон. Затем его губы медленно растянулись в улыбке, одновременно высокомерной и нежной.

Никогда еще Анжелика не видела Куасси-Ба таким красивым, и никогда, никогда — таким... страшным.

Чернокожий, во всем великолепии своей животной мощи, пристально разглядывал добычу. Инстинкт шептал ему, чего хочет эта белая женщина, жадная до новых наслаждений.

Олимпия де Суассон, приоткрывшая губы, казалась замороженной. В ее темных глазах бушевало пламя. Прекрасная грудь вздымалась, а сладострастный рот так бесстыдно говорил о ее желании, что даже наглая служанка потупила взгляд, а Анжелике захотелось выбежать, хлопнув дверью.

Но графиня взяла себя в руки и принялась обмахиваться веером.

— Сколько... Сколько вы хотите?

— Две тысячи пятьсот ливров.

Глаза служанки засверкали.

Олимпия де Суассон чуть не подпрыгнула. Только что прозвучавшая цифра окончательно вернула ее на землю.

— Вы с ума сошли!

— Две тысячи пятьсот ливров, или я оставляю его себе, — холодно отчеканила Анжелика.

— Но, моя дорогая...

— О, мадам, какая у него нежная кожа! — воскликнула Бертиль, робко коснувшись руки Куасси-Ба. — Никогда бы не подумала, что у мужчин бывает такая кожа — просто цветочный лепесток.

Тогда графиня в свою очередь дотронулась кончиками пальцев до плеча мавра и погладила упругую, гладкую кожу. По ее телу пробежала

сладострастная дрожь. Набравшись смелости, она коснулась татуировок на груди и рассмеялась.

— Решено, я его покупаю. Это безумие, но я не могу себе отказать. Бертиль, скажи Гиацинту, чтобы принес мне шкатулку.

Лакей, словно заранее знавший исход встречи, тотчас вошел в комнату, неся отделанную кожей шкатулку.

Пока лакей, судя по всему, уже не первый раз участвовавший в тайных развлечениях своей госпожи, отсчитывал монеты, служанка по приказу хозяйки подала Куасси-Ба знак следовать за ней.

— До свидания, гаспаша, до свидания, — произнес мавр, подойдя к Анжелике, — а маленькому хозяину Флоримону ты скажи...

— Ладно, иди, — серьезно сказала она.

Перед тем как выйти из комнаты, раб посмотрел на нее, как побитый пес — и этот взгляд поразил ее в самое сердце...

Анжелика нервно пересчитала монеты и бросила их в кошелек. Теперь ей хотелось лишь одного: как можно быстрее уйти отсюда.

— О, дорогая, подозреваю, все это тяжело для вас, — вздохнула сияющая графиня де Суассон, обмахиваясь веером. — Но не жалейте ни о чем, ведь все еще может измениться. Люди попадают в Бастилию, но они и выходят оттуда. Вы знаете, что по милости короля Пегилен де Лозен на свободе?

— Пегилен! — ахнула Анжелика. Неожиданная новость подбодрила ее. — Ах, как я рада за него! Что же с ним случилось?

— Его Величеству по вкусу дерзкие выходки этого отважного дворянина, и под первым же предлогом он призвал его к себе. Говорят, Лозена бросили в Бастилию из-за того, что он дрался с Филиппом Орлеанским. Кое-

кто утверждает даже, что Лозен скрестил шпагу с Месье из-за вас, мадам.

Анжелика вздрогнула, вспомнив тот страшный вечер. Она снова настойчиво попросила мадам де Суассон ничего никому не рассказывать о ней и не открывать, где она находится. Олимпия, которой богатый опыт подсказывал, что не следует пренебрегать попавшими в опалу подданными, пока король не решил их судьбу окончательно, обещала молчать и, поцеловав на прощанье Анжелику, удалилась.

Озабоченная и грустная, Анжелика вернулась к себе. На лестничной площадке ее ждала вдова Скаррон, о которой Анжелика в недавней суматохе подзабыла; увидев Франсуазу, она почувствовала себя лучше просто благодаря ее присутствию, много значившему для нее в этот час.

— Я ждала вас, — сказала Франсуаза Скаррон, — хотела извиниться за свое нелепое поведение накануне, когда я увидела вашего слугу-мавра на лестнице.

В голосе госпожи Скаррон Анжелика услышала искреннее сочувствие и понимание, и это немного утешило ее. Ей не хотелось рассказывать, что она продала мавра, но визит вдовы пришелся как нельзя кстати. Как и накануне, она пригласила соседку войти и присесть рядом с ней у камина.

Флоримон смотрел на них из своей кровати. Гостья понравилась ему, и он, хоть и не сразу, улыбнулся ей.

Сама госпожа Скаррон искренне отвечала ему тем же.

— Не буду скрывать, ваш испуг меня удивил, — призналась Анжелика. — Ведь говорят, что в детстве вы жили на островах и привыкли к внешнему виду и манерам чернокожих. Если судить по тем из них, кто

жил в нашем доме в Тулузе, у них мягкий характер и они благосклонно принимают жизнь, даже если она горька.

— Вы правы. Бог свидетель, никто в этом городе не знает их лучше меня. Когда моя мать поднялась на борт корабля вместе с моим братом, чтобы вернуться во Францию и отыскать моего отца, она оставила меня одну с Мари-Галант, горничной-негритянкой; та взялась приглядывать за мной. Признаюсь, среди черных рабов мне было в тысячу раз лучше и лишь немного менее комфортно, чем среди белых; там я спала спокойно и всегда была в хорошем настроении. Муж Мари-Галант, который служил у господина губернатора, рассказал ему о положении, в котором я оказалась — одна, без родителей, покинутая всеми.

— Сколько лет вам было тогда? — спросила Анжелика.

— Я оставалась с Мари-Галант с девяти до двенадцати лет. Губернатор, которому слуга рассказал обо мне, был страшно зол на мою мать за то, что она бросила меня. Он отправлял курьера за курьером на каждый готовый к отплытию корабль с поручением найти мать и, передав деньги, убедить ее вернуться за дочерью. В конце концов так она и поступила.

— Добрым человеком был этот губернатор, — убежденно произнесла Анжелика.

— Да. Такие люди словно созданы в нашем мире для помощи потерявшимся детям, — прошептала вдова Скаррон почти против собственной воли.

Тревожные воспоминания детства Франсуазы буквально окружили их, как тяжелый осенний туман. Но госпожа Скаррон совладала с собой.

Ей было что рассказать о Мари-Галант, да и вообще детство ее было насыщено самыми разными событиями.

Франсуаза не стала скрывать, что, оказавшись в пятнадцатилетнем возрасте в знаменитом салоне

своего ныне покойного мужа, заинтересовала его именно рассказами об этой стране. Ему взбрело в голову, что влажный и теплый климат островов исцелит его от страшной болезни, все больше уродовавшей и мучавшей его вот уже несколько лет. Он захворал на одном из маскарадов, которые постоянно посещал. Тогда — то ли спасаясь от преследователей, то ли заключив какое-то глупое пари, — он всю ночь напролет просидел почти обнаженный в ледяной реке.

Однако сам он никогда не связывал с этой историей свои лихорадку и ревматизм, мало-помалу одолевший его и скрючивший все его конечности — руки, ноги, пальцы.

В конце концов собеседник, который хотел взглянуть ему в лицо, должен был опуститься на колени перед креслом, к которому оказался прикован Скаррон. Само собой, и речи быть не могло о том, чтобы он когда-нибудь смог разогнуться и вытянуться на кровати.

— Он очень страдал? — спросила Анжелика.

— Ужасно, но переносил мучения без единой жалобы, — ответила молодая вдова.

Ее голос был очень взволнованным. Она что-то шептала, и Анжелика поняла, что она вспоминает стихи, сочиненные самим поэтом, — эпитафию, высеченную на его могиле:

*Тише ступай, прохожий,
Тише, не беспокой
Беднягу поэта Скаррона —
В земле он обрел покой.*

На сердце у Анжелики было тяжело, она не осмеливалась заговорить с Франсуазой о собственных детских воспоминаниях, о Мелюзине. Странно, но в разговоре с несчастной страдающей женщиной она успокоилась и поблагодарила небо за утешение — как

если бы горе Франсуазы стало для нее чудо-микстурой, принесшей облегчение и покой.

Но и вдова Скаррон невольно оживилась, начав рассказывать об изысканном обществе, собиравшемся вокруг поэта и ставшим еще многочисленнее в последние годы его жизни, хотя болезнь и приковала месье Скаррона к креслу; о том превосходном, блестящем обществе, в котором она вращалась восемь лет — осыпанная хвалами гетера, прекрасная душой и телом, с семнадцати до двадцати пяти лет дарившая поэту свою молодость и красоту.

Прилюдно никто не посмел бы сказать, но шепотом обсуждали все, в том числе и Ортанс: блеск салона на Новой улице Людовика Святого, где все вращалось вокруг этой странной пары — немощного поэта и прелестной сироты, на которой он женился, — затмил даже приемы в отеле Рамбуйе.

Все это было совсем недавно, и Анжелика еще прекрасно помнила пышную королевскую свадьбу в Сен-Жан-де-Люзе; так что они с Франсуазой принялись обсуждать общих знакомых. Маркиз д'Армантьер, д'Юмьер, Жарзе, Мере, де Бар, другие... Оказалось, мадам де Навай, в девичестве Сюзанна де Боден, назначенная фрейлиной королевы Марии-Терезии, была крестной матерью Франсуазы и ее кузиной. Она приходилась дочерью мадам де Нейан, сварливой тетушки, взявшей на себя заботу о Жанне де Кардилак, супруге Констане, в редком для нее приступе здравомыслия захотевшей, чтобы дочь Жанны была крещена в католической вере, как и она сама.

— Но мне казалось, что мадам де Навай еще слишком молода, чтобы быть вашей крестной матерью, — заметила Анжелика.

Франсуаза д'Обинье улыбнулась той полуулыбкой, которая означала, что речь пойдет о неприятных воспоминаниях детства.

— Действительно, она была тогда маленькой девочкой, а я — младенцем нескольких месяцев от роду. Но все те добросердечные дамы, что взяли на себя обязанность помогать моей матери в обмен на обещание, что она больше не позволит мужу приблизиться к себе, решили, что она предала их, и не захотели брать на себя перед Богом ответственность за меня. Чуть позже, еще будучи ребенком, я провела несколько лет со своей кузиной-крестной, а ее мать, моя тетка де Нейан, заставляла нас работать в поле и пасти индюшек: она была на редкость скупой. Мы надевали маску и перчатки, чтобы не испортить цвет лица и кожу.

Госпожа Скаррон надеялась, что ее кузина, получившая новое назначение и большое влияние, сможет добиться для нее возобновления пенсии, которую королева-мать выдавала поэту Скаррону. В те годы, когда он оказался один на один со своими бедами, в абсолютной нищете, друзья выхлопотали для него пенсию у королевы Анны Австрийской, ставшей к тому времени регентшей. Он отблагодарил королеву, написав для Бургундского отеля ^[24] комедию «Жодле, или Хозяин-слуга», сделавшую его знаменитым.

Пытаясь объяснить драму своего детства, Франсуаза д'Обинье рассказала, что для ее матери, Жанны де Кардилак, муж, этот ужасный Констан, был всем! Чтобы вновь встретиться с ним, следовать за ним, не терять его более, эта женщина продемонстрировала удивительную смелость и мужество — она бросилась к ногам кардинала Ришельё, умоляя освободить Констана, а потом отправилась в опасное путешествие по Атлантическому океану на его поиски.

Из-за него она решилась на безумное существование: унижение, нищету, постоянную тревогу. Впрочем, вряд ли она замечала свои беды.

Жанна, дочь дворянина, сделавшего военную карьеру, вышла замуж за Констана в семнадцать лет. Ее отец был комендантом крепости Шато Тромпет в Бордо, куда сорокадвухлетний Констан д'Обинье был брошен за долги.

— Да, он, как и его отец и мой дед, Агриппа, был элегантным красавцем, соблазнителем и казался человеком большого ума благодаря прекрасным речам. Можно было понять дочь тюремщика, которая была им очарована настолько, что забыла о нормальной жизни, а дети отошли для нее на второй план.

Жизнь Жанны де Кардилак состояла из переплетения забот о пропитании с паникой и постоянной тревогой за судьбу Констана. Бесконечные просьбы и мольбы вошли у нее в привычку. Именно от этого больше всего страдала ее дочь Франсуаза: вернувшись в Ньор, она была вынуждена или одна, или вместе с матерью смешиваться с толпой просителей, толкавшихся у дверей монастыря в надежде получить миску супа или — но такое было редко — продукты, которые приносили благотворители. Вдобавок ко всему приходилось сносить косые взгляды и пересуды родных, среди которых были и д'Обинье, и родственники-протестанты по линии Виолетты де Мюрсе, достойной дочери великого Агриппы.

Мадам Скаррон умолкла, и Анжелика почувствовала, что та готова — нет, не пожалеть, но удивиться тому, что так долго и непринужденно говорила о вещах, разговаривать о которых, несомненно, всегда избегала.

Анжелика заметила, что постепенно становится похожей на Франсуазу. Ей уже не хотелось ни с кем делиться своей историей, не только из-за врагов, но и из-за того, что эта история никому не была интересна. О

своих воспоминаниях она могла говорить лишь шепотом — ее словно накрыла вуаль молчания, и не было надежных людей, способных выслушать эти воспоминания. Она чувствовала, что с Франсуазой было то же самое. Казалось, ей было не по себе от того, что она нарушила обет молчания, который наложила на себя еще в детстве. Анжелика поняла, как опасны робость и закрытость, доведенные до крайности, ибо они вынудили Франсуазу умолкнуть навсегда и породили сплетни и клевету в ее адрес, превратившиеся со временем в несмываемые пятна на ее репутации.

Анжелика сказала:

— Не жалеете о том, что доверились мне, мадам. Бывают такие случаи, когда более глубокое знание наших друзей помогает нам лучше понять собственное положение и разгадать козни наших врагов. Видите ли, я поселилась в Тампле оттого, что муж мой в Бастилии и поднимается вопрос о процессе по обвинению его в колдовстве...

Анжелика оценила выдержку молодой вдовы — единственной ее реакцией на подобное заявление был лишь легкий кивок головы, означающий интерес и сочувствие. Другие, услышав слово «колдовство», менялись в лице, а некоторые вовсе бледнели.

Но Франсуаза Скаррон сказала только, что сама она или ее горничная Нанон Бальбьен, которую Анжелика, должно быть, уже видела — та время от времени заходила к хозяйке, чтобы сообщить новости о распродаже имущества из дома Скарронов на Новой улице Людовика Святого, — могли бы присмотреть за маленьким Флоримоном, если Анжелике нужно будет отлучиться для беседы с адвокатом или заниматься всем тем, что потребует от нее судебный процесс: всеми необходимыми встречами и тому подобным.

Ее предложение тронуло Анжелику, и она почувствовала облегчение. Она оставляла сына одного,

только когда навещала Раймона в обители иезуитов или же отправлялась на воскресную мессу; по возвращении она чаще всего заставляла его в слезах, вопящим от гнева. Так что она с жаром поблагодарила Франсуазу Скаррон. На этом они расстались, обе обретя душевное равновесие.

Теперь, когда судьба мужа зависела не от нее, Анжелика, как это уже бывало раньше, положилась на волю провидения.

Несмотря на все страхи, беременность развивалась нормально. Ребенок рос, но это не очень сказывалось на ее фигуре. Мамаша Кордо уверяла, что надо ждать девочку, да к тому же еще и притворщицу — раз она ведет себя так, словно ее нет.

Гонтран пришел проведать сестру. Он собирался отправиться в путешествие по Франции и уже купил мула, «хотя и не такого красивого, как наши». Он оставил Анжелике немного денег, которые она взяла, так как опасалась, что не сможет найти необходимую сумму для спасения Жоффрея.

Тайные братства подмастерьев^[25] примут Гонтрана, пока он будет переезжать из города в город. Они стали его новой семьей. Переживал ли он из-за разрыва со своей средой? Похоже, нет. Анжелика спрашивала себя, что же двигало им. И внезапно она прозрела: в нем жила страсть. Разве сама она не предпочла принять всевозможные лишения и удары судьбы, но только чтобы остаться в этом городе как можно ближе к тому месту, где был ее любимый?

И Анжелика понимающим взглядом смотрела вслед удаляющемуся брату. Ей будет не хватать его поддержки.

Однажды утром она возвращалась с Флоримоном после короткой прогулки к огромному донжону. По пути они видели стадо коз, которых пастух из Бельвиля^[26] часто пригонял к Тамплю. Он гнал их к пустырю возле башни и доил, когда появлялись покупатели. По его словам, козье молоко превосходно подходило для кормилиц, а молоко ослиц — для тех, «кто ослаб после разгула и разврата». И, хотя последний случай явно к ней не относился, Анжелика довольно часто покупала у пастуха горшочек с ослиным молоком — красивая, спокойная ослица и осел паслись рядом. Держа за руку семенящего рядом Флоримона, она как раз подходила к дому, когда до нее донеслись крики. Тут она увидела сына хозяйки — тот на бегу прикрывал голову от летящих в него камней, их швыряли догонявшие его мальчишки.

— Кордо-веревка-на-шее^[27]! Иди сюда! Высунь-ка язык! Вережка-на-шее!

Кордо, даже не пытаясь сопротивляться и не отвечая, влетел в дом.

Чуть позже, когда настало время обеда, Анжелика зашла на кухню и увидела, что он спокойно ест свою порцию гороховой похлебки.

Анжелику никогда особенно не интересовал сын мамыши Кордо. Это был крепкий подросток лет пятнадцати, коренастый и молчаливый, чей низкий лоб явно не свидетельствовал о выдающемся интеллекте. Было похоже, что единственным его развлечением были игры с Флоримоном по воскресеньям, состоявшие в том, что подросток исполнял все прихоти младенца.

— Бедный Кордо, что же там случилось? — спросила молодая женщина, садясь перед грубой миской, в которую хозяйка собиралась вывалить горох и китовую ворвань. — Почему ты не проучил хулиганов, которые бросали в тебя камни, — кулаки у тебя вроде что надо?

Подросток пожал плечами, а его мать объяснила:

— Да он привык уже, вот в чем дело! Даже я иногда называю его «Веревка-на-шее», сама этого не замечая. А камни в него летели всегда, с самого детства. Он не обращает внимания. Ведь главное — что? Чтобы он стал мастером! Вот тогда-то его уважают, да и я буду спокойна.

И старуха усмехнулась, став еще больше похожей на ведьму.

Анжелика вспомнила, что госпожа Скаррон с одинаковым отвращением относилась как к сыну, так и к мамаше, и с удивлением поглядела на них.

— Вы что, правда не слышали? — спросила Кордо, ставя котелок на огонь. — Ну ладно, мне скрывать нечего. Парень-то мой работает у мэтра Обена.

И, видя, что Анжелика по-прежнему в недоумении, уточнила:

— Так ведь мэтр Обен — палач!

По шее и спине молодой женщины пробежала холодная дрожь. Она молча принялась за бесхитростный жирный обед. Шел пост, и каждый день на столе появлялось китовое мясо, сваренное с горохом — постная еда бедноты.

— Ну да, ученик палача, — продолжала старуха, возвращаясь на свое место. — И что? Палачи на свете тоже нужны. Мэтр Обен был родным братом моего покойного мужа, а сыновей-то у него нет, только дочери. Так что, когда муж умер, мэтр Обен написал мне — мы тогда жили в маленькой деревеньке, — написал, что взял бы моего сына в ученики, а позже, быть может, оставил бы ему свое дело. И, скажу я вам, приводить в исполнение приговоры в Париже — это кое-что! Эх, хотелось бы мне дожить до того времени, поглядеть, как сынок наденет шаровары да красный колпак...

И она почти с нежностью посмотрела на круглую голову своего кошмарного отпрыска, жадно поглощавшего обед.

«Подумать только, быть может, он этим самым утром накинул петлю на шею осужденного, — с ужасом думала Анжелика, — мальчишки из Тампля его метко прозвали — таким-то делом заниматься!»

Вдова, расценившая ее молчание как благожелательное приглашение продолжить рассказ, затараторила дальше:

— Мой муж тоже был палачом. Но в деревнях это дело другое, ведь смертная казнь приводится в исполнение только в главном городе округа. По правде сказать, не считая случаев, когда он допрашивал воров, муж, скорее, был «живодером» — ну, шкуры со скотины снимал да падаль закапывал...

Радуюсь тому, что ее не перебивают возгласы ужаса, она быстро продолжила:

— Не думайте, что быть палачом просто. Нужно знать много всяких хитростей и приемов, чтобы вырвать признание у некоторых особо терпеливых. И у младшего Веревки-на-шее работы хватает, уж вы мне поверьте! Он научился отрубать голову одним взмахом топора или меча, он знает, как прижигать раскаленным железом, как резать языки, вешать, топить, колесовать, да это еще не все — знает, как четвертовать, как пытать водой, испанским сапогом и дыбой...

В этот день тарелка Анжелики осталась полной, а сама она очень быстро поднялась к себе.

Знал ли Раймон, каким делом занят сынок мамыши Кордо, когда отправил к ним сестру? Конечно же, нет. Анжелике даже на мгновение не пришла в голову мысль, что ее муж, Жоффрей де Пейрак, может попасть в лапы палача — он же дворянин!

Разумеется, есть закон или привилегия, которые запрещают пытать дворян. Нужно поговорить с Дегре...

Палач — это для простолюдинов, это их привязывают к позорному столбу на Рыночной площади, это их, обнаженных, бьют кнутом на перекрестках, это их вешают на Гревской площади на потеху бедноте. Подобная участь не грозит графу де Пейраку, последнему из графов Тулузских ^[28].

С тех пор Анжелика стала куда реже появляться на кухне мамы Кордо.

В такие моменты дружба с Франсуазой Скаррон становилась для нее еще ценнее. Она приглашала молодую вдову посидеть у камина и покупала дрова, хотя денег у нее было мало.

Время от времени к Франсуазе приходили с визитом высокопоставленные господа, куда чаще навещавшие ее в то время, когда сатирик Скаррон был королем в узком кругу интеллектуалов.

Однажды через тонкую перегородку до Анжелики донесся звонкий голос Атенаис де Тонне-Шарант. Она знала, что прелестной уроженке Пуату удалось довольно высоко подняться в парижском высшем обществе, но она пока что не сумела изловить богатого и знатного мужа.

В другой раз к госпоже Скаррон пришла светловолосая жизнерадостная женщина, очень красивая, хотя ей было уже под сорок. Анжелика услышала, как, прощаясь с хозяйкой, она сказала:

— Ну что вы хотите, дорогая, нужно наслаждаться каждым днем жизни. Мне жаль видеть вас в этой холодной комнате, в поношенном платье. Такая нищета непростительна при ваших прекрасных глазах.

Франсуаза что-то тихо отвечала, но Анжелика не разобрала слов.

— Вы правы, — снова слышался веселый, приятный голос, — но только от вас зависит, превратится ли служба, не более унижительная, чем просьба о пенсии, в рабство. Так, нынешний мой содержатель, позволяющий мне жить в роскоши, довольствуется двумя коротенькими свиданиями в месяц. Я сказала ему: «За пятьсот ливров на большее не пойду!» И он согласился, так как знает, что иначе вообще ничего не получит. Он славный малый; единственное его достоинство — он отлично разбирается в мясе, ведь его дед был мясником. Он консультирует меня по этому вопросу, когда я даю приемы. Еще я предупредила его, чтобы он не вздумал ревновать, ведь у меня есть свои маленькие капризы. Красавица моя, я вас шокировала? Вижу это по тому, как вы поджали ваши чудные губки. Послушайте, на свете нет ничего более разнообразного, чем любовные наслаждения, хотя они-то как раз и не меняются.

Увидевшись с подругой на следующий день, Анжелика не удержалась и спросила, кем была та гостья.

— Не подумайте, что я нахожу удовольствие, принимая у себя женщину такого сорта, — немного смущенно ответила Франсуаза. — Но вы должны знать, что Нинон де Ланкло — самая очаровательная и остроумная из всех моих подруг. Она так помогла и столько сделала, пытаясь составить мне протекцию. Однако иногда я спрашиваю себя, не приносят ли ее рекомендации больше вреда, чем пользы.

— Мне хотелось бы познакомиться с ней и побеседовать, — произнесла Анжелика. — Нинон де Ланкло... — повторила она задумчиво. — Когда я узнала,

что поеду в Париж, я мечтала попасть в салон Нинон де Ланкло!

— Провалиться мне на этом месте, если я лгу! — вскричала молодая вдова, в глазах которой загорелось воодушевление. — Нет в Париже дома, где чувствуешь себя более непринужденно, чем у нее. Божественная атмосфера, исключительная благопристойность, и при этом — ни тени скуки. Ее салон — вот это настоящие тенеты дьявола: никто ни за что не догадается, что заправляет там женщина в высшей степени безнравственная. Знаете ли, как говорят о ней? «Нинон де Ланкло переспала со двором Людовика XIII и готова переспать со двором Людовика XIV». Это меня не удивляет — кажется, она вечно останется молодой.

В тот же день Анжелика отправилась в приемную иезуитов. Оказавшись здесь второй раз в жизни, она надеялась, как было условлено, встретиться с братом и с Дегре — тем более что адвоката она не видела уже давно.

Но там оказался только маленький пожилой человечек в черной одежде и в парике клерка, сделанном из конского волоса с пришитой к ним черной кожаной шапочкой.

Он поднялся и неловко, на старинный манер, поклонился, после чего представился как секретарь суда, ныне нанятый мэтром Дегре для обработки документов по делу мессира де Пейрака.

— Я занимаюсь им только три дня, но я давно знаю мэтра Дегре и мэтра Фалло, которые и посвятили меня в это дело. Они же, кстати, и поручили мне делопроизводство, а также подготовку документов для вашего процесса.

Анжелика с облегчением вздохнула.

— Ну, наконец-то началось! — воскликнула она.

Человечек возмущенно посмотрел на клиентку, которая, очевидно, совершенно не разбиралась в судопроизводстве.

— Мэтр Дегре оказал мне честь просьбой присутствовать на процессе потому, что этот молодой человек прекрасно отдает себе отчет в том, что, несмотря на все впечатляющие грамоты, полученные им благодаря исключительному уму, ему требуется тот, кто знает судебный процесс как свои пять пальцев. И такой человек перед вами, мадам.

Он закрыл глаза, сглотнул и принялся следить за пляшущими в лучике света пылинками. Анжелика была немного разочарована.

— Но вы же сказали, что процесс уже заявлен?

— Спокойнее, мадам. Я сказал вам только, что я работаю над подготовкой вышеназванного процесса, а на это... может уйти лет двадцать.

Его прервал приход адвоката и иезуита.

— Что это за гусь, кого вы притащили? — шепнула Анжелика Дегре.

— Не бойтесь, он не опасен. Это вовсе не гусь, а маленький жук, который проводит жизнь среди кипы бумаг, но в своей профессии он — бог.

— Он собирается гноить моего мужа в тюрьме еще двадцать лет!

— Месье Клопо, ваш слишком длинный язык выводит из себя мадам де Пейрак, — сказал адвокат.

Человечек еще больше съежился и отполз в угол, став и в самом деле похожим на маленького жука.

Анжелика едва не расхохоталась.

— Надо сказать, вы слишком жестоки к богу бюрократического мира.

— Он боится меня — и это единственное мое преимущество, ведь он раз в сто богаче меня. А теперь садитесь, нужно обсудить наше положение.

— Так процесс — дело решенное?

— Да.

Молодая женщина заметила несколько настороженное выражение на лицах адвоката и брата.

— Присутствие месье Клопо должно было убедить тебя в том, — сказал после неловкой паузы Раймон, — что нам не удалось добиться рассмотрения дела твоего мужа в церковном суде.

— Но почему? Ведь ему предъявлено обвинение в колдовстве!

— Мы привели все аргументы, мы использовали все связи, можешь мне поверить. Но складывается впечатление, что король желает показать себя более ревностным католиком, чем сам Папа. В самом деле, чем ближе Мазарини к могиле, тем более явным становится желание молодого монарха прибрать к рукам все дела королевства — в том числе и религиозные.

Не оттого ли епископов теперь назначают по выбору короля, а не церковных властей или по решению Папы, как установлено традицией? После всех предпринятых усилий единственное, чего мы смогли добиться, — это светский суд.

— Все же такой поворот дела лучше, чем забвение, не так ли? — Анжелика обратила на Дегре взгляд, полный надежды.

Но тот был бесстрастен, словно изваяние.

— Всегда лучше знать о своей судьбе, чем долгие годы терзаться сомнениями, — ответил тот наконец.

— Не стоит бесплодно сожалеть о постигшей нас неудаче, — вновь вступил в разговор Раймон, — сейчас речь идет о том, как повлиять на ход процесса. Король лично назначит судей. Наша задача — внушить ему, что королевское решение должно быть непредвзятым и справедливым. Однако взывать к совести короля — весьма деликатная задача!

Слова брата напомнили Анжелике фразу, когда-то произнесенную маркизом дю Плесси-Бельером о господине Венсане де Поле: «Он — совесть королевства».

— Ах! — воскликнула она. — Отчего же мы раньше не подумали? Если бы господин Венсан мог поговорить о Жоффрее с королевой и королем, я уверена, он бы повлиял на них.

— Увы! Месье Венсан скончался в своем доме в Сен-Лазаре^[29] месяц назад.

— Боже мой! — выдохнула Анжелика, и глаза ее наполнились слезами разочарования. — Ах! Почему же мы не вспомнили о нем, пока он был еще жив! Он сумел бы поговорить с ними. Он добился бы церковного суда...

— А ты думаешь, мы не сделали все возможное, чтобы добиться его? — с сарказмом спросил иезуит.

Глаза Анжелики блеснули.

— Разумеется, — прошептала она, — но господин Венсан был святым.

Наступило молчание, отец де Сансе вздохнул.

— Ты права. Только святой способен умерить гордыню короля. Даже самые приближенные к нему люди еще плохо знают душу этого молодого человека, под чьей сдержанностью таится пожирающая его жажда власти и могущества. Не сомневаюсь, он станет великим королем, но...

И он замолчал, возможно, осуждая себя за то, что решился на столь опасный комментарий.

— Нам известно, — продолжил он, — что некоторые из ученых, живущих в Риме, — двое из них являются членами нашего ордена — обеспокоены арестом графа де Пейрака и выражают свой протест по этому поводу. Разумеется, тайно, ведь и дело до сего дня было секретным. Можно было бы попытаться собрать их свидетельства и попросить Папу написать письмо

королю и тем самым вмешаться в процесс. Король, вероятно, прислушался бы к августейшему призыву об ответственности за принимаемое решение и был бы принужден тщательнее изучить дело — раз уж лучшие умы признают арестованного невиновным в грехе колдовства.

— Полагаешь, можно получить такое письмо? — с сомнением спросила Анжелика. — Церковь не любит ученых.

— Думается мне, что женщине с таким образом жизни, какой ведешь ты, не дано судить об ошибках и недостатках Церкви, — мягко отвечал Раймон.

Анжелику не обманула мягкость его тона. Она смолчала.

— Похоже, что-то у нас с Раймоном сегодня не ладится, — сказала она немного позже, когда провожала адвоката до гончарной мастерской. — Почему он так желчно отозвался о моем поведении? Помоему, я веду жизнь, по меньшей мере, столь же добродетельную, что и старуха, у которой я живу.

Дегре усмехнулся.

— Думаю, ваш брат уже успел ознакомиться с кое-какими листками, которые с сегодняшнего утра гуляют по Парижу. До Клода Ле Пти^[30], возмутителя спокойствия знатных господ, знаменитого поэта с Нового моста, который уже лет шесть, как портит аппетит вельможам, дошли слухи о вашем муже, так что он воспользовался случаем и пустил в ход свое едкое перо.

— Что же он написал? Вы читали его памфлет?

Адвокат сделал знак приблизиться шедшему позади них месье Клопо и взял у него сумку. Он достал оттуда

стопку грубо отпечатанных листков.

Это были коротенькие рифмованные песенки. Писака, охваченный вдохновением, которое, казалось, било фонтаном, но умышленно выражалось лишь в самых низких оскорблениях и самых вульгарных выражениях, описывал Жоффрея де Пейрака как «Косматого, хромого, великого лангедокского рогоносца»...

Он наслаждался, издеваясь над физическим обликом обвиняемого. А кончался памфлет следующим куплетом:

*А мадам де Пейрак, красавица,
Надеясь, что камера заперта глухо
И что муж в Бастилии останется,
Стала враз луврской потаскухой.*

Анжелика думала, что покраснеет, но она, напротив, побледнела как полотно.

— Чертов Грязный Поэт! — вскричала она, швырнув листки на землю. — Да сама грязь чище его!

— Тс-с! Мадам, не надо сквернословить, — разыгрывая возмущение, остановил ее Дегре, между тем как клерк перекрестился. — Месье Клопо, будьте так любезны, подберите этот мусор и положите его обратно в сумку.

— Хотелось бы мне знать, отчего это в тюрьму бросают честных людей, а не этих проклятых писак, — проговорила Анжелика, которую трясло от злости. — Я слышала, их сажают в Бастилию, будто они достойны уважения. Почему не в Шатле, вместе с такими же бандитами, как они сами?

— Не так-то просто арестовать писаку. Скользкий народ. Они везде и нигде. Клода Ле Пти раз десять готовы были вздернуть на виселице, и всякий раз ему удавалось избежать смерти и улизнуть в тот момент,

когда этого ждали меньше всего, чтобы через какое-то время объявиться вновь и опять пускать свои едкие стрелы. Он — око Парижа. Он все видит, все знает, но его не видел никто. Сам я ни разу не встречал его, но, сдается мне, уши у него не меньше тазиков для бритья, раз в них умещаются все парижские сплетни. Лучше бы ему платили как шпиону, вместо того чтобы преследовать.

— Повесили бы его, и делу конец!

— Надо сказать, что наша любезная и не слишком расторопная полиция причисляет писак к неблагонадежным горожанам. Но им никогда не поймать малыша-поэта^[31] с Нового моста, если не вмешаемся мы — я и моя собака.

— Так вмешайтесь же, умоляю вас! — Анжелика обеими руками вцепилась в манишку Дегре из грубого полотна. — Пусть Сорбонна притащит мне его, живого или мертвого!

— Тогда я лучше передам его в руки монсеньора Мазарини, ибо, поверьте, именно кардинал — его злейший враг.

— Почему так долго терпят выходки этого лгуна?

— Увы! Грозное оружие Клода Ле Пти — его исключительная правдивость, он редко ошибается.

Анжелика собралась было возразить, но воспоминание о маркизе де Варде заставило ее сдержаться, и она молчала, задыхаясь от ярости и стыда.

Глава 10

Незаметно подкрался декабрь. Сначала — ледяные туманы, четыре недели ежевечерних молитв и служб в соседней церкви... А потом — Рождество.

Анжелика с испугом призналась себе, что год почти уже подошел к концу, а судьба Жоффрея де Пейрака все еще не решена. В Иль-де-Франсе смена времен года ощущалась острее, чем на юге страны, где солнце было постоянным спутником жителей. Здесь Рождество было мистерией света, пробивавшегося сквозь мглу дней и холод. А тот, кто не мог согреться теплотой Рождества в кругу семьи, еще острее ощущал свое одиночество.

За две недели до Рождества начал кружиться снег. Город принарядился к празднику. В церквях поставили рождественский вертеп, где, как положено, младенец Иисус лежал между коровой и ослом, и они согревали его своим дыханием.

По грязным от зимней слякоти улицам с песнопениями тянулись процессии несущих хоругви монахов, принадлежащих к разным орденам.

Августинцы из Отель-Дьё, верные своей рождественской традиции, принялись выпекать оладьи, поливали их лимонным соком, и дети, наполнив ими тазы, продавали их по всему Парижу. Оладьи августинцев было разрешено есть во время поста. Вырученные деньги шли на рождественские подарки неимущим больным.

Как раз в это время жизнь Анжелики неожиданно наполнилась бурными событиями. Затянутая в водоворот ужасного процесса, она едва замечала, что наступили благословенные часы Рождества и первые дни нового года.

Началось все с того, что однажды утром Дегре появился в Тампле, чтобы сообщить сведения о назначении судей, которые ему удалось раздобыть.

— Прежде чем определиться с выбором, каждую кандидатуру пристально рассматривали. Не нужно строить иллюзий: выбирали не тех, кто служит букве закона, а тех, кто лично предан королю. Кроме того, старательно были отведены те судьи, которые хотя и верны монарху, но имеют репутацию людей мужественных и в принципиальных случаях могут не поддаваться давлению со стороны короля. Среди них — прежде всего один из самых знаменитых на сегодняшний день адвокатов мэтр Галлеман, положение которого весьма прочно, потому что во времена Фронды он открыто встал на сторону королевской власти, хотя вполне мог угодить за это в тюрьму. Но он из тех людей, которые не боятся никого, и его неожиданные выпады не раз заставляли содрогнуться Дворец правосудия. Я очень надеялся, что его включат в число судей, но, увы, выбраны только те, в ком абсолютно уверены.

— После всего, что я узнала за последнее время, иного не следовало ожидать, — мужественно сказала Анжелика. — Удалось ли вам выяснить имена кого-нибудь из уже назначенных судей?

— Прежде всего канцлер Сегье, он лично будет вести допрос для проформы и для того, чтобы придать процессу побольше огласки.

— Канцлер Сегье! Я даже не смела мечтать об этом!

— Не стоит тешить себя пустыми надеждами, — отвечал адвокат. — Канцлер Сегье расплачивается за свою престижную должность утратой независимости. Я также слышал, будто бы он навещал заключенного и встреча была бурной. Граф отказался приносить присягу на том основании, что специальный суд не правомочен судить члена парламента одной из

провинций, и только верховная палата парижского парламента имеет такое право.

— Но не вы ли утверждали, что парламентский суд нежелателен по той причине, что его магистраты находятся на коротком поводке месье Фуке?

— Совершенно верно, мадам, и я пытался убедить в этом вашего супруга. Не знаю, то ли моя записка не была им получена, или же гордость помешала ему принять совет, но я сообщаю вам, каков был его ответ канцлеру.

— Что же теперь будет? — с тревогой спросила молодая женщина.

— Полагаю, король в свойственной ему манере пренебрежет законом и вашего мужа все равно будет судить королевский суд, а если потребуется — «как немого».

— Как это понимать?

Адвокат разъяснил, что так поступают, если обвиняемого судят как отсутствующего во время процесса, «из-за неявки в суд», и это ухудшит дело, потому что во Франции подсудимый априори рассматривается как виновный, тогда как, например, в Англии, прокурор обязан в письменном виде привести доказательства вины подсудимого, в противном случае тот должен быть освобожден в течение двадцати четырех часов.

— Известно ли имя прокурора?

— Их двое. Один — главный королевский прокурор Дени Талон. А другой, как я предвидел, ваш зять Фалло де Сансе. Правда, сославшись на родственные узы, он сначала сделал вид, будто отказывается от назначения, но его уговорили — либо Талон, либо кто-то еще, во всяком случае, теперь в кулуарах Дворца правосудия говорят, что он поступил весьма предусмотрительно, пожертвовав своим семейным долгом ради верности королю, которому обязан всем.

Анжелика смолчала, хотя ее лицо исказилось гримасой ярости. Но она пересилила себя и попросила адвоката продолжить рассказ.

— Назначен также Массно, член тулузского парламента.

— Конечно, и он позаботится о том, чтобы выполнить любой приказ короля, а заодно и отомстить дерзкому дворянину...

— Не знаю, мадам, быть может, вы и правы, тем более что король лично его назначил. Мне рассказывали, недавно у него состоялась беседа с Великой Мадемуазель насчет вашего мужа, из которой следовало, что он отнюдь не держит зла на мессира де Пейрака и будто бы очень сожалеет о своем назначении.

Анжелика вдруг вспомнила.

— В самом деле, герцогиня де Монпансье говорила мне что-то в этом духе. Но по зрелому размышлению, такое благосклонное отношение кажется мне маловероятным, потому что — увы! — я сама слышала, как Массно оскорблял моего мужа, а он отвечал ему тем же.

— Вне всякого сомнения, именно поэтому король его и назначил. Кроме Массно, он лично назначил королевского прокурора Талона. Остальных выбирали Сегье или сам Талон.

— А кто еще будет?

— Будет председатель суда. Мне называли Месмона, но это, по-моему, маловероятно. Он совсем старик, уже одной ногой в могиле. Сомневаюсь, что он благополучно справится с председательством на процессе, который обещает быть очень бурным. Не исключено, что его и выбрали именно потому, что он так немощен. У него репутация человека честного и порядочного. Если Месмон найдет в себе силы, чтобы вести процесс, то он

будет одним из тех, у кого мы можем надеяться получить поддержку.

После некоторой паузы Дегре продолжил:

— Будет еще Бурье, секретарь Королевского совета: среди судейских у него репутация фальсификатора, и некий Дельма — личность довольно темная. Надо полагать, его назначили потому, что он приходится дядей Кольберу^[32], которому покровительствует Мазарини. Хотя может быть, его выбрали как гугенота, ведь король хочет придать своему правосудию видимость объективности, продемонстрировать, что во Франции светское правосудие вершат и представители протестантской религии...

— Думаю, — ответила Анжелика, — этот протестант сильно удивится, когда узнает, что ему придется выступать судьей на процессе о колдовстве, разбирать обвинения в сговоре с дьяволом и в одержимости бесом. Но скорее всего, нам пойдет на пользу, если хоть один из судей окажется человеком здравомыслящим, свободным от предрассудков?

— Несомненно, — отозвался адвокат, с озабоченным видом кивая головой. — Да, вот еще по поводу экзорцизма и одержимости бесом. Скажите, известен ли вам монах по имени Конан Беше и монахиня, которая до пострига звалась Карменситой де Мерекур?

— Еще бы мне их не знать! — воскликнула Анжелика. — Монах Беше — полусумасшедший алхимик, который поклялся вырвать у моего мужа секрет философского камня. А Карменсита де Мерекур — не женщина, а вулкан. Она... бывшая любовница Жоффрея, которая не простила ему разрыва. Но какое отношение они имеют к процессу?

— По некоторым сведениям, под руководством Беше над подсудимым будто бы была проведена процедура изгнания беса и в ней принимала участие эта дама. Все

очень запутанно. Протокол процедуры только недавно приобщен к делу, и складывается впечатление, что ему придается чрезвычайно важное значение.

— Вы его не читали?

Я не читал ни одного документа из огромного досье, которое рьяно составляет советник Бурье. Думаю, он не остановится перед возможностью использовать свои способности по фальсификации бумаг.

— Но в конце концов, процесс вот-вот начнется, и вы, как адвокат обвиняемого, имеете право знать детали всех обвинительных заключений, не так ли?

— Увы, нет. И мне уже раз десять заявляли, что вашему мужу будет отказано в адвокатской защите. Так что пока я занят в основном тем, что добиваюсь получения этого отказа в письменной форме.

— Но это просто бред какой-то!

— Отнюдь нет! В соответствии с буквой закона, отказать в услугах адвоката можно только подсудимому, который обвиняется в преступлении против Его Величества. Поскольку в нашем деле такое обвинение предъявить трудно, то, если я добьюсь письменного отказа в предоставлении адвоката, я тем самым получу доказательство нарушения судебной процедуры, и это сразу укрепит мои позиции. В конечном счете, таким довольно сложным маневром я имею шанс добиться, чтобы меня назначили адвокатом.

Когда на следующее утро Дегре вернулся, у него на лице впервые было написано удовлетворение, и у Анжелики радостно забило сердце.

— Я выиграл! — с ликованием воскликнул он. — Канцлер Сегье только что назначил меня защитником господина Пейрака, обвиняемого в колдовстве. Победа одержана благодаря тому, что я разбираюсь в судебной

казуистике. Эти высокопоставленные лакеи из судебного ведомства, при всем их раболепном стремлении к слепому исполнению указаний свыше, все же осознали, что нельзя грубо попирать собственные принципы. Короче говоря, они были вынуждены предоставить подсудимому право на адвокатскую защиту. Но считаю своим долгом предупредить вас, мадам, что, пока еще не поздно, вы можете передать дело вашего мужа более известному адвокату, чем я.

Взволнованная Анжелика медлила с ответом. Она подошла к окну и выглянула на улицу.

Площадь была почти безлюдна и словно дремала под покровом снега. Одна лишь госпожа Скаррон, кутаясь в свою поношенную накидку, спешила на мессу в часовню великого приора. Под серым небом глухо звонил маленький колокол.

У порога клубком свернулась Сорбонна, в ожидании хозяина лениво поигрывая с собственным хвостом.

Анжелика искоса взглянула на адвоката, который напустил на себя солидный, чопорный вид.

— Нет, по чести сказать, я не знаю более опытного адвоката, которому бы могла доверить ведение такого жизненно важного для меня дела, — сказала она. — Вы соответствуете всем необходимым требованиям. Фалло, мой зять, был прав, когда рекомендовал вас, сказав при этом: «Во-первых, он очень знающий и толковый адвокат, а во-вторых, он недорого берет за услуги, что немаловажно».

— Благодарю за лестный отзыв обо мне, мадам, — отвечал Дегре, нисколько не задетый за живое последними ее словами.

Молодая женщина машинально чертила пальцем узор на запотевшем оконном стекле. «Когда мы с Жоффреем вернемся в Тулузу, — подумалось ей, — вспомню ли я адвоката Дегре? Может, когда-нибудь

вспомню, как он водил меня в парильню, и это покажется мне невероятным!..»

Внезапно ее лицо преобразилось, она обернулась к адвокату:

— Если я правильно вас поняла, теперь вы сможете ежедневно видеться с моим мужем. Не проведете ли вы к нему меня?

Но Дегре отговорил ее от попыток нарушить строгие правила изоляции, в которых содержится заключенный. Он не был уверен, что даже ему разрешат свидание со своим подзащитным, но он-то, во всяком случае, намерен побороться за это право, прибегнув к поддержке адвокатской корпорации, насчитывающей в общей сложности шестьдесят пять членов, не считая парламентских адвокатов, членов Королевского совета, судебных палат и высшего податного суда — весьма скромной организации, в которой состоит он сам. Дегре объяснил, что благодаря последнему обстоятельству у него, пожалуй, больше шансов на успех, чем у адвоката с именем, которого влиятельные лица королевства могут опасаться. Сейчас настал момент действовать очень быстро, потому что право на защиту графа де Пейрака удалось отвоевать, перехитрив королевскую юстицию, и не исключено, что досье с обвинительными заключениями ему передадут лишь перед самым процессом, причем, вероятно, не целиком.

— Мне известно, что во время подобных процессов документы зачастую составляются на разрозненных листах бумаги, и при этом канцлер, кардинал Мазарини или сам король в любой момент могут затребовать их для ознакомления, даже изъять или добавить новые. Конечно, такое допускается лишь в порядке исключения, но, учитывая необычный характер дела...

Несмотря на малоутешительные последние слова адвоката, в тот вечер, варя Флоримону кашу, Анжелика тихо напевала и даже нашла вполне удобоваримым

неизменное китовое мясо, которое подавала мамаша Кордо. В тот день в Тампль пришли дети из Отель-Дьё. Она купила у них несколько превосходных оладий, и после сытного ужина будущее представилось ей в почти радужном свете.

Ее оптимизм был вознагражден. На следующий вечер Дегре принес две потрясающие новости: ему выдали для ознакомления часть обвинительных документов и он получил разрешение на свидание с заключенным.

Услышав известие, Анжелика бросилась на шею Дегре, обняла его и пылко расцеловала. Но, почувствовав на мгновение его крепкое объятие, она тотчас же в смущении отпрянула и, вытирая выступившие на глазах слезы, пробормотала, что от радости совсем потеряла голову.

Дегре деликатно сделал вид, будто ничего особенного не произошло.

Он сообщил, что свидание с заключенным в Бастилии назначено на полдень следующего дня. Пока они увидятся только в присутствии коменданта крепости, но он надеется, что впоследствии ему удастся побеседовать с графом де Пейраком без посторонних.

— Я пойду с вами, — решительно заявила Анжелика.
— Буду ждать около крепости. Я знаю, что все равно не смогу спокойно сидеть здесь взаперти.

Затем адвокат рассказал об обвинительных актах, с которыми он имел возможность ознакомиться. Из потертой бархатной сумки Дегре извлек несколько листков, на которые он выписал главные пункты обвинения.

— Основное обвинение — колдовство и черная магия. Якобы граф занимался приготовлением ядов и одурманивающих зелий. Уличен в таких колдовских занятиях, как предсказание будущего и снятие сглаза, знает о способах защиты от яда. С помощью колдовства

овладел искусством зачаровывать людей, слывающих вполне здравомыслящими, и насылать на них «дьявольскую и нелепую одержимость», а на кого-то наслал «призыв дьявольский и нелепый», иными словами, навел порчу... Изучил также действие порошков и растений, чтобы влюблять в себя женщин, и все в том же духе. Обвинение утверждает, что одна из его... бывших любовниц скончалась, а после эксгумации трупа во рту у покойницы был обнаружен талисман с портретом графа де Пейрака...

— Какое-то собрание абсурда! — в изумлении воскликнула Анжелика. — Вы же не станете уверять, что почтенные судьи будут обсуждать все это во время процесса?

— По всей вероятности, так оно и будет, а что до меня, то я скорее доволен: чем больше белиберды будет в обвинительном акте, тем легче его опровергнуть. Дальнейшие обвинения касаются преступных занятий алхимией, поиска сокровищ, превращения металлов в золото и — не упадите в обморок! — «еретические притязания на сотворение жизни». Мадам, не объясните ли вы мне, что бы это могло означать?

Анжелика растерянно помолчала, а затем положила руку на живот, где шевелился ее второй ребенок.

— Думаете, они на это намекают? — со смехом спросила она.

Адвокат пожал плечами, выражая свои сомнения и, вместе с тем, недоумение. Он принялся зачитывать дальше:

«...Посредством колдовства увеличил свое состояние, не гнушаясь также превращением простых металлов в золото, и тому подобным...» А здесь, в конце, вот что: «Требовал предоставления прав, ему не подобающих. Открыто похвалялся независимостью от короля и принцев. Принимал в своем доме подозритель-

ных еретиков-иностранцев, читал запрещенные иностранные книги». Далее, — с некоторым колебанием продолжал Дегре, — перехожу к документу, который кажется мне самым странным и беспокоит меня больше всего. Речь об акте, который был составлен после проведенной тремя духовными лицами процедуры изгнания беса из вашего мужа. Они утверждают, что граф неопровержимо уличен в одержимости и сговоре с дьяволом.

— Но это невозможно! — воскликнула Анжелика, чувствуя, как холодный пот выступает у нее на висках. — Кто эти духовные лица?

— Один из них — монах Беше, о котором мы с вами говорили накануне. Не знаю, удалось ли ему проникнуть в Бастилию в качестве представителя консисторского суда или каким-то иным образом, но доподлинно известно, что обряд изгнания беса был произведен и свидетели показали, что все реакции графа несомненно доказывают его связи с Сатаной.

— Это невозможно! — повторила Анжелика. — Но вы-то, по крайней мере, не верите?

— Мадам, я — вольнодумец. Я не верю ни в Бога, ни в дьявола.

— Замолчите! — перекрестившись, быстро проговорила Анжелика.

Она подхватила на руки Флоримона и прижала его к себе.

— Ангел мой, ты слышишь, что он такое говорит? — прошептала она. — Все просто сошли с ума.

После недолгого молчания Дегре подошел к Анжелике и продолжил разговор:

— Успокойтесь, тут, бесспорно, кроется нечто подозрительное, и очень важно вовремя обнаружить, что именно. Но вновь повторяю, этот документ вызывает у меня сильное беспокойство, потому что именно он может произвести на судей решающее впечатление.

Изгнание беса было проведено в соответствии с процедурой, утвержденной римским консисторским судом. Реакции полностью изобличают обвиняемого. Я отметил, в частности, реакцию на дьявольскую скверну, а также способность напускать порчу на людей...

— Объясните мне, что это значит?

— По поводу дьявольской скверны свидетели указали, что обвиняемый реагировал на прикосновение к отдельным точкам на его теле серебряного штифта, из которого предварительно изгнали злых духов. В течение процедуры он то и дело страшно кричал. «Воистину адские крики», хотя обычное легкое прикосновение этим безобидным инструментом не вызывает у человека никаких болевых ощущений. Для проверки способности напускать порчу в камеру заключенного привели некую особу, которая проявила все до единого признаки одержимости.

— Если это была Карменсита, я более чем уверена, что роль одержимой она сыграла с блеском, — саркастически произнесла Анжелика.

— Вероятно, речь идет именно об этой монахине, хотя в документе ее имя не упоминается. В любом случае, я повторяю, здесь что-то не так, где-то прячется ложь. Но, поскольку легко предвидеть, что во время суда на этот документ к месту и не к месту будут ссылаться, я должен найти способ во что бы то ни стало опровергнуть его. Увы, пока я не вижу повода потребовать, чтобы этот документ был изъят как незаконный.

— Может быть, муж объяснит вам, в чем тут дело.

— Будем надеяться, — вздохнул Дегре.

Глава 11

В своем девственном белоснежном уборе огромная Бастилия выглядела еще более зловещей и мрачной, чем обычно. От плоских крыш башен к низкому, нависшему небу поднимались серые струйки дыма. Видимо, топили у коменданта и в караульных помещениях, и Анжелика представила себе, как в студеных одиночках «забытые» заключенные лежат, съезжившись от холода, на сырых соломенных тюфяках.

Дегре оставил Анжелику ждать своего возвращения в маленькой таверне Сент-Антуанского предместья, хозяин которой, а в особенности его дочь, казалось, были старыми друзьями адвоката.

Устроившись у окна, Анжелика со своего наблюдательного поста могла, оставаясь незамеченной, обозревать все происходящее на улице. Ей было прекрасно видно, как стражники ближайшего бастиона, стоящие на карауле у пушек, согревают дыханием ладони и притоптывают от холода. Время от времени кто-нибудь из товарищей окликал их сверху, с зубца стены, и в морозном воздухе звонко раздавались голоса.

Дегре привел ее в один из тех уголков Парижа, с которыми его прочно связывали воспоминания детства, студенческой юности или куда его приводили обычные профессиональные заботы. Отсюда было недалеко до центра города, все еще охваченного шумным оживлением, которое не стихало и несколько часов после заката: в зимнюю пору короткого дня, что ни говори, мало кому из парижан с заходом солнца хотелось отправляться в постель.

Можно было пойти в театры или посидеть в тавернах, развлечься в кругу друзей или что-то купить у

припозднившихся уличных торговцев с их разнообразным товаром. А уже через несколько часов и в Париже наступит полная опасностей ночь, время бандитов и бродяг.

Таверна находилась на улице Контрэскарп^[33], проложенной вдоль крепостного рва, окружавшего Бастилию. Несмотря на мороз, от воды поднимался затхлый запах. Всадники и торговцы, въезжавшие в город через ворота Сент-Антуан, останавливались, чтобы заплатить пошлину. В течение какого-то времени внимание Анжелики занимал табор цыган — их еще называли египтянами. Женщины ехали верхом на тощих клячах, прижимая к себе детей с темными, дикими глазами. Надменные мужчины из табора, вооруженные рапирами и щеголявшие в шляпах с перьями, долго препирались со сборщиком въездной пошлины. В конце концов, несколько цыган принялись плясать перед ним со своими обезьянками, а пока тот отвлекся, весь табор проскользнул мимо и с победой очутился в столице.

Сразу вслед за цыганами появились скороходы и карета, пассажиров которой Анжелика узнала в лицо: госпожа Фуке и ее дочь. Она вспомнила, что суперинтендант жил поблизости и устраивал блестящие приемы.

«Я хочу, — подумала Анжелика, — хочу всем сердцем, чтобы он получил по заслугам за свои злодеяния». Да он уже и поселился неподалеку от Бастилии.

Наконец, Анжелика увидела Дегре, который преодолел подъемный мост и теперь направлялся к таверне. Неведомо откуда у нее возникло дурное предчувствие, от которого тревожно забилося сердце.

Походка и выражение лица адвоката показались молодой женщине странными. Он выдавил из себя жалкое подобие улыбки, а затем заговорил с Анжеликой, но как-то чересчур быстро и тоном, который показался ей нарочито оживленным. Сообщил, что ему без особого труда удалось повидаться с мессиром де Пейраком и комендант крепости даже оставил их на несколько минут наедине. Граф дал свое согласие на то, чтобы Дегре был его защитником в суде.

Сначала де Пейрак отказывался от адвокатской защиты, утверждая, что, взяв адвоката, он тем самым как бы признал юрисдикцию королевского суда, а не суда парламентского, как он того требовал. Он хотел защищаться сам, но после короткой беседы с Дегре принял его помощь.

— Поразительно, что мой муж, с его недоверием, так легко уступил, — изумилась Анжелика. — Я-то ожидала, что вам придется выдержать настоящую битву. Знаете, когда он хочет настоять на своем, то всегда найдет блестящие логические аргументы!

Адвокат поморщился, словно от головной боли, и попросил у дочери хозяина пинту пива. Наконец, он произнес:

— Ваш муж уступил, как только увидел ваш почерк.

— Он читал письмо? Он обрадовался тому, что я написала?

— Я ему прочитал.

— Почему? Он...

Она осеклась и одними губами, почти беззвучно, прошептала:

— Вы хотите сказать, он не в состоянии прочитать письмо самостоятельно? Он болен? Говорите! Я имею право знать.

Не сознавая, что она делает, Анжелика схватила молодого человека за руку и впиалась в нее ногтями.

Он подождал, пока дочь хозяина, которая принесла ему пива, отойдет подальше.

— Мужайтесь, — произнес он с искренним сочувствием, — да, лучше, чтобы вы все знали. Комендант не стал скрывать от меня, что графа де Пейрака во время допроса подвергли пытке.

Анжелика побелела как полотно.

— Что они с ним сделали? Совсем искалечили его?

— Нет. Но пытка испанским сапогом и дыба сильно ослабили его, и пока он не встает. Но это еще не самое страшное. Воспользовавшись отсутствием коменданта, он рассказал мне о проведенной над ним процедуре экзорцизма, которую исполнял монах Беше. По словам графа, монах использовал не штифт, а длинную иглу. Когда он глубоко вонзал ее в тело, граф от боли не мог сдержать крика, что было неверно истолковано свидетелями. Что касается одержимой монахини, граф ее даже не узнал, потому что находился в полубессознательном состоянии.

— Он страдает? Он впал в отчаяние?

— Нет, он держится очень мужественно даже после того, как его тело истерзано пытками и ему пришлось выдержать около тридцати допросов.

После некоторого колебания Дегре добавил:

— Сказать откровенно? В первый момент, увидев его, я был просто потрясен. Я не мог вообразить вас женой этого человека. Но стоило мне перемолвиться с ним парой фраз и встретить взгляд его горящих глаз, как я почувствовал... Обаяние, которое от него исходит... И я понял истинную и тайную причину, по которой его бросили в тюрьму.

Дегре понизил голос, словно не решаясь поделиться своим открытием.

«...Его многочисленные таланты, даже больше, само его существование кажется слишком опасным... Вот почему кое-кто хочет, чтобы он исчез...И...вы тоже...».

— О! Жоффрей... моя любовь, — прошептала Анжелика, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Теперь появилась хоть какая-то ясность, — произнес преподобный отец де Сансе, выслушав рассказ адвоката о том, что ему удалось узнать за последнее время. — Вы полагаете, мэтр Дегре, что прокурор ограничится обвинением в колдовстве, основывая его на протоколе, составленном монахом Беше?

— Я в этом уверен, потому что попытки обвинить графа в измене королю признаны необоснованными. За неимением лучшего вернулись к первоначальному обвинению: граф — колдун, судить которого намерен светский суд.

— Отлично. Итак, во-первых, необходимо убедить судей в том, что те работы на рудниках, которые производил мой зять, не являются колдовством, а для этого следует получить свидетельские показания работавших там людей. Во-вторых, нужно доказать неправомочность процедуры экзорцизма, на которую собирается опираться обвинение.

— Мы имели бы шанс выиграть процесс, если бы удалось убедить судей, а все они люди глубоко верующие, в том, что процедура экзорцизма была проведена с нарушениями установленных правил.

— Мы поможем вам доказать это.

Раймон де Сансе хлопнул раскрытой ладонью по столику и повернул голову, чтобы посмотреть адвокату прямо в лицо. Сам этот жест, полуприкрытые глаза брата и тонкие черты его лица с фамильным матовым цветом кожи вдруг отчетливо напомнили Анжелике деда, старого барона Ридуэ де Сансе. Всякий раз,

стоило ей почувствовать, что Монтелу простирает свою благодетельную тень, чтобы оградить ее семью от нависшей угрозы, в ней поднималось волнение и на душе становилось теплее.

— Дело в том, господин адвокат, что существует одно неизвестное вам обстоятельство, — твердым голосом проговорил иезуит. — О нем не знают и многие представители высшего духовенства Франции, чье религиозное образование, надо признать, зачастую еще более скудно, чем образование какого-нибудь жалкого провинциального кюре. Так вот, во Франции есть только один человек, который имеет право от имени Папы Римского определять случаи одержимости и проявлений дьявола. Этот человек — член ордена иезуитов. Благодаря своей аскетической жизни, целиком посвященной углубленным трудам и исследованиям, он получил от Его Святейшества Папы опасную привилегию сталкиваться лицом к лицу с самим Князем Тьмы. Я убежден, мэтр Дегре, что вы вызовете большую растерянность среди судей, сделав заявление, что Церковь признает действительным только акт об изгнании беса за подписью преподобного отца Кирше, великого экзорциста Франции.

— Еще бы! — Дегре был крайне возбужден. — Признаться, я подозревал что-то в таком духе, но этот монах Беше действовал с дьявольской ловкостью и сумел внушить доверие кардиналу де Гонди, архиепископу Парижскому. Я заявлю о неправомерности недолжным образом проведенной церковной процедуры! — воскликнул адвокат, уже представляя себя на судебном ристалище. — Я разоблачу этих священников, превысивших свои полномочия, которые посредством обмана, что само по себе является богохульством, пытались выставить Церковь на посмешище!

— Окажите любезность недолгое время подождать меня, — сказал отец де Сансе, вставая.

Он вышел и вскоре вернулся в сопровождении еще одного иезуита, которого представил как отца Кирше.

Анжелика была очень взволнована сознанием того, что ей довелось повстречаться с Великим экзорцистом Франции. Она не знала, как должен выглядеть подобный человек, но, определенно, никак не ожидала, что внешность его будет столь обыкновенна. Если бы не черная сутана и медный крест, поблескивающий на груди, этого молчаливого иезуита скорее можно было бы принять за мирного крестьянина, чем за духовное лицо, привыкшее беседовать с дьяволом.

Анжелика почувствовала, что сам Дегре с его закоренелым скептицизмом заинтригован личностью вошедшего.

Раймон сказал, что он уже ввел отца Кирше в курс дела и сообщил ему последние новости.

Великий экзорцист слушал с ободряющей улыбкой.

— Дело представляется мне простым, — сказал он наконец. — Требуется, чтобы я, в свою очередь, также провел процедуру экзорцизма, но в соответствии с правилами. Акт, который вы зачитаете перед судьями, я подкреплю своими свидетельскими показаниями, что, бесспорно, поставит в затруднительное положение совесть этих господ.

— Нет, это не так просто, — возразил Дегре, энергично почесывая затылок. — Не представляю себе, как можно провести вас, пусть даже в качестве исповедника, в Бастилию, и при этом к заключенному, находящемуся под особым надзором.

— Тем более что нас должно быть трое.

— Почему?

— Демон слишком лукав, чтобы один человек, даже защищенный молитвами, мог бросить ему вызов, не подвергая себя опасности. Для того чтобы подступить к человеку, который заключил сделку с дьяволом, мне

необходима помощь по меньшей мере двоих моих аколифов^[34].

— Но мой муж не заключал сделки с дьяволом, — возразила Анжелика.

И тут же торопливо прикрыла лицо руками, чтобы никто не заметил, что ее охватил внезапный приступ дикого смеха. Под впечатлением от разговора о том, будто ее муж заключил сделку с дьяволом, Анжелика вдруг вообразила себе, как Жоффрей, стоя у прилавка какой-то лавчонки, беседует с рогатым улыбающимся дьяволом. Ах, когда они вернутся к себе, в Тулузу, они от души посмеются над всеми этими глупостями. Она представила себя сидящей на коленях у мужа, зарывшись лицом в его густые, пахнущие фиалкой волосы, а восхитительные руки Жоффрея снова ласкают ее тело, которое он так любит.

Неуместный смех Анжелики оборвался коротким рыданием.

— Мужайся, моя дорогая сестра, — мягко сказал Раймон. — Рождество Христово приносит нам надежду; да снизойдет мир на добрых людей!

Но чередование надежд и отчаяния измучило молодую женщину. Мысленно возвращаясь в прошлое, вспоминая последнее Рождество в Тулузе, Анжелика чувствовала, как ее охватывает ужас от сознания пути, какой выпал на ее долю за этот год. В Рождество, когда парижские колокола надрываются от звона под серым небом, у нее нет иного пристанища, кроме очага мамыши Кордо.

Хозяйка пригласила постояльцев к себе на сочельник, потому что в эту ночь никто не должен оставаться в одиночестве, ожидая полуночной мессы, а

долг благочестивого христианина — собрать всех бесприютных.

Рядом со старухой, занятой веретеном, и учеником палача, как ни в чем ни бывало игравшим с Флоримоном, у Анжелики хватило мужества только на то, чтобы погреть руки у огня в очаге. Сидевшая рядом с ней на скамейке вдова Скаррон, такая же молодая и красивая, такая же жалкая и обездоленная, как и сама Анжелика, время от времени нежно обнимала подругу за талию и прижимала к себе, словно холод и одиночество рождали в ней желание почувствовать рядом тепло другого человека.

Старик, бывший владелец модной лавки, который тоже пристроился у единственного пылавшего в этом безрадостном жилище очага, дремал в кресле, обитом штофом, которое он принес из своей комнаты. Он что-то бормотал сквозь сон, что-то подсчитывал в упорном поиске причин своего краха. Когда неожиданное потрескивание полена разбудило его, он открыл глаза, улыбнулся и с чувством прокричал:

— Не забудем, что скоро родится Иисус! Весь мир объят радостью. Не спеть ли нам песенку?

И, к огромному удовольствию Флоримона, он дрожащим голосом, но с жаром запел:

*Нас было три пастушки
В полях у ручейка.
А рядышком гуляли
Овечки, тра-ля-ля!*

Кто-то постучал в дверь. На пороге показался темный силуэт мужчины, который прошептал несколько слов сыну Кордо.

— Это к мадам Анжелике, — сказал мальчик.

Анжелика поднялась, ожидая встретить Дегре. Однако в передней стоял всадник в сапогах,

закутанный в широкий плащ и в шляпе, опущенные поля которой скрывали его лицо.

— Моя дорогая сестра, я пришел попрощаться с тобой.

Это был Раймон.

— Куда ты уезжаешь? — удивилась Анжелика.

— В Рим... Я не могу подробно рассказать тебе о миссии, которая на меня возложена, но уже завтра все узнают, что отношения между французским посольством и Ватиканом ухудшились. Французский посол отказался подчиниться приказам наместника Святого Петра, который требовал, чтобы на территории посольства остались только дипломатические служащие. Людовик XIV распорядился передать Папе, что он даст отпор каждому, кто вздумает навязывать ему решения, отличные от его собственных. Мы на пороге разрыва французской церкви с Папой. Нужно любой ценой предотвратить эту катастрофу. Я должен во весь опор мчаться в Рим, чтобы попытаться путем переговоров прийти к какому-то соглашению и умерить страсти.

— Ты уезжаешь! — ошеломленно проговорила Анжелика. — И ты тоже бросаешь меня? А как же быть с посланием относительно Жоффрея?

— Увы, моя бедная малышка, очень боюсь, что в данной ситуации любая просьба, исходящая от понтифика, будет плохо принята нашим монархом. Но можешь не сомневаться, я непременно займусь этим делом в Риме. Вот, возьми немного денег. И послушай, меньше часа назад я видел Дегре. Твоего мужа только что перевели в тюрьму при Дворце правосудия.

— Что это значит?

— Что скоро будет суд. Но это еще не все. Во Дворце правосудия мэтр Дегре берется провести отца Кирше и его аколифов в Консьержери. Уже сегодня ночью, воспользовавшись праздничной суетой, они проникнут к

заклученному. У меня нет сомнений, что это испытание будет иметь решающее значение. Не теряй веру.

Анжелика слушала брата с похолодевшим сердцем и не находила сил возродить в душе былые надежды.

Иезуит обнял сестру за хрупкие плечи, привлек к себе и по-братски поцеловал в холодные щеки.

— Не теряй веру, дорогая сестра! — повторил он.

Она слышала, как постепенно затихал приглушенный снегом стук копыт двух лошадей, которые миновали ограду Тампля и углубились в парижские улочки.

Выехав через ворота Сент-Антуан, Раймон поскачет во весь опор по дороге, ведущей в Лион, перевалит через Альпы в Италию — и в Рим, в Ватикан. Может быть, еще не все потеряно.

Анжелика вздрогнула. Ведь уже этой ночью, пока колокола будут вызванивать весть о наступлении Рождества, трое мужчин, приняв все меры предосторожности, проникнут в ужасную тьму карцера, чтобы бросить вызов дьяволу.

В молчании она прикрепила к поясу оставленный Раймоном кошелек, вернулась на свое место у очага рядом с мадам Скаррон и попыталась обратиться к молитве.

Через день из ее жизни исчез еще один человек. Этот отъезд не более других был связан со случайными обстоятельствами, но в той же мере, как и прочие исчезновения, походил на отступничество.

Анжелике было необходимо глотнуть свежего воздуха и почувствовать себя свободной — в этом состояла главная черта ее характера, — и, воспользовавшись предлогом сделать некоторые мелкие покупки, она на пару часов отлучилась из

Тампля. Возвратившись, она узнала от вдовы Кордо, что госпожа Скаррон съехала.

К Скаррон пришли маркиз д'Альбре, мессир де Мере^[35], граф де Люд. Услышав эти имена, которые добросовестно запомнила Кордо, Анжелика поняла, что дела вдовы Скаррона, должно быть, пошли на лад благодаря покровительству королевы-матери.

Анжелика мысленно пожелала, чтобы полученная пенсия позволила Франсуазе расплатиться с долгами и найти более пристойную квартиру, где бы она смогла принимать друзей. Франсуаза уехала, забрав скромное имущество и оставила для Анжелики записку, в которой сожалела, что покидает Тампль, не успев обнять свою подругу. Когда у нее появится о чем сообщить, она пришлет Нанон.

Наступило Рождество, но радость этого праздника промелькнула и растаяла без следа в холодной зимней тьме. Год подходил к концу, приближались другие праздники. Предстоящие увеселения слились в сознании Анжелики с объявлением о том, что предстоит судебное заседание, которое теперь нельзя было бы отменить — ведь обвиняемого перевели в Консьержери, тюрьму Дворца правосудия.

Адвокат Дегре жил у Малого моста, соединявшего Сите с Университетским кварталом, в одном из старых ветхих домов с остроконечными крышами, чьи фундаменты уже несколько веков погружены в Сену, но которые, несмотря на наводнения, все же не разваливаются.

Сгорая от нетерпения, Анжелика отправилась к адвокату, вопреки его совету не покидать стены Тампля. Она узнала адрес Дегре у хозяина «Трех молотков». С момента отъезда Раймона она ни разу не видела адвоката и не получила от него никаких известий. Иезуиты, у которых она встречалась с Дегре, принимали ее любезно, но также ничего не знали или не хотели ничего говорить. Анжелика не смогла добиться встречи с отцом Кирше, и ей дали понять, что Великого экзорциста не следует часто беспокоить. Так что, в конечном счете, надев маску, она самостоятельно отправилась из Тампля на поиски адвоката. Она понимала, что это рискованно, но и ждать больше не могла.

Лишь очутившись перед домом, на который ей указали, Анжелика слегка засомневалась. Как ни странно, дом был похож на самого Дегре: бедный, нескладный и при этом чуточку надменный. На облезлый фасад отбрасывала тень стена тюрьмы Малый Шатле^[36]. На первом этаже располагалась лавочка свечника, перед которой, как страж, стояла статуя святого Николая, окруженная другими старинными статуями святых. Те, кто шел на мессу в находящийся поблизости собор Парижской Богоматери, покупали здесь освященные свечи.

Свечник, в ответ на ее расспросы, подтвердил: да, горе-адвокат живет на последнем этаже. Этого более чем достаточно для подозрительного типа, который позволяет себе не платить за квартиру — а все благодаря своей кровожадной псине! Для пьяницы, вечно сующего нос не в свое дело, никогда не оставляющего в покое добрых людей! Его труп однажды найдут в Сене, это как пить дать, и, клянусь святым Николаем, каждый захочет швырнуть его обратно!

Анжелика поднялась по винтовой лестнице, подгнившие деревянные перила которой были украшены забавными резными фигурками, корчившими рожицы. На последнем этаже была только одна дверь. Из щели под дверью слышалось сопение Сорбонны. Анжелика постучала.

Ей открыла рослая девица с накрашенным лицом, шейный платок которой едва прикрывал пышную грудь. Анжелика слегка попятилась. Она почему-то не подумала о такой возможности.

— Чего тебе надо? — спросила девица.

— Здесь живет мэтр Дегре?

В глубине комнаты слышалось какое-то движение, и появился адвокат с гусиным пером в руке.

— Входите, мадам, — проговорил он непринужденно.

Затем Дегре вытолкнул девицу на лестницу и запер дверь.

— Где ваше терпение? — спросил он с укором. — Надо же было добираться до моего логова, рискуя жизнью...

— Но от вас не было известий уже...

— Всего только одну неделю.

— Каков результат процедуры экзорцизма?

— Присядьте, — безжалостно сказал Дегре, — и позвольте мне дописать. Потом мы поговорим.

Анжелика села, куда он ей указал, — на грубый деревянный сундук, предназначенный, без сомнения, для хранения одежды. Она огляделась и сказала себе, что никогда еще ей не доводилось видеть столь жалкое жилище. Дневной свет проникал сюда через зеленоватые стекла квадратных окошек со свинцовыми рамами. Чахлый огонь очага был не в силах побороть сырость, проникавшую с реки: было слышно, как вода плещется о быки Малого моста. В одном углу на полу была навалена куча книг. У Дегре не было даже стола.

Сидя на табурете, он писал, положив на колени доску. Чернильница стояла рядом на полу.

Кроме кровати с рваным голубым пологом из саржи и такими же рваными одеялами, в комнате почти не было мебели. Но простыни, хотя и ветхие, были чистыми. Взгляд Анжелики невольно возвращался к этой неприбранной постели, беспорядок которой красноречиво свидетельствовал о том, что, должно быть, происходило здесь совсем недавно между адвокатом и девицей, только что бесцеремонно выставленной им за дверь.

Анжелика со стыдом думала о том, как опасна ее природная импульсивность и как, наверное, недоволен адвокат столь бестактным вторжением в его личную жизнь.

Она машинально гладила датского дога, доверчиво положившего огромную голову ей на колени.

— Уф! — воскликнул Дегре, вставая и потягиваясь. — Еще никогда в жизни я не говорил так много о Боге и о церкви. Вы догадываетесь, что за бумаги раскиданы у меня по полу?

— Нет.

— Это защитительная речь адвоката мэтра Дегре, которую он произнесет во время заседания суда по делу мессира де Пейрака, обвиненного в колдовстве, которое состоится во Дворце правосудия 20 января 1661 года.

— Уже определена дата? — Анжелика почувствовала, что бледнеет. — Ах! Я обязательно должна там быть. Переоденусь в судейского или в священника, достаньте мне платье. Правда, я беременна, — она с некоторым беспокойством оглядела себя, — но это почти не заметно. Мамаша Кордо говорит, что у меня будет девочка, потому что ребенок лежит высоко. В крайнем случае, сойду за обжоруклерка...

Дегре расхохотался.

— Не уверен, что вас за него примут. У меня есть идея получше. На процесс допущены несколько монахинь. Вы наденете капюшон и рясу монахини.

— Теперь мой черед усомниться: а не запятнает ли такая полнота безупречную репутацию инокинь?

— Глупости! Просторное платье, широкий капюшон — и никто ничего не заподозрит. Но могу ли я рассчитывать на ваше самообладание? Это очень важно!

— Обещаю, что буду самой сдержанной из всех женщин, присутствующих в зале.

— Вам придется трудно, — заметил Дегре. — Я совершенно не могу себе представить, как повернется дело. Любой суд хорош уже тем, что сенсационные показания оказывают сильное впечатление на судей. Поэтому у меня в запасе демонстрация получения золота, опровергающая обвинения в занятиях алхимией, а самое главное — акт о процедуре изгнания дьявола, составленный единственным уполномоченным на то церковью экзорцистом — отцом Кирше, который гласит, что ваш муж не проявил никаких признаков одержимости.

— Благодарю тебя, Господи! — вздохнула Анжелика. Неужели ее испытания подходят к концу?

— Мы выиграем дело, не так ли?

Дегре развел руками, жестом выражая свои сомнения.

— Я виделся с Фрицем Хауэром, которого вы просили вызвать, — заговорил адвокат после непродолжительной паузы. — Он приехал со всеми своими тиглями и ретортами. К сожалению, у этого человека слишком необычная внешность. Но ничего не поделаешь! Я укрыл его в монастыре картезианцев в предместье Сен-Жак. Что касается мавра, с которым я говорил, проникнув в Тюильри под видом торговца

уксусом, то его помощь нам обеспечена. Только никому ни слова о моем плане. Может статься, что жизнь этих простых людей находится под угрозой. Исход процесса во многом зависит от предстоящих демонстраций.

Последний совет Дегре был для несчастной Анжелики явно излишним, потому что от страха и надежды у нее и без того во рту пересохло и горело.

— Я провожу вас, — сказал адвокат. — Париж — опасное для вас место. Не покидайте Тампля до начала процесса. Тогда вас разыщет монахиня, передаст вам одежду и проводит до Дворца правосудия. Должен сразу же вас предупредить: монахиня не слишком любезна. Это моя старшая сестра. Она вырастила меня и ушла в монастырь, когда поняла, что все принятые ею строгие меры не помешали мне свернуть с праведного пути. Она молится за отпущение моих грехов. Словом, для меня она сделает все, что угодно. Вы можете полностью ей доверять.

Дегре сунул текст своей речи в сумку и спустился вместе с Анжеликой. На улице он взял ее под руку. Она не возражала, ободренная этой поддержкой.

Они не сразу отправились в сторону Тампля.

Квартал, в котором они очутились, выйдя из дома, казалось, не собирался готовиться к концу рабочего дня. Настоящая толчея: мимо сновали судейские, множество пар прогуливались под ручку.

Через некоторое время Дегре вместе со своей спутницей зашел под какую-то арку, сказал пару слов бородатому стражнику с алебардой, охранявшему вход в плохо освещенный двор, и подвел Анжелику к темному закутку.

— Побудьте здесь. Мне нужно надежно припрятать свою речь. Он удалился с сумкой «рабочих бумаг» под мышкой, потом вдруг вернулся и, переговорив со стоявшим на часах стражником, сунул ему в руки кошелек. Анжелика поняла, что адвокат просил не

спускать с нее глаз, не позволять кому бы то ни было приближаться и даже обращаться к ней. Быстро темнело, небо, затянутое тяжелыми снеговыми тучами, чернело, на город спускалась ночь. Анжелика спросила себя, где бы она могла находиться. Двор, в котором она стояла, был довольно узким и походил на колодец, поскольку его со всех сторон окружали дома: в полутьме угадывались влажные каменные стены.

До нее донеслись церковные песнопения. И мало-помалу она различила — или ей привиделось — силуэт храма, очень изящного и высокого, шпиль которого, казалось, возносился в бесконечность, в тяжелый сумрак зимнего вечера.

Должно быть, в храме служили мессу по случаю окончания адвента ^[37]. Верующих, скорее всего, собралось много, но поразительным образом здание, освещенное изнутри, угадывалось только благодаря неслыханной высоты витражам, уходившим рядами в невидимое небо и терявшимся в нем, словно гигантские разноцветные переливающиеся свечи. Вот почему у Анжелики возникло ощущение его нереальности, пока глаза не привыкли к темноте.

Перед входом в храм толпились люди. Кое-кто держал в руках свечи, но многие, подобно Дегре, заходили внутрь так же запросто, как к себе домой, видимо, это были прихожане храма.

В углу двора тоже зажгли фонари, которыми служили канделябры о трех или о шести свечах. Тогда Анжелика разглядела, что место, в котором она находится, вовсе не такое уединенное, как ей показалось на первый взгляд. Справа от черного хода начиналась широкая улица, по обеим сторонам которой, насколько она смогла рассмотреть, располагались лавки. Их хозяева, продавцы и продавщицы, зажигали свечи, чтобы не упустить поздних покупателей.

Заинтригованная этими суетливыми приготовленияами, скользящая Анжелика подошла поближе, чтобы рассмотреть товар. Как она убедилась, здесь продавали веера, пластинки из черепахового панциря, ожерелья и безделушки из чистого золота, а не подделки и дешевую бижутерию, как в Тампле. На соседних прилавках были разложены кружева, воротнички, манжеты, жабо, и люди знающие могли поручиться за их качество. Она заметила также множество книг.

Тут ее внимание привлекла витрина одной из ближайших лавочек. На доске черного, блестящего, словно мрамор, дерева, лежала знаменитая диковина: рог единорога, которого, впрочем, никто никогда не видел. Зато надпись была видна очень отчетливо.

Рядом были и другие занятные и красивые безделушки, изящно оформленные, чтобы привлечь внимание любопытствующих: яйцо страуса, зубы крокодила, корзинки с самыми интересными и необычными травами, какие только встречаются на белом свете.

В это мгновение в глубине лавки отворилась дверь и Анжелика услышала:

— Кому-то здесь я нужен...

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

К ней приблизился мужчина средних лет, одетый в черное — очевидно, хозяин лавки, — и под его взглядом Анжелика внезапно почувствовала, что она не в состоянии произнести ни слова.

Он внимательно оглядел ее, потом объявил:

— Вы должны избавиться от проклятия, которое лежит на вас.

Тут появился запыхавшийся Дегре. Он ничего не сказал по поводу ее прогулки, нарушившей его запрет куда бы то ни было отлучаться, потому что стражник все время следовал за ней, хотя Анжелика этого и не заметила.

Адвокат схватил молодую женщину за руку, словно боялся, что она исчезнет, и поздоровался с владельцем странной лавочки:

— Как поживаете, мэтр Людовик? Я пока не могу вернуть вам книгу, которую вы мне дали почитать.

— Ничего! Держите ее столько, сколько сочтете необходимым. Я знаю, что вы непременно извлечете из нее пользу.

Дегре ожидал объяснений от Анжелики, но их не последовало.

Когда они направились к выходу, мэтр Людовик бросил, обращаясь к адвокату:

— Постарайтесь помочь ей... Она заслуживает жизни.

На улице шел густой снег.

— Кто этот человек? И чем он торгует? — спросила Анжелика, когда они остановились под аркой, вдали от оживленных прилавков.

— Это здешний волшебник, — отвечал адвокат, — он защищает от мелких демонов.

Анжелика едва не вскрикнула от испуга.

— Как? Не вы ли говорили, что этим занимаются только священники?

— Они противостоят самому могущественному противнику — Сатане. А простых людей смущают мелкие злые бесы, и от них помогают подобные люди... Но отчего вы дрожите?

— Оттого что вы ведете пугающие речи. Дегре, вы верите во всю эту мистику?

— Хм! Я ни во что не верю, вы же знаете. Но я отдаю должное успешной практике мэтра Людовика. Он из тех ясновидящих, что необходимы каждому обществу, потому что люди всегда испытывают тягу пообщаться с потусторонним миром, который заметно влияет на нас. Упомяните в присутствии своих знакомых имя мага из Дворца из галереи Мерсьер. Вы увидите, каким

почтением оно окружено. Не удивлюсь, если узнаю, что судьи, которые кичатся своим благочестием, обращаются к нему за советами. Ходят слухи, что один из его клиентов — сам канцлер Сегье, хранитель печатей.

Анжелика онемела.

— Из Дворца?! Вы хотите сказать, мы были во Дворце правосудия?

— Так оно и есть.

— Но отчего же вы меня не предупредили? Мой муж находился где-то рядом, за этими стенами, а я этого не почувствовала.

— Ошибаетесь. Он довольно далеко, совсем в другом конце этих строений. Нужно пройти весь квартал вдоль пассажа, чтобы оказаться рядом с Консьержери, где содержат заключенных. Консьержери выходит на набережную Морфондю ^[38].

— Стало быть, храм с витражами до неба, который я разглядела в темноте, это Сен-Шапель, где хранится шип Тернового Венца?

— Да.

— Я могла бы помолиться...

— Почему бы и нет! Молитва еще никому не вредила...

Анжелика была в полном смятении.

Внезапный вопрос человека, заговорившего с ней о проклятии, пробудил в ней воспоминание о незнакомце с горящими глазами, встреченном в Сен-Жан-де-Люзе... Боже правый! Как это было давно! Он дважды напугал ее, причем выглядел настолько странно, что Анжелика не просто не могла понять, с кем имеет дело, но даже спрашивала себя, видела ли она его на самом деле или то было лишь видение, вызванное жарой и усталостью. Но за несколько дней до отъезда из Сен-Жан-де-Люза она проходила через площадь, где конюшие,

состоявшие на службе кардинала, в спешке сворачивали вышитые попоны мулов — работа, требовавшая больших физических усилий и аккуратности. Прислушавшись к их болтовне, она уловила имя таинственного незнакомца: Флегетан.

Она узнала, что то был один из самых ловких людей Фуке: конюшие уважительно отзывались о том, как он построил галеры на речке Нивелль ^[39]. И поговаривали, что надо опасаться его познаний в оккультизме, благодаря которым он посвящен во все дворцовые тайны. Ибо у кого при дворе нет опасных тайн? Всем хотелось заглянуть в будущее при помощи оккультных наук... Упоминали, что он занимался алхимией и предсказаниями будущего вместе с отцом сестер Манчини, который тоже достаточно искушен в этих науках, в его секретном кабинете в Лувре и во дворце самого кардинала. Манчини всегда предрекал одной из своих дочерей, Марии, раскачивая маятник над ее зодиакальной картой, что она навлечет на себя всевозможные неприятности...

Может быть, именно в тот день Анжелика заподозрила в странном незнакомце виновника поразивших их бед? Потом странный эпизод стерся из ее памяти.

И теперь то испытанное ранее ощущение вернулось к Анжелике, стоило другому человеку произнести слово «проклятие».

— Снегопад закончился, — сказал Дегре, — пойдете.

И она пошла вместе ним по широкой улице, на которой уже была однажды с дядюшкой своего зятя Фалло, когда они ходили смотреть на строительство

триумфальной арки у моста Нотр-Дам. Тогда улица Барильери, позднее названная Дворцовым бульваром, показалась ей похожей на реку, разделявшую остров на два мира. С одной стороны — собор Парижской Богоматери, с другой — Дворец правосудия со всеми его пристройками, простирающимися до Нового моста.

Они уже почти миновали мост Нотр-Дам, как вдруг Сорбонна сделала стойку и наострила уши.

В нескольких шагах от них стоял здоровенный оборванец и, казалось, нагло ждал, пока они подойдут к нему. Под вылинявшей фетровой шляпой с пером виднелась физиономия с фиолетовым наростом и черной повязкой, скрывающей глаз. Мужчина ухмылялся.

Сорбонна прыгнула на него, но тот с ловкостью акробата отскочил в сторону и исчез за дверью одного из домов на мосту Нотр-Дам. Собака рванулась следом.

Послышался звонкий всплеск воды.

— Чертов Весельчак! — проворчал Дегре. — Прыгнул в Сену, и лед ему не помеха. Держу пари, он сейчас удирает между свай. У него настоящие крысиные норы под всеми парижскими мостами.

Сорбонна вернулась, опустив уши.

Анжелика пыталась побороть в себе страх, но мрачное предчувствие оказалось сильнее. Ей чудилось, что нищий оборванец, неожиданно возникший на ее пути, был предвестником ужасной судьбы.

Часть третья
На ступенях Дворца
правосудия

Глава 12

День едва занимался, когда Анжелика и монахиня перешли Мост Менял и оказались на острове Сите. Было холодно. Вниз по течению Сены плыли большие льдины, и старые сваи деревянного моста угрожающе поскрипывали под их ударами.

Снег выбелил крыши, украсил кружевом карнизы домов и превратил в ветку цветущей вишни шпиль Сен-Шапель, возвышающийся над массивными зданиями Дворца правосудия.

Не будь на ней монашеского одеяния, Анжелика охотно купила бы стопку фруктовой водки у разносчика. Этот красноносый человек торопился предложить горячительный напиток своим товарищам — ремесленникам, бедным клеркам, подмастерьям, всем, кому нужно вставать первыми, чтобы пораньше открыть лавочку, мастерскую или контору.

Массивные часы на угловой башне пробили шесть раз. Башенные часы, великолепный циферблат которых — золотые лилии на лазурном фоне — был обновлен Генрихом III, все еще оставались непривычной деталью городского пейзажа. Они считались одной из достопримечательностей Дворца правосудия. Разноцветные фаянсовые фигурки на них: голубь, символизирующий Святой Дух, и осененные его крыльями Любовь и Справедливость — сверкали в тусклом утреннем свете красной, белой и голубой эмалью.

Анжелика и ее спутница прошли по улице Барильери, зашли за ограду, пересекли просторный двор и поднялись по лестнице. Их встретил магистрат, в котором Анжелика с удивлением узнала адвоката Дегре. Он даже вызвал в ней некоторую робость своей просторной черной мантией, белоснежными брыжами и

белым париком с тщательно завитыми локонами под квадратной шапочкой; он нес новую сумку для бумаг, распухшую от документов. Дегре сказал, что только что посетил заключенного в Консьержери, тюрьме при Дворце правосудия.

— Он знает, что я буду в зале? — спросила Анжелика.

— Нет! Это может слишком его взволновать. А вы?.. Вы даете мне слово, что не потеряете самообладания?

— Даю.

— Он... Он сильно покалечен, — произнес Дегре дрогнувшим голосом. — Его страшно пытали. Но столь явные незаконные действия следователей могут произвести впечатление на судей. Вы будете держаться, что бы ни случилось?

Дыхание у нее перехватило, и она смогла лишь утвердительно кивнуть.

У входа в зал королевская стража потребовала предъявить подписанные пропуска. Анжелика немного удивилась, когда монахиня протянула билет и прошептала:

— На службе у его высокопреосвященства кардинала Мазарини!

Судебный исполнитель, проявив заботу о монахинях, провел их в центр зала, уже заполненного народом, где черные мантии судебных смешались с сутанами и рясами священников и монахов.

Небольшая группа дворян украшала собой второй ряд кресел зала заседаний. Среди них Анжелика не увидела ни одного знакомого лица. Надо полагать, придворных сюда не допускали, а может быть, они ничего не знали об этом процессе, проходящем за закрытыми дверями, или боялись себя скомпрометировать.

Анжелику и ее соседку усадили немного в стороне, но так, что им все было видно и слышно, и молодая

женщина удивилась, заметив еще нескольких монахинь из того же ордена, что и ее спутница; казалось, что за ними незаметно наблюдает священник высокого сана. Анжелика сперва недоумевала, что могло привлечь этих женщин на процесс о колдовстве и алхимии, но по одежде инокинь догадалась, что медицинские сестры ордена Святой Екатерины направлены сюда администрацией тюрьмы. Сестры отвечали за прием заключенных, когда их накануне суда переводили в замок Консьержери. Согласно своему уставу, они также обмывали и закутывали в саваны выловленные в Сене тела утопленников, которые доставляли в Шатле. Надо сказать, что забота об этих покойниках требовала от монахинь истинного христианского милосердия.

Сестра Дегре также была одной из монахинь этого мужественного ордена.

Готические арки зала, находившегося в одной из старейших частей Дворца правосудия, были украшены розетками с ниспадающими акантовыми листьями. Из-за витражей здесь царил полумрак, а несколько свечей только усиливали зловещую атмосферу помещения. Тепло давали две-три голландские печки, облицованные сверкающим фаянсом.

Анжелика жалела о том, что не спросила адвоката, удалось ли привести Куасси-Ба и договориться со старым рудокопом из Саксонии насчет демонстрации опыта.

Напрасно она искала в толпе знакомые лица.

Ни адвокат, ни обвиняемый, ни судьи все еще не появлялись. Но зал, несмотря на ранний час, был переполнен, многие даже стояли в проходах. Видимо, люди пришли сюда как на спектакль, даже, скорее, как на урок судопроизводства, судя по тому, что большую часть присутствующих составляли молодые клерки из судебных.

Группа людей перед Анжеликой вела себя весьма шумно, что было особенно заметно на фоне всеобщего молчания; они негромко отпускали замечания, несомненно, предназначенные для менее осведомленных посетителей, сидевших рядом.

— Что же они тянут? — нетерпеливо говорил молодой судья с щедро напудренными волосами.

Сосед, чьи толстые прыщеватые щеки вываливались из мехового воротника, зевнул:

— Ждут, пока закроют двери в зал суда, и после этого введут обвиняемого и водворят его на скамью подсудимых.

— Скамья подсудимых — это та скамейка, что стоит отдельно, пониже остальных, у нее еще спинки нет?

Клерк, неопрятного вида и с сальными волосами, обернулся и, ухмыляясь, возразил:

— Уже не хотите ли вы, чтобы слуга дьявола расселся в кресле?

— Говорят, колдун может стоять на острие булавки или на языке пламени, — вставил напудренный адвокат.

Его упитанный сосед серьезно ответил:

— Этого от него требовать не станут, но ему придется стоять на той скамейке на коленях, перед распятием, которое прикреплено к нижней части кафедры председателя суда.

— И то слишком много чести для такого чудовища! — вскричал клерк с сальными волосами.

Анжелика вздрогнула. Если даже публика, состоящая преимущественно из судейской элиты, настроена настолько пристрастно и враждебно, чего же ждать от судей, специально подобранных королем и его приближенными?

Но магистрат в меховом воротнике смело повторил:

— Что до меня, то я считаю эти обвинения просто предлогом. Этот человек такой же колдун, как вы или я, только он, думаю, чем-то помешал интриганам из

высшего света, вот и хотят от него избавиться под видом совершения правосудия.

Анжелика чуть наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть лицо человека, который открыто осмелился выражать столь опасные мысли. Она жаждала узнать его имя. Но спутница легонько коснулась ее руки, напоминая, что Анжелика не должна привлекать к себе внимание.

Сосед человека в меховом воротнике огляделся вокруг и бросил:

— Если сильные мира сего на самом деле хотят просто от него избавиться, то не пойму, зачем они утруждают себя судебными делами, обычно они прекрасно обходятся без этого.

— Только лишь для того, чтобы умаслить народ и показать, что король иногда карает и знает.

— Мэтр Галлеман, будь правдой ваше предположение о том, что народ можно задобрить публичным судом над преступниками, как некогда при Нероне, то здесь устроили бы публичный процесс, а не суд за закрытыми дверями, — возразил нетерпеливый молодой адвокат.

— Сразу видно, что ты только начал заниматься нашей гнусной профессией, — ответил знаменитый адвокат, о котором Дегре говорил, что от его шуток Дворец правосудия бросает в дрожь. — Во время публичного процесса может подняться настоящий бунт, народ ведь все прекрасно понимает и вовсе не так бестолков, как кажется. Наш король уже достаточно опытен, и, кроме того, он опасается, чтобы не случилось как в Англии, где народ просто взял да и, недолго думая, отправил на плаху собственного монарха. Поэтому у нас тех, кто имеет собственное мнение или мнение, неудобное властям, душат без лишнего шума, тихо. Потом их тела, от которых еще не отлетела душа, бросают на растерзание черни, вызывая у толпы

низменные инстинкты. А виноваты оказываются звери-простолюдины, так что священники начинают призывать их к усмирению низменных склонностей ну и, разумеется, служат мессы до и после суда. Смутьяны исчезают в неизвестном направлении, и никто не узнает, кто они такие и откуда взялись.

— Но Церковь не причастна к подобным злодеяниям, — возразил священник, наклонившись к собеседникам. — Скажу даже больше, господа: в наши дни миряне, не обладая знанием канонических законов, слишком часто пытаются подменить своими действиями божественный закон. И думаю, не ошибусь, если заверю вас, что большинство присутствующих здесь клириков обеспокоены посягательством гражданской власти на права святой Церкви. Я только что вернулся из Рима и видел, как наше посольство в Ватикане постепенно превратилось в прибежище для последнего сброда. Сам Его Святейшество Папа уже не хозяин в собственном доме, потому что наш король, чтобы разрешить спор с Церковью, ничтоже сумняшеся, послал в подкрепление посольству войска с приказом стрелять по войскам Папы, в случае если те перейдут к активным действиям — то есть попытаются арестовать бандитов и воров, беглецов из Италии и Швейцарии, укрывающихся в стенах посольства Франции^[40].

— Но любое посольство на территории другого государства неприкосновенно, — осторожно заметил пожилой горожанин.

— Разумеется. Но в то же время оно не должно быть местом сбора подонков со всего Рима и не должно покушаться на единство святой Церкви.

— Но Церковь и сама не должна подрывать единство Французского королевства, а король обязан защищать свое королевство, — настаивал тот же господин.

Все посмотрели на него и, казалось, спросили себя, что он здесь делает. Большинство напустили на себя задумчивый вид и отвернулись, жалея, очевидно, о том, что вели такие рискованные речи перед незнакомцем, который вполне мог оказаться соглядатаем Его Величества.

Лишь мэтр Галлеман, посмотрев на почтенного горожанина, произнес:

— Ну что же, месье, советую вам внимательно следить за ходом этого процесса. Несомненно, тот спектакль, который вы увидите, станет одним из незначительных эпизодов в великом противостоянии между королем и Римской церковью.

Анжелика со страхом прислушивалась к разговору. Теперь ей стали понятны причины колебаний иезуитов и бесполезность письма Папы Римского, на которое она так долго возлагала все свои надежды. Теперь король не признает над собой никакой власти. У Жоффрея де Пейрака оставался единственный шанс: что совестливость судей окажется сильнее их раболепства.

В зале суда повисло гробовое молчание, которое и вернуло молодую женщину к действительности. Ее сердце замерло.

Она увидела Жоффрея.

Он вошел с трудом, опираясь на две трости; хромота усилилась, и при каждом шаге казалось, что он вот-вот потеряет равновесие.

Он казался одновременно очень высоким и очень сутулым, страшно исхудавшим. Его вид потряс Анжелику. Долгие месяцы разлуки отчасти стерли в ее памяти дорогой облик, и теперь она увидела мужа таким же, как его воспринимала наполняящая зал публика, и ужаснулась: Жоффрей действительно выглядел странно, едва ли не устрашающе. Густые черные волосы обрамляли изуродованное лицо, бледное, пересеченное красными бороздами шрамов.

Истрепанная одежда, худоба — все это произвело на публику сильное впечатление.

Но когда он поднял голову и его черные, горящие глаза медленно, со странным спокойствием и даже насмешливо оглядели зал, жалость, которую кое-кто испытывал, тут же исчезла и по толпе пробежал зловещий шепот. То, что они увидели, превосходило все их ожидания. Это действительно был настоящий колдун!

Окруженный охраной, граф де Пейрак остался стоять перед скамьей подсудимых; опуститься на колени он не мог.

В ту же секунду вошли около двадцати королевских стражей и встали вдоль стен зала.

Процесс вот-вот должен был начаться.

Прозвучало объявление:

— Господа, суд идет!

Все поднялись, и через двери, ведущие на трибуну, прошли судебные приставы, вооруженные алебардами и одетые в костюмы шестнадцатого века с воротниками-жабо и в шляпах, украшенных перьями. Затем появились судьи в мантиях с горностаевыми воротниками, в квадратных шапочках.

Первым шел довольно пожилой мужчина, с ног до головы одетый в черное, и Анжелика не сразу узнала в нем канцлера Сегье, который запомнился ей как один из величественных вельмож, составлявших свиту короля в день его вступления в Париж. За ним следовал высокий худой человек в красной одежде. Далее шли шестеро мужчин в черном, один из которых был облачен в короткую красную мантию. Это был господин Массно, президент тулузского парламента; он был одет

гораздо строже, чем во время их встречи на дороге в Сальсинь.

Мэтр Галлеман, сидевший перед ней, вполголоса пояснял:

— Старик в черном, что идет впереди — верховный судья, Сегье. В красном — Дени Талон, главный адвокат Королевского совета, и он же — главный обвинитель. Красная мантия на Массно, из тулузского парламента, он назначен главным судьей на этом процессе. Самый молодой вон там — прокурор Фалло, который называет себя бароном де Сансе, он не постеснялся выслужиться перед двором, согласившись участвовать в суде над тем, кто, как говорят, приходится ему близким собственником по линии жены.

— Сюжет, достойный пера Корнеля, — заметил юнец с напудренной шевелюрой.

— Друг мой, вижу, ты, как и вся легкомысленная молодежь твоего поколения, ходишь по театрам на все эти спектакли, куда уважающий себя судейский чиновник и носу не сунет, чтобы не прослыть легкомысленным. Но поверь мне, вряд ли тебе когда-нибудь доведется попасть на спектакль более захватывающий, чем тот, который ты увидишь сегодня...

Поднялся шум, и Анжелика не разобрала последующих слов.

Ей хотелось знать, как звали остальных судей. Дегре не говорил ей, что их будет так много. Впрочем, все равно никого из них, кроме Массно и Фалло, она не знала.

Но где же адвокат?

Наконец, через ту же дверь что и остальные судьи вошел Дегре. За ним следовали несколько незнакомых монахов, большинство из которых сели в первый ряд среди официальных лиц: очевидно, для них там были оставлены места.

Анжелика с тревогой отметила, что отца Кирше среди них нет. Но, увидев, что нет и монаха Беше, вздохнула с облегчением.

Теперь наступила полная тишина. Один из священников прочел молитву, затем поднес обвиняемому распятие, которое тот поцеловал и перекрестился.

Этот жест набожности и смирения вызвал в зале разочарованный гул. Неужто им собираются показать обычную ссору между дворянами, а не колдовские деяния?

Кто-то визгливо крикнул:

— Покажите нам какие-нибудь штучки Люцифера!

В зале произошло бурное движение: стражи бросились на возмутителя спокойствия, схватили молодого человека вместе с несколькими его товарищами и немедленно выдворили их из зала.

Затем вновь воцарилась тишина.

— Обвиняемый, принесите присягу! — сказал верховный судья Сегье, разворачивая какую-то бумагу, которую ему подал опустившийся на колени юный клерк.

Анжелика закрыла глаза. Жоффрей заговорил. Она ждала, что голос его будет слабым, надломленным, и, безусловно, того же ждал каждый из зрителей, так что, когда зазвучал глубокий и чистый тембр графа, по залу прокатилась волна удивления.

В Анжелике все перевернулось, когда она узнала тот соблазняющий голос, который шептал ей столько нежных слов любви жаркими ночами в Тулузе.

— Клянусь говорить всю правду. Однако мне известно, господа, что закон дает мне право не признавать правомочности этого суда, ибо, поскольку я сам являюсь членом парламента и мэтром ординарных

запросов королевского дворца^[41], то полагаю, что меня должен судить верховный суд парламента...

Верховный судья, казалось, некоторое время колебался, затем поспешно произнес:

— Закон не позволяет ограничивать приносимую присягу какими-либо условиями, принесите клятву безусловно, и только тогда суд получит полномочия судить вас. Если же вы не сделаете этого, то вас будут судить как «немого», то есть как если бы речь шла о неявке в суд, как если бы вы отсутствовали.

— Вижу, господин председатель, игра продумана заранее. Поэтому, чтобы облегчить вам задачу, я отказываюсь пользоваться теми юридическими положениями, которые позволили бы мне признать недействительным весь этот процесс и в целом, и частично. Итак, я полагаюсь на вашу справедливость и подтверждаю свою присягу.

Старик Сегье не мог скрыть удовлетворения.

— Суд в должной мере оценит честь, которую вы, видимо, делаете ему, признавая его полномочия. Но до вас сам король выразил доверие к законности нашего суда, и лишь это имеет значение. Что до ВАС, господа судьи, то ни на секунду не забывайте о доверии, которое Его Величество вам оказал. Помните, господа судьи, о том, что вам выпала великая честь представлять здесь собою меч правосудия, который наш монарх держит в своих августейших руках. Ибо есть две разновидности правосудия: в первом случае решения принимаются простыми смертными, будь они даже людьми благородной крови, а во втором — королем, чья власть основана на Божьей воле. Помните о важности этой связи, господа. Верша суд от имени КОРОЛЯ, вы отвечаете за то, чтобы его величию не был нанесен ущерб. Кроме того, помните, что, почитая

короля, вы почитаете и первого защитника религии нашего королевства.

Закончив свою довольно запутанную речь, полную туманных предостережений, речь одновременно главы парламента и придворного, Сегье поспешно, но все же величественно удалился. Как только он покинул зал, все сели. Свечи, до того горевшие над пюпитрами, задули. Теперь в зал проникал только мертвенный зимний свет, и когда луч бледного солнца вдруг пробивался сквозь витражи, на лица зрителей ложились красные или синие пятна, придавая им необычное выражение.

Мэтр Галлеман, прикрывая ладонью рот, прошептал своим соседям:

— Старый лис даже не хочет брать на себя ответственность, чтобы лично произносить приговор. Умывает руки, как Понтий Пилат, а если его самого обвинят, то он мигом свалит ошибку на инквизицию или иезуитов.

— Не сможет, ведь это светский суд.

— Фи! Правосудие придворных умеет одновременно угодить господину и скрыть от народа причину своих действий.

Анжелика слушала эти бунтарские речи о короле в полубессознательном состоянии. На секунду ей показалось, что все это не может происходить наяву. Это просто сон или театральное представление... Она не сводила глаз с мужа: тот стоял, немного сгорбившись, и тяжело опирался на трости. В ее мозгу медленно начала проступать мысль, пока еще нечеткая: «Я отомщу за него. Я заставлю их пройти через все пытки, которыми они мучили его, и, если, как утверждает религия, дьявол существует, то я хочу видеть, как он утащит души этих лжехристиан».

После бесславного бегства первого председателя суда на кафедре поднялся главный прокурор Дени Талон, высокий, сухой, церемонный, и сломал печати на огромном конверте. Он пронзительным голосом зачитал обвинительную речь прокурора:

— Месье Жоффрей Пейрак, уже лишенный прав на титул и все имущество по решению Королевского совета, ныне предстает перед нашим судом, чтобы быть судимым за колдовство и прочие действия, оскорбляющие религию и угрожающие безопасности государства и церкви, а также за использование алхимии для получения драгоценных металлов. Я требую, чтобы за эти преступления и за преступления, указанные в документах обвинения, подсудимого и всех его пособников сожгли на Гревской площади, а пепел их развеяли, как и подобает поступать с колдунами, продавшимися дьяволу. Но прежде я требую, чтобы были проведены допрос и пытка, и продолжались до тех пор, пока он не откроет имена своих сообщников...

Кровь так яростно пульсировала в висках Анжелики, что она не слышала окончания речи.

Она пришла в себя тогда, когда во второй раз зазвучал ясный голос обвиняемого:

— Клянусь, что все это ложь и выдумка и что я способен доказать это всем людям доброй воли.

Королевский прокурор поджал тонкие губы и сложил свой документ, словно дальнейший ход суда его не касался. Он, в свою очередь, намеревался было удалиться, когда вскочил Дегре и заявил:

— Господа судьи, король и вы сами оказали мне большую честь, назначив меня защитником обвиняемого. Вот почему, пока господин прокурор не удалился, я позволю себе задать ему один вопрос: как получилось, что этот обвинительный акт был составлен заранее и даже, как мы видели, был скреплен печатью,

в то время как судебная процедура не предусматривает подобных действий?

Суровый Дени Талон смерил молодого адвоката с высоты трибуны взглядом и высокомерно бросил презрительным тоном:

— Вижу, молодой мэтр, вы, в силу небольшого опыта в своем деле, не осведомлены об истории этого документа. Знайте, что сначала председатель Месмон, а не месье Массно был назначен королем, чтобы вести и возглавлять этот процесс...

— Господин главный советник, правила требуют, чтобы именно председатель Месмон лично зачитал обвинительный акт!

— Значит, вам неизвестно и то, что председатель Месмон вчера скоропостижно скончался. Но у него было время, чтобы составить данный обвинительный акт, который можно считать своего рода завещанием усопшего. Перед вами, господа, прекрасный пример того, каким чувством долга обладал один из величайших магистратов нашего королевства!

Зал почтил память Месмона вставанием. Но из толпы слышались и выкрики:

— Эта внезапная смерть — от колдовства!

— Отравлен ядом!

— Начало что надо!

Снова вмешалась стража.

Председатель Массно взял слово и напомнил, что идет закрытое заседание. При малейшем нарушении порядка посетители будут выдворены.

Зал успокоился.

Мэтр Дегре, со своей стороны, удовлетворился полученным объяснением, поскольку речь шла об обстоятельствах непреодолимой силы. Он добавил, что принимает пункты обвинения, при условии, что его подзащитного будут судить строго на их основании.

Последовал короткий разговор вполголоса, и соглашение было достигнуто. Дени Талон представил Массно как председателя суда и торжественно покинул зал.

Председатель Массно немедленно приступил к допросу.

— Признаете ли вы себя виновным по обвинению в колдовстве и в наведении порчи?

— Отрицаю обвинения целиком и полностью!

— Вы не имеете права отвечать так. Вам следует отвечать отдельно по каждому пункту, затронутому в обвинительном акте. Это в ваших интересах, ибо там есть обвинения, которые абсолютно невозможно отрицать и в которых вам лучше сознаться самому, раз вы поклялись говорить только правду. Итак: признаете ли вы, что изготавливали яды?

— Признаю, что иногда изготавливал химические вещества, которые, если их принять внутрь, действуют как яд. Но они никогда не предназначались ни для приема внутрь, ни для продажи, и я никогда не пользовался ими с целью отравления кого бы то ни было.

— Итак, вы признаете, что использовали и изготавливали такие яды, как мышьяк и римский купорос?

— Полностью признаю. Но чтобы подобные действия считать преступными, нужно доказать, что я действительно кого-либо отравил.

— В настоящее время нам достаточно и того, что вы не отрицаете факта изготовления ядовитых веществ с помощью алхимии. Цели ваших действий мы рассмотрим позднее.

Массно склонился над внушительной стопкой документов, лежащих перед ним, и принялся их перелистывать. Анжелика вздрогнула, ожидая, что сейчас будет предъявлено обвинение в отравлении. Она вспомнила, что Дегре говорил о некоем Бурье,

назначенном на этот процесс судьей по той причине, что он прославился подделкой документов, и именно ему поручили изготовить фальшивые документы для процесса. Ведь судьи одновременно были заняты расследованием, проверкой документов, наложением ареста на имущество, проведением допросов и подготовкой судебного дела.

Анжелика старалась угадать, кто из судей Бурье.

Массно все еще листал страницы. Наконец он откашлялся и, казалось, собрался с мужеством.

Первые слова он пробормотал, но затем его голос окреп и в конце звучал почти уверенно:

— ...чтобы доказать, если только это нужно доказывать, насколько справедливо и беспристрастно правосудие короля, перед тем как продолжить перечень пунктов обвинения — этот документ лежит перед каждым из королевских судей, — я должен сделать заявление и известить суд о том, насколько наше предварительное расследование было затруднено неожиданными препятствиями...

— И заступничеством за знатного и богатого обвиняемого! — произнес чей-то насмешливый голос.

Анжелика ожидала, что нарушителя тотчас схватят. Но, к своему огромному удивлению, увидела, что стоявший рядом судебный пристав многозначительно толкнул локтем полицейского. «Полиция, наверное, посадила в зале подкупленных людей, чтобы они разжигали враждебное отношение к ЖофFREю», — подумала она.

Председатель продолжал, словно ничего не произошло:

— Чтобы доказать всем, что правосудие короля не только беспристрастно, но еще и великодушно, я заявляю, что из огромного числа обвинительных документов, собранных и полученных в ходе продолжительного следствия, я, по зрелому

размышлению и после долгой внутренней борьбы отклоняю значительную их часть.

Он сделал паузу, восстановил дыхание и закончил несколько более глухим голосом:

— Я по собственному решению исключил тридцать четыре документа, посчитав их сомнительными, а некоторые явно фальшивыми, подделанными, по всей вероятности, с целью личной мести обвиняемому.

Это заявление вызвало настоящую бурю не только среди зрителей, но и среди судей, которые, несомненно, не ожидали подобного проявления мужества и снисходительности от председателя суда. Один из них, человек с хитрым лицом и крючковатым носом, не удержался и закричал:

— Обвинение в поиске сокровищ необходимо сохранить!

Массно удивленно посмотрел на стопку из тридцати четырех сомнительных листков.

— Не вижу причины для того, чтобы настаивать на обвинении в поиске сокровищ, мэтр Бурье, если предполагается, что обвиняемый мог и сам изготавливать драгоценные металлы.

— Быть может, он использует особый дар для обнаружения золота под землей, в могилах или в тайниках, о которых уже многие столетия никто не подозревает?

На лице Массно появилось недовольное выражение, и он объявил:

— Я исключаю обвинение в поиске сокровищ.

Его оппонент едва ли не топал ногами:

— Достоинство суда и его непредвзятость смехотворны, если даже председатель полагает, что имеет право самовольно изымать из дела такие документы, которые один из судей счел существенными для обвинения и которые, быть может, являются основными...

— Мэтр Бурье, я, в качестве председателя суда, призываю вас к порядку и предлагаю вам выбрать одно из двух: либо вы слагаете с себя полномочия судьи, либо наше заседание продолжается.

Зал потонул в шуме.

— Председатель подкуплен подсудимым. Знаем мы, что такое золото Тулузы! — завопил все тот же голос.

Клерк с сальными волосами, сидевший перед Анжеликой, стал раздувать страсти, восклицая:

— В кои-то веки отправили под суд знатного и богатого...

— Господа, я прерываю заседание, и если вы не прекратите беспорядок, то я потребую очистить зал! — голос председателя Массно с трудом прорвался сквозь шум.

С возмущенным видом он водрузил на парик квадратную шапочку и вышел, а за ним последовали и прочие судьи.

Анжелике показалось, что все эти важные вершители правосудия похожи на марионеток из кукольного театра: появились на сцене, сыграли свою маленькую роль и откланялись. Хоть бы только они и вовсе не возвращались!..

Зал успокоился и постарался вести себя пристойно, чтобы дать возможность судьям вернуться и спектаклю продолжиться. Все встали, заслышав стук алебард швейцарских гвардейцев о плиты пола: судьи возвращались.

В благоговейной тишине Массно вновь занял свое место.

— Господа, инцидент исчерпан. Бумаги, которые я посчитал подозрительными, вновь приобщены к делу, и каждый судья в свободное время сможет с ними ознакомиться. Я пометил их красным крестом, и каждый судья сможет составить собственное мнение о принятом мною решении.

— В этих документах, главным образом, содержатся свидетельства об оскорблении Святого Писания, — не скрывая удовлетворения, объявил Бурье. — Также в них идет речь о сотворении с помощью алхимии пигмеев и других маленьких существ дьявольского происхождения.

Толпа в восторге затопала ногами.

— А их покажут в качестве вещественных доказательств? — спросил кто-то.

Стража вывела нарушителя из зала, и заседание продолжилось.

Затем поднялся адвокат Дегре:

— Как адвокат обвиняемого, я приветствую приобщение к делу всех документов!

Председатель продолжил допрос.

— Для того чтобы покончить с вопросом о ядах, изготовление которых вы признали, разъясните суду. Если вы не намеревались воспользоваться ядом для покушения на кого бы то ни было, то зачем вы прилюдно похвалялись, будто сами ежедневно принимаете яд, «чтобы избежать угрозы отравления»?

— Именно так оно и есть, и сегодня я могу только повторить свои слова: я заявляю, что меня нельзя отравить ни купоросом, ни мышьяком, так как я принял этих веществ достаточно много, и у меня не будет даже легкого недомогания, если кто-то попытается отправить меня с их помощью в мир иной.

— Значит, вы и сейчас продолжаете утверждать, что невосприимчивы к ядам?

— Если я подобным образом могу удовлетворить королевский суд, то, как верный подданный, я не прошу ни о чем ином, как о возможности на ваших глазах принять любое из этих веществ.

— Стало быть, вы признаете, что владеете тайным заговором против ядов?

— Это вовсе не заговор, а практическое использование науки о противоядиях. Напротив, колдовство и суеверие — применение жабьего камня и тому подобных нелепых предметов, которые вы все, собравшиеся в этом зале — я уверен, господа, — употребляете в надежде, что они защитят вас от яда.

— Обвиняемый, вы усугубляете свою вину, глумясь и издеваясь над уважаемыми всеми обычаями. Тем не менее в интересах правосудия, которое желает пролить свет на дело в целом, я не стану останавливаться на подобных мелочах. Однако я делаю, с вашего позволения, тот вывод, что в общем и целом вы признаете себя знатоком ядов.

— Я не большой знаток ядов, чем чего-либо еще. Я нечувствителен к действию лишь самых распространенных ядов, которые я уже назвал: это мышьяк и купорос. Но разве подобное знание не ничтожно мало, если вспомнить о существовании множества растительных и животных ядов, об экзотических ядах, флорентийских и китайских ядах, с которыми ни один знаменитый врач королевства не смог бы не только бороться, но даже их обнаружить?

— А известны ли вам какие-либо из подобных ядов?

— У меня есть стрелы, с которыми индейцы охотятся на бизонов. Есть также наконечники стрел пигмеев Африки, любая из которых способна убить такое огромное животное, как слон.

— Своими речами вы усугубляете выдвинутое против вас обвинение в том, что вы знаток ядов.

— Ничуть, господин председатель, но мои пояснения клонятся к тому, чтобы показать, что если бы у меня вдруг возникло намерение отправить на тот свет бедняг, которые косо на меня посмотрели, я бы не стал изготавливать для этого столь вульгарные и легко узнаваемые яды, как мышьяк и купорос.

— Тогда зачем же вы их изготавливали?

— В научных целях; кроме того, эти вещества иногда получались в ходе химических экспериментов с минералами.

— Не будем отклоняться от сути разговора. Довольно и того, что вы сами признали свой интерес к ядам и алхимии. Из ваших слов следует, что вы способны убить человека таким образом, что никто не заметит ничего подозрительного и не заподозрит вашего участия в преступлении. Кто даст нам гарантию, что вы уже не совершили чего-либо подобного?

— Такие обвинения требуют доказательств!

— Вас подозревают в двух смертях, случившихся при странных обстоятельствах, и хотя они и не включены в досье обвинения, есть смысл их назвать: во-первых, это смерть племянника монсеньора де Фонтенака, архиепископа Тулузского.

— То есть вызов на дуэль, спровоцированный противником, и сама дуэль при свидетелях нынче считаются колдовством?..

— Месье Пейрак, советую вам переменить свой иронический тон перед судом, который лишь пытается выяснить всю правду. Что до второй смерти, которую вам приписывают, то она могла произойти как вследствие действия одного из ваших неуловимых ядов, так и собственно колдовства. Во всяком случае, вскрыв при свидетелях могилу одной из ваших бывших любовниц, мы нашли на ее трупе этот медальон с вашим поясным портретом. Узнаете ли вы его?

Анжелика увидела, как председатель Массно протянул одному из швейцарских гвардейцев какой-то маленький предмет, а тот показал его графу де Пейраку, по-прежнему стоявшему, опираясь на две трости, перед предназначенной для него скамьей подсудимых.

— Да, я узнаю миниатюру, которую эта бедная впечатлительная барышня велела с меня нарисовать.

— Эта бедная впечатлительная барышня, как вы изволили ее назвать, одна из ваших бесчисленных любовниц, мадемуазель де...

Жоффрей де Пейрак поднял руку в повелительном жесте.

— Будьте милосердны, не оскверняйте прилюдно ее имени, господин председатель. Несчастливая мертва!

— Так как зачала от любовного томления — болезни, причиной которой, как мы начинаем подозревать, явилось ваше колдовство.

— Это ложь, господин председатель.

— Тогда почему этот медальон был найден во рту умершей, а на портрете ваша грудь примерно в области сердца проколота булавкой?

— Не имею ни малейшего представления. Но после всего, сказанного вами, я полагаю, что это скорее она, будучи весьма суеверной, пыталась меня околдовать таким образом. Так что, вместо того чтобы быть чародеем, я сам становлюсь очарованным. Вот это забавно, господин председатель.

И внезапно длинный призрак, с трудом опирающийся на трости, от души расхохотался.

Публика зашевелилась, затем наступила разрядка, и по залу прокатился смех. Но Массно это отнюдь не развеселило.

— То есть, обвиняемый, вам неизвестно, что факт обнаружения медальона во рту умершей недвусмысленно свидетельствует о том, что на нее была наведена порча?

— Насколько я вижу, вы, господин председатель, разбираетесь в суевериях куда лучше меня.

Судья пропустил намек мимо ушей.

— Поклянитесь, что вы никогда не занимались колдовством.

— Клянусь своими женой, сыном и королем, что я никогда не занимался подобными глупостями, по

крайней мере, тем, что понимается под колдовством в нашем королевстве.

— Поясните ту оговорку, которую вы сделали, принося клятву.

— Я хочу сказать, что много путешествовал по Китаю и Индии и там был свидетелем странных явлений, которые доказывают, что магия и колдовство существуют, но не имеют никакого отношения к шарлатанству, практикуемому под их именем в странах Европы.

— То есть вы признаете, что верите в колдовство?

— В настоящее колдовство — да. Кстати, оно основано на природных явлениях, которые будут объяснены в последующие столетия. Но если слепо доверять ярмарочным фокусникам или так называемым ученым-алхимикам...

— Итак, вы сами перешли к вопросу об алхимии! По-вашему, в ней, как и в колдовстве, различается истинная и шарлатанская алхимия?

— Совершенно верно. Некоторые арабы и испанцы стали называть истинную алхимию сокращенно — химией, это экспериментальная наука, в которой процессы преобразования веществ могут быть воспроизведены и не зависят от того, кто именно ставит опыт, при условии, разумеется, что ученый знает свое дело. Но зато убежденный алхимик не лучше колдуна!

— Очень рад, что вы сами это сказали, вы облегчаете задачу суда. Но кто же, по-вашему, может быть хуже колдуна?

— ...Дурак и фанатик, господин председатель.

Впервые в ходе этого торжественного допроса председатель Массно утратил невозмутимость.

— Обвиняемый, призываю вас соблюдать почтительность, это в ваших же интересах. Хватит уже и того, что в своей последней клятве вы совершили наглость, упомянув Его Величество после жены и

ребенка. Если вы будете упорствовать в своем высокомерии, суд откажется вас слушать...

Анжелика увидела, как адвокат подскочил к ее мужу и хотел ему что-то сказать, но стража помешала ему. Массно вмешался, предоставив адвокату полную свободу действий, необходимых для исполнения обязанностей защитника.

— Господин председатель, я был далек от намерения оскорбить вас или кого-либо из судей своими словами, — продолжил граф де Пейрак, когда шум поутих. — Будучи ученым, я нападаю на приверженцев лженауки, называемой алхимией, а я не думаю, что кто-либо из вас, обремененных столь серьезными занятиями, втайне увлекается ей...

Это коротенькое заключение пришлось по душе судьям, важно с ним согласившимся.

Допрос возобновился в более спокойной атмосфере. Массно, покопавшись в горе бумаг, извлек из нее еще один листок.

— Вас уличили в том, что в ходе таинственных занятий, которые вы, ради своего оправдания, называете новым словом «химия», вы используете кости животных. Как вы объясните такие действия, столь мало совместимые с христианской верой?

— Господин председатель, не следует путать оккультную практику с практикой химической. Кости животных нужны мне лишь для получения золы, обладающей особым свойством поглощать лишние вещества из расплавленного свинца, высвобождая из горных пород чистое золото и серебро.

— А человеческие кости обладают теми же свойствами? — коварно спросил Массно.

— Несомненно, но, признаюсь, мне вполне хватает золы из костей животных.

— Должны ли эти животные быть сожжены живьем, чтобы пепел был пригоден для ваших занятий?

— Ни в коем случае, господин председатель. Разве вы жарите живых кур?

Лицо судьи исказилось, но он овладел собой и заметил, что по меньшей мере удивительно, что в королевстве лишь один человек использует золу от костей подобным образом, к тому же для целей, которые здравомыслящие люди сочтут странными, если не сказать кощунственными.

И, поскольку Пейрак в ответ лишь пренебрежительно пожал плечами, Массно добавил, что обвинение в кощунстве и безбожии основывалось не только на использовании костей животных и что оно еще будет рассмотрено позднее, ибо всему свое время и место.

Он продолжил:

— Не в том ли истинная роль костного пепла, что он используется в оккультных целях для того, чтобы вдохнуть жизнь в обычный металл, такой как свинец, и превратить его в благородный, такой как золото или серебро?

— Подобная точка зрения близка к умозрительной диалектике алхимиков, которые прибегают в своих так называемых экспериментах к всяческим таинственным ритуалам, но дело в том, что на самом деле создать материю невозможно.

— Подсудимый, так признаете ли вы факт изготовления золота и серебра иными способами, нежели промывание речного песка?

— Я никогда не изготовлял ни золота, ни серебра. Я лишь извлекал их.

— Однако все те породы, из которых, по вашему утверждению, вы извлекали золото, были исследованы специалистами, но ни после тщательного дробления, ни после промывки никаких драгоценных металлов в них не оказалось.

— Безусловно. Однако расплавленный свинец растворяет соединения других металлов и впитывается пористой золой, освобождая ранее невидимые частицы благородных металлов^[42].

— Значит, вы утверждаете, что можете добыть золото из любой горной породы?

— Ни в коем случае. Большинство пород не содержит драгоценных металлов, или же содержит их в ничтожно малом количестве. Нужные породы во Франции чрезвычайно редки, и их можно обнаружить лишь в результате долгих и тщательных поисков.

— Но если найти их так сложно, как же вышло, что в целом королевстве вы один добились в этом успеха?

Граф раздраженно ответил:

— Я бы сказал, господин председатель, что для этого нужен талант, более того, научные знания и тяжелый труд. Я, в свою очередь, мог бы спросить вас, как же вышло, что в целом королевстве один Люлли пишет оперы и почему вы их не пишете, хотя выучить музыкальные ноты способен каждый.

Председатель сделал недовольную гримасу, но не нашелся что ответить. Судья с лицом притворщика поднял руку.

— Говорите, господин советник Бурье.

— Господин председатель, я хотел бы спросить у обвиняемого, почему же, если месье Пейрак открыл тайный способ получения золота и серебра, этот благородный дворянин, заявляющий о своей преданности королю, даже не подумал раскрыть свой секрет нашему блистательному монарху — я имею в виду Его Величество, хотя это не только было его долгом, но и способом облегчить всему народу, и даже дворянству, бремя налогов, бремя необходимое, но тяжкое, которое несем и мы, освобожденные от уплаты

подати представители закона, выплачивая косвенные налоги.

По залу пробежал одобрительный шепот. Каждый вдруг почувствовал личную обиду на этого долговязого хромого, исполненного наглости и презрения ко всем окружающим, который намеревался один пользоваться невероятным богатством.

Анжелика ощущала ненависть собравшихся, направленную против разбитого пыткой человека, который начал пошатываться от усталости на своих тростях.

Пейрак впервые поглядел прямо в зал. Но молодой женщине показалось, что он смотрит куда-то вдаль и не видит никого из зрителей. «Неужели он не чувствует, что я здесь, что я страдаю вместе с ним?» — думала она.

Граф, казалось, колебался. Наконец он медленно проговорил:

— Я поклялся говорить вам только правду. Правда состоит в том, что в этом королевстве достижения отдельных лиц не только не поощряются, но присваиваются придворной кликой, думающей только о своей выгоде, своих страстях или своих ссорах. В подобных условиях лучшее, что может сделать человек, действительно стремящийся что-то создать, это не высываться и умалчивать о своих открытиях. Ибо сказано: «Не мечите бисера перед свиньями».

— То, что вы сейчас сказали, очень серьезно. Вы наносите вред величию короля и... самому себе, — мягко произнес Массно.

Бурье вскочил.

— Господин председатель, я, в качестве судебного заседателя, выступаю против вашего чересчур снисходительного отношения к тому, что, по моему мнению, должно быть классифицировано как преступление против Его Величества.

— Господин советник, если вы сможете дать мне отвод как председателю этого судебного процесса, я буду вам за это только признателен. Я и сам уже просил отвода, но король не удовлетворил мою просьбу, что, как я полагаю, свидетельствует о его ко мне доверии.

Бурье побагровел и сел на место, а тем временем граф усталым, но спокойным голосом объяснил, что каждый понимает долг по-своему. Не будучи по натуре придворным, он никогда не стремился рьяно убеждать всех и каждого в правоте своих взглядов. Разве не достаточно того, что он, из своей далекой провинции, ежегодно платил в королевскую казну четверть суммы всех налогов, которые приносил Франции Лангедок; и хотя подобным образом он трудился как для себя лично, так и во имя общественного блага, он предпочитал никак не афишировать свои открытия, опасаясь, что в противном случае он может быть изгнан из страны, как это случилось со многими непонятыми учеными и изобретателями.

— Короче, вы признаете, что озлоблены против государства и возносите хулу на наше королевство, — в том же мягком тоне обронил председатель.

Анжелика вновь задрожала.

Адвокат поднял руку.

— Прошу прощения, господин председатель. Я знаю, что время для моей защитительной речи еще не настало, но я хочу напомнить вам, что мой клиент — один из вернейших подданных Его Величества, что король удостоил его своим визитом в Тулузе и позднее пригласил на свое бракосочетание. Вы не можете утверждать, что деятельность графа де Пейрака была направлена против короля и государства, не выказывая при этом неуважения Его Величеству.

— Замолчите, мэтр! Я и так многое вам позволил, предоставив слово, и, будьте уверены, мы учтем ваше замечание. Но не мешайте проводить допрос, который

должен помочь судебным заседателям увидеть истинное лицо обвиняемого и понять суть этого дела.

Дегре сел. Председатель напомнил, что цель королевского правосудия состоит в том, чтобы выслушать всех, в том числе и справедливые возражения, но о действиях короля может судить лишь сам король.

— Имеет место оскорбление Его Величества... — вновь вскричал Бурье.

Я не включаю в состав обвинения оскорбление Его Величества, — отрезал Массно.

Глава 13

Массно продолжил допрос, заявив, что, помимо трансмутации неблагородных металлов в золото, совершение каких-либо действий и сам обвиняемый признает, хотя и утверждает при этом, что подобный процесс носит естественный характер и отнюдь не требует помощи дьявола, многочисленные свидетели показали, что граф наделен некоей властью очаровывать людей, особенно молодых женщин. Кроме того, они подтвердили, что на нечестивых и порочных собраниях, устраиваемых им, дамы всегда составляли значительное большинство, что представляет собой «несомненный знак вмешательства Сатаны, ибо на шабашах число женщин всегда превосходит число мужчин».

Пейрак хранил молчание, погруженный в свои мысли, так что Массно потерял терпение:

— Что вы можете ответить на этот вопрос, четко сформулированный на основании судебных дел, проведенных служителями церкви? Он, кажется, смутил вас?

Жоффрей вздрогнул, словно его разбудили.

Раз уж вы настаиваете, господин председатель, то я сделаю два замечания. Во-первых, я сомневаюсь в вашем глубоком знании судебных дел, проведенных католической церковью, ибо их подробности не могут быть разглашены за пределами церковного суда; во-вторых, ваша искушенность по части шабашей заставляет подозревать, что вы получили сведения о них из личного опыта, то есть вам хотя бы однажды довелось присутствовать на сатанинском шабаше; что же до меня, то я ни разу в жизни, хоть она и богата на приключения, Сатаны не встречал.

Председатель буквально подскочил после такой речи, которую счел личным оскорблением. Долгое время он не мог произнести ни слова, затем с угрожающим спокойствием проговорил:

— Обвиняемый, я мог бы воспользоваться этим обстоятельством и прекратить выслушивать ваши ответы, судить вас как «немого» и, кроме того, отказать вам в праве на помощь со стороны адвоката. Но я не желаю, чтобы в глазах наших недоброжелателей вы выглядели как жертва каких-то темных интриг. Вот почему я поручаю другим судьям вести допрос, и я надеюсь, вы не отобьете у них охоту выслушивать вас. Вам слово, господин протестантский советник!

Поднялся высокий человек с суровым лицом.

Главный судья сделал ему замечание:

— Мэтр Дельма, вы сегодня исполняете роль судьи. Высокое звание вершителя правосудия обязывает вас слушать заключенного сидя.

Дельма снова сел.

— Перед тем как возобновить допрос, — произнес он, — я хотел бы обратиться к суду с просьбой, отнюдь не вызванной пристрастной снисходительностью к обвиняемому, но исключительно чувством гуманности. Всем известно, что подсудимый — калека с детства, его увечье явилось следствием тех братоубийственных войн, которые долгие годы терзали нашу страну, в особенности ее юго-западные края, откуда обвиняемый родом. Процесс может затянуться, и я прошу у суда разрешить обвиняемому сесть, иначе он может потерять сознание.

— Это невозможно! — отрезал Бурье, один вид которого вызывал у Анжелики отвращение. — Согласно традиции судопроизводства, во время судебного заседания обвиняемый должен стоять на коленях перед распятием. Достаточно уже того, что ему позволили не становиться на колени.

— Я повторяю свою просьбу, — настаивал протестантский советник.

— Ну разумеется, — взвизгнул Бурье, — кто не знает, что вы считаете подсудимого почти своим единоверцем, ведь его кормилицей была гугенотка, и он утверждает, будто в детстве его искалечили католики — что, впрочем, еще нужно доказать.

— Я повторяю, что речь идет лишь о простой человечности и благоразумии. Преступления, в которых обвиняют подсудимого, вызывают у меня такой же ужас, как и у вас, но если он упадет в обморок, то, мэтр Бурье, мы никогда не закончим этого заседания.

— Благодарю вас, мэтр Дельма, но я не упаду в обморок. Прошу вас, продолжим, — отрезал обвиняемый таким повелительным тоном, что судья после секундного замешательства повиновался.

— Месье Пейрак, — вновь произнес Дельма, — я верю вашей клятве говорить только правду и верю вашим заверениям о том, что вы никогда не имели дел с нечистым духом. Но слишком многое в вашей жизни остается неясным, каковое обстоятельство не позволяет судьям в полной мере поверить в вашу искренность. Вот почему я прошу вас ответить на все вопросы, которые я задам, не имея при этом другого намерения, как только рассеять страшные подозрения, тяготеющие над вашими поступками. Вы убеждаете нас в том, что добывали золото из горной породы, которая, по мнению специалистов, золота не содержит. Допустим. Но зачем вы занялись этим странным, тяжелым трудом, к какому ваше воспитание дворянина вас никак не готовило?

— Главное, к чему я стремился, так это разбогатеть за счет своего труда и умственных дарований. Другие просят у короля пенсий, или живут на подачки богатых соседей, или впадают в бедность. Поскольку ни одна из этих возможностей меня не привлекала, я постарался извлечь максимум пользы из своих умений и из

принадлежащих мне земель. И думаю, что при этом я не нарушил Господних заповедей, ибо сказано: «Не зарывайте талант в землю^[43]». Полагаю, это означает, что ежели кому-либо дарованы способности, тот не имеет права не использовать их, но по воле Божьей обязан заставить их приносить плоды.

Лицо судьи окаменело.

— Не вам, месье, толковать нам о Божьей воле. Далее... Почему вы окружали себя распутниками и подозрительными иноземцами, которые, хотя и не уличены в шпионаже, но, по нашим сведениям, настроены враждебно по отношению к Франции и даже к Римской церкви?

— Эти люди, столь подозрительные в ваших глазах, на самом деле ученые-иностранцы, швейцарцы, итальянцы и немцы, с которыми мы обсуждали научные темы. Дискуссии о силе тяжести земли и гравитации Вселенной — увлекательное и безобидное времяпрепровождение. Что до распутства, которое мне ставят в вину, то в моем дворце случилось не больше скандальных историй, чем в те времена, когда куртуазная любовь, по словам эрудитов, «цивилизowała общество», и уж точно меньше, чем случается в наши дни — и каждый вечер — при дворе и в любом из парижских кабаков.

Судьи нахмурились, услышав такое дерзкое заявление. Но Жоффрей де Пейрак, подняв руку, воскликнул:

— Господа судьи и дворянство мантии^[44], присутствующие в этом зале! Я знаю, что, благодаря вашему здравому смыслу и чистоте нравов, вы представляете одно из самых здоровых сословий страны. Не сердитесь на меня за эти слова, относящиеся к совсем иному сословию, слова, которые вы и сами часто говорили себе.

Подкупающая искренность этой оговорки озадачила судей и клерков, которые подсознательно почувствовали себя польщенными тем, что их добродетельный и скучноватый образ жизни вознесен на такую высоту.

Дельма откашлялся и для вида полистал документы.

— Говорят, вы знаете восемь языков.

— Пико делла Мирандола^[45], живший в позапрошлом веке, знал восемнадцать, и никто не обвинял его в том, что Сатана лично взял на себя труд обучать его лингвистике.

— Наконец, установлено, что вы зачаровываете женщин. Я не хотел бы понапрасну оскорблять человека, и без того преследуемого несчастьями и бедами, но трудно представить, будто ваш физический облик настолько привлекателен для дам, что они готовы на самоубийство и млеют, едва лишь завидев вас.

— Не нужно преувеличивать, — скромно улыбнувшись, проговорил граф. — Зачарованными, как вы выразились, были лишь те, кто страстно этого желал; что же касается нескольких экзальтированных дам, то каждый из нас встречался с такими. Единственное подходящее для них место — это монастырь или, скорее, больница. Мы не должны судить обо всех женщинах на примере нескольких умалишенных.

Дельма напустил на себя еще более торжественный вид.

— Общеизвестно, и многочисленные донесения подтверждают, что в Тулузе, на своих Судах любви, нечестивых по своей сути, ибо Господь заповедал нам любить, чтобы зачать, вы публично восхваляли половой акт.

Но Господь не говорил также: «Будете зачинать подобно кобелю и суке», и я не вижу причин, по которым изучение искусства любви должно считаться дьявольским.

— Ваше колдовство, вот что исходит от дьявола!

— Будь я так искусен в колдовстве, как вы утверждаете, я бы здесь сейчас не стоял.

Судья Бурье вскочил и гневно воскликнул:

— Вы на своих Судах любви проповедовали неуважение к церковным законам; вы утверждали, что институт брака убивает истинную любовь и что набожность нельзя считать достоинством человека.

— Я действительно мог сказать, что достоинство состоит отнюдь не в том, чтобы казаться набожным, но при этом быть скупым и бессердечным, ведь истинное достоинство, которое женщины ценят в мужчинах, заключается в том, чтобы иметь веселый нрав, сочинять стихи, быть щедрым и искусным любовником. И, если мне и довелось сказать, что брак вредит любви, то я имел в виду не сам институт брака, благословенный Господом, но то, во что в наше время люди его превратили: это настоящее торжище, где родители постыдным образом торгуются из-за земель и приданого и заставляют молодых людей связывать свою жизнь друг с другом, иногда при помощи насилия или угроз, и даже если они друг друга ни разу до свадьбы не видели. Вот что разрушает священные узы брака, ибо супруги, связанные подобными цепями, не могут иначе освободиться от них, кроме как предаваясь греху.

— И у вас еще хватает наглости читать нам проповедь! — возразил сбитый с толку Дельма.

— Увы! Мы, гасконцы, все немного задиры и спорщики, — признал граф. — Именно нрав южанина толкнул меня на борьбу против глупости нашего века. В этом отношении я напоминаю знаменитого идальго Дон Кихота Ламанчского, который боролся с ветряными

мельницами, и сильно подозреваю, что выгляжу так же глупо, как и он.

Прошел еще час, а судьи все продолжали задавать обвиняемому разнообразные нелепые вопросы: каким образом он создавал «колдовские» цветы, от которых жертва впадала в состояние экстаза; каков состав возбуждающих средств, которые он изготавливал для посетителей Судов любви, чтобы тех охватывало «безумие похоти»; наконец, со сколькими женщинами одновременно он мог заниматься любовью.

Граф де Пейрак отвечал на эти досужие вымыслы то с пренебрежением, то с иронической улыбкой.

Когда он сказал, что никогда не занимался любовью более чем с одной женщиной одновременно, Анжелике показалось, что ему никто не поверил.

Бурье, которого судьи оставили вести этот щекотливый допрос в одиночку, спросил, ухмыляясь:

— Ваши возможности как любовника столь широко известны, что нас не удивило бы, если бы мы узнали о вашем пристрастии к разнообразным постыдным развлечениям.

— Будь ваш опыт так же велик, как мои способности любовника, — ответил граф, язвительно улыбаясь, — вам было бы известно, что поиск подобного разнообразия свидетельствует скорее о физическом бессилии, ищущем возбуждения в извращенных удовольствиях. Что до меня, то я уверяю вас, господа, встреча с одной-единственной женщиной в ночной тишине удовлетворяет всем моим желаниям. Хочу также добавить, — произнес он более серьезным тоном, — что ни один сплетник в Тулузе и в Лангедоке не посмеет сказать, будто с тех пор, как я женат, у меня была хоть одна любовница.

— Действительно, расследование подтверждает и эту деталь, — согласился судья Дельма.

— О! Поистине незначительную деталь! — рассмеялся Жоффрей.

Судьи от смущения заерзали на своих стульях. Массно сделал Бурье знак перейти к следующему вопросу, но тот не мог смириться с тем, чтобы документы, которые он так тщательно подделывал, не рассматривались на процессе, и упорно отказывался признать поражение.

— Вы так и не ответили на обвинение в том, что вы тайно подливали в напитки ваших гостей возбуждающие вещества, толкающие приглашенных на страшный грех против седьмой заповеди.

— Мне известно, что действительно существуют вещества, предназначенные для этой цели, к примеру шпанская мушка^[46]. Но я всегда был против того, чтобы искусственно вызывать возбуждение, которое должно возникать из биения крови в жилах и естественных приливов желания.

— Но, тем не менее, нам сообщили, что вы тщательно подбирали угощение и вино для своих гостей.

— Что же в этом странного? Разве всякий, кто хочет понравиться приглашенным, не вел бы себя точно так же?

— Вы говорили, будто имеет большое значение, что люди едят и пьют, когда намереваются кого-либо соблазнить. Вы учили искусству обольщения!

— Ни в коем случае. Я учу тому, что следует уметь наслаждаться дарованными нам земными благами, но, как и во всех других делах, для достижения поставленных целей необходимо знать правила, помогающие их достичь.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, о каких-либо аспектах вашего учения.

Жоффрей посмотрел в зал, и Анжелика увидела, как на его лице вспыхнула улыбка.

— Я вижу, подобные вопросы волнуют вас, господа судьи, не меньше, чем подростков. Что судья, что студент, каждый мечтает завоевать сердце возлюбленной, не так ли? Увы, господа, я боюсь сильно вас разочаровать. Я не в большей мере владею волшебной формулой любви, чем формулой изготовления золота. То, чему я учу, основано на человеческой мудрости. Господин председатель, вспомните времена, когда вы юным клерком вступили в стены Дворца правосудия. Не находили ли вы тогда естественным изучать все то, что помогло бы вам однажды занять ту должность, которую вы ныне исполняете? И вы сочли бы безумием подняться на кафедру и взять слово, не подготовив перед этим тщательнейшим образом свою судебную речь. Вы долгие годы боролись с трудностями, ожидавшими вас на этом пути. Почему бы не относиться к любви столь же серьезно? Невежество — вот что вредит, нет, вот что губит все. В моем учении нет ничего мистического. Но раз уж мэтр Бурье требует от меня конкретных советов, я бы порекомендовал ему, к примеру, когда он будет возвращаться домой в добром расположении духа и с намерением приласкать жену, не останавливаться в трактирах и не тянуть кружку за кружкой светлого пива. Иначе, когда спустя некоторое время он окажется с женой в постели, его может так разморить, что на следующий день разочарованная супруга поддастся искушению ответить на взгляд любезного мушкетера...

В зале послышался смех, а молодежь заплодировала.

— Конечно, я признаю, — продолжал звучный голос Жоффрея, — что нахожусь сейчас в слишком печальном положении, чтобы рассуждать на подобные темы. Но, поскольку я обязан отвечать на вопрос обвинения, то я

завершу изложение своего учения следующим положением: при служении Венере не найти лучшего возбуждающего средства, чем красивая девица, чье крепкое тело не позволит вам пренебречь плотской любовью.

— Обвиняемый, — сурово произнес Массно, — я вновь вынужден призвать вас вести себя благопристойно. Помните, что в зале находятся святые женщины, носящие монашеское одеяние и посвятившие свою невинность Богу.

— Господин председатель, замечу, что не я начал это... обсуждение, если я могу его так назвать, предмета столь деликатного... и прелестного.

Снова послышался смех. Дельма сделал замечание, что эту часть допроса следовало бы проводить на латыни, но Фалло де Сансе, впервые за все заседание открывший рот, справедливо возразил, что все присутствующие в этом зале, судейские, священники и монахи понимают латынь, так что судьям удалось бы пощадить лишь уши целомудренных стражников, лучников и воинов с алебардами.

Несколько судей взяли слово, чтобы подвести итоги проведенного допроса.

У Анжелики сложилось впечатление, что хотя обсуждение в целом оказалось весьма запутанным, суть обвинения сводилась к колдовству, оболъщению женщин с помощью дьявола и к «власти превращать металлы в настоящее золото» с помощью алхимии и Сатаны.

Она облегченно вздохнула: если обвинение заключается только в сговоре с дьяволом, то у мужа есть шанс вырваться из когтей королевского правосудия.

Адвокат представит суду доказательства того, что в ходе процедуры экзорцизма, которой был подвергнут Жоффрей, в штифт была встроена игла, и тем самым

сможет объявить как саму процедуру, так и основанные на ней обвинения несостоятельными.

Наконец, демонстрация старым саксонцем Хауэром перед судом способа, с помощью которого Жоффрей «приумножил свое богатство», возможно, убедит судей.

И тогда Анжелика позволила себе на секунду расслабиться и прикрыла глаза.

Глава 14

Когда Анжелика открыла глаза, ей показалось, что она видит какой-то страшный сон: на кафедре появился монах Беше. Беше принес клятву над распятием, которое ему протянул другой монах.

Затем глухим, прерывистым голосом он принялся рассказывать, как его дьявольским образом обманул великий маг Жоффрей де Пейрак, который при нем получил из расплавленного камня чистое золото, используя для этого философский камень, привезенный, по-видимому, из Киммерийской Страны Вечной Ночи^[47], которую, кстати, граф любезно описал ему как девственную ледяную землю, где день и ночь гремит гром, где дуют страшные ветры, вслед за которыми обрушивается град, а одна из гор беспрерывно извергает на вечные льды раскаленную лаву, но, несмотря на чудовищный жар, льды не тают.

— Вот эта последняя подробность — типичный бред сумасшедшего, — заметил граф де Пейрак.

— Не прерывайте свидетеля, — приказал председатель.

Монах продолжал витийствовать. Он заявил, что граф изготовил при нем слиток золота в два с лишним фунта весом, которое позже было апробировано специалистами и признано настоящим.

— Вы забыли упомянуть о том, что это золото я подарил его преосвященству архиепископу Тулузскому для благотворительных целей, — снова подал реплику подсудимый.

— Да, — подтвердил зловещим голосом монах. — Это золото выдержало тридцать три попытки изгнать из него нечистую силу, но, тем не менее, маг сохранил над ним власть и, когда захочет, сможет вызвать гром и

молнию и заставить золото исчезнуть. Его преосвященство архиепископ Тулузский сам был свидетелем подобного ужасающего события, и оно его потрясло. Маг хвастался и рассказывал о «гремучем золоте». А еще он утверждает, что способен таким же образом превратить в золото и ртуть. Впрочем, все эти факты изложены в докладной записке, которая находится у вас.

Массно попытался разрядить атмосферу.

— Слушая вас, отец мой, можно подумать, что подсудимый настолько могуществен, что может обрушить этот огромный Дворец правосудия, подобно тому, как некогда поступил Самсон, разрушив колонну, опору языческого храма, где его держали в плену.

Анжелика почувствовала некоторую симпатию к этому члену тулузского парламента.

Беше, вытаращив глаза, торопливо перекрестился.

— О, не ищите мага! Он наверняка столь же силен, как Самсон.

Снова послышался насмешливый голос графа:

— Обладай я и впрямь таким могуществом, какое приписывает мне этот монах-палач, я употребил бы его не на то, чтобы посредством колдовства стереть с лица земли Беше и ему подобных, а прежде всего постарался бы сокрушить волшебными заклинаниями величайшую из твердынь мира — человеческую глупость и легковерие. Декарт был не прав, когда говорил, что ум человека не может постичь бесконечности — ведь людская глупость воистину безгранична.

— Подсудимый, не забывайте, что мы собрались здесь не для того, чтобы рассуждать на философские темы, и ваши увертки не помогут.

— Ну что же, продолжим слушать этого достойного представителя средневековой науки, — насмешливо бросил де Пейрак.

Судья Бурье задал вопрос:

— Отец Беше, вы присутствовали при изготовлении золота с помощью алхимии, и вы известный ученый, так вот, какую, по-вашему, цель преследовал подсудимый, продавая свою душу Сатане? Богатство? Женщины? Что еще?

Тщедушный Беше выпрямился во весь свой рост, и Анжелике почудилось, что это ангел ада взмахнул крыльями. Она быстро осенила себя крестным знаменем, и этот жест повторили все монахини в ряду, буквально замороженные происходящим.

Беше произнес срывающимся голосом:

— Да, мне известны его цели. Богатство и любовь? Нет! Власть, заговор против короля? Тем более нет! Он хотел сравняться могуществом с самим Господом! Я уверен, он может создавать жизнь, и бросает вызов самому Создателю.

— Отец, — почтительно спросил протестант Дельма, — располагаете ли вы доказательствами этого невероятного деяния, о котором вы нам поведали?

— Я видел сам, что называется, собственными глазами, как из его лаборатории выходили гомункулы, а также гномы, химеры и драконы. Также и многие крестьяне, и я могу назвать их имена, видели, как эти существа бродили вокруг грозowymi ночами, как они выходили из лаборатории, которая однажды была почти полностью уничтожена взрывом вещества, которое граф называет «гремучим золотом», а я — неустойчивым, или дьявольским, золотом.

Весь зал в ужасе затаил дыхание. Одна из монахинь упала в обморок, и ее вынесли на свежий воздух.

Председатель в торжественном тоне обратился к свидетелю. Он еще раз заявил, что желает знать всю правду, но поскольку он назначен судьей в процессе о колдовстве, столь необычном, что ему приходится иметь дело даже с созданием живых существ, что он всегда считал не более чем сказкой, он просит

свидетеля собраться с мыслями и тщательно взвешивать свои слова.

Кроме того, он спросил у Беше, обращаясь к нему как к знатоку герметических наук и автору книг, одобренных Церковью, каким образом возможно создание живых существ и, главное, известны ли ему прецеденты сотворения искусственной жизни.

Монах вновь выпрямился и даже как будто стал выше ростом. На секунду показалось даже, что он взмывает в воздух в своей просторной серой шерстяной сутане, словно зловещая птица.

Он вдохновенно вскричал:

— На эту тему написаны знаменитые книги, мимо которых нельзя пройти. Еще Парацельс^[48] в своем труде *De Natura Rerum*, то есть «О природе вещей^[49]», утверждал, что пигмеи, фавны, нимфы и сатиры — порождения химии! Другие авторы рассказывают, что гомункулов, или маленьких человечков величиной не более большого пальца руки, можно найти в детской моче. Вначале гомункул невидим, и его кормят вином и розовой водой: о своем истинном рождении он возвещает негромким криком. Лишь могущественные маги способны творить заклинания, вызывающие к жизни подобные дьявольские создания, и присутствующий здесь граф де Пейрак — один из самых могущественных магов, ибо он сам утверждал, что для трансмутации золота ему даже не нужен философский камень. По меньшей мере, он владеет семенем Жизни и благородных Металлов, которое он разыскал, по его же словам, на другом краю земли.

Судья Бурье в возбуждении вскочил и злорадно спросил:

— Что вы можете ответить на подобное обвинение?

Пейрак нетерпеливо пожал плечами и устало сказал:

— Как прикажете опровергать видения человека, который столь явно демонстрирует все признаки безумия?

— Подсудимый, вы не имеете права уходить от вопросов, задаваемых обвинением, — спокойно вмешался Массно. — Признаете ли вы, что, как говорит этот священник, «дали жизнь» вышеназванным чудовищным созданиям?

— Ясное дело нет, и даже будь такое возможно, не вижу, чем подобная деятельность могла бы меня заинтересовать.

— Однако вы признаете, что жизнь можно создать искусственным путем?

— Кто знает, месье? Наука еще не сказала своего последнего слова, а разве природа не удивляет нас до сих пор невероятными феноменами? Во время путешествия по Востоку я видел, как некоторые рыбы превращаются в тритонов. Я даже привез несколько таких рыб в Тулузу, но здесь превращения ни разу не случилось из-за различия в климате ^[50].

— Итак, — голос Массно звучал драматическим тремоло, — вы считаете, что Творец не имеет отношения к созданию живых существ?

— Этого, месье, я никогда не говорил, — спокойно ответил граф. — У меня есть свои убеждения, но при этом я верю, что Господь — создатель всего сущего. Я только не понимаю, отчего вы запрещаете Ему предусматривать определенные условия, при которых растение превращается в животное или головастик в лягушку. В любом случае лично я никогда не «создавал» существ, которые вы зовете гомункулами.

Тогда Конан Беше вытащил из складок своей просторной сутаны небольшой сосуд и протянул его председателю.

Судьи передавали сосуд из рук в руки. Анжелика со своего места не могла разглядеть, что в нем, но она видела, что большая часть судей осенила себя крестным знаменем, и расслышала, как один из них подозвал клерка и велел ему принести из часовни святой воды.

На лицах всех членов суда застыло выражение ужаса. Судья Бурье непрестанно потирал ладони, и непонятно было, то ли он так выражал свое удовлетворение, то ли он хотел стереть следы прикосновения к нечестивому предмету.

Один лишь Пейрак глядел в сторону и не выказывал к происходящему никакого интереса.

Наконец сосуд оказался перед председателем Массно. Тот вооружился громадными круглыми очками в черепаховой оправе, чтобы получше его рассмотреть, и наконец нарушил всеобщее молчание:

— Эта разновидность чудовища больше всего напоминает мне высохшую ящерицу, — произнес он разочарованно.

— Двух таких высохших гомункулов, которые, надо думать, требовались для составления колдовских зелий, я отыскал с риском для жизни в алхимической лаборатории графа, — скромно пояснил Беше.

Массно обратился к подсудимому:

— Узнаете ли вы этого... этот предмет? Стражник, отнесите сосуд обвиняемому!

Гигант стражник, которого подозвал председатель, содрогнулся. Он колебался, мялся, наконец решительно схватил сосуд, но выронил его из рук, да так неудачно, что тот разбился.

Толпа разочарованно ахнула, но тут же подалась вперед в надежде разглядеть содержимое сосуда.

Однако перед первым рядом немедленно вырос ряд стражников и оттеснил любопытных.

В конце концов один из стражников выступил вперед, подцепил острием алебарды этот трудноопределимый объект и поднес его к самому носу графа де Пейрака.

— Это, несомненно, один из тритонов, которых я привез из Китая, — спокойно сказал тот. — Они, должно быть, сбежали из аквариума в лаборатории, где у меня стоял перегонный куб, чтобы вода, в которой они жили, всегда оставалась теплой. Бедные крошки!..

Анжелике показалось, что из всего объяснения насчет экзотических ящериц внимание собравшихся привлекло единственное слово — «аламбик», то есть перегонный куб, после которого по залу вновь прокатился вздох ужаса.

— Итак, вот один из последних вопросов обвинения, — снова заговорил Массно. — Подсудимый, узнаете ли вы этот список? Здесь перечислены еретические и алхимические книги, к которым вы особенно часто обращались, обнаруженные на одной из полок вашей библиотеки. Среди этих книг я вижу *De Natura Rerum* Парацельса, причем раздел, посвященный дьявольскому созданию чудовищных существ, таких, как гомункул, о которых поведал нам святой отец Беше, отчеркнут красной тушью, и вашей рукой туда внесено несколько слов.

Граф ответил хриплым от усталости голосом:

— Верно. Я помню, что подчеркнул кое-какие изложенные в книге нелепости.

— Кроме этого, список содержит и другие книги, которые, хотя и не имеют отношения к алхимии, тем не менее запрещены. Цитирую: «Французская любовь становится итальянской», «Любовные интриги при французском дворе» и так далее. Напечатаны они в

Гааге и Льеже, где, как всем известно, скрываются самые опасные изгнанные из королевства сочинители памфлетов и газетных статей. Их произведения тайно привозят на территорию Франции, и приобретающие такие издания становятся соучастниками их преступлений. Замечу также, что в списке наличествуют имена таких авторов, как Галилей и Коперник, учения которых осуждены Церковью.

— Полагаю, список вам передал некий дворецкий по имени Клеман, долгие годы живший в моем доме шпион, труды которого оплачивал какой-то вельможа, уж не знаю, кто именно. Список точен. Но замечу, господа, что лишь два мотива могут двигать библиофилом, добавляющим еще одну книгу к своей библиотеке. Либо он стремится иметь у себя свидетельство достижений человеческого разума, и тогда он приобретает работы Коперника и Галилея, либо он желает, взяв за точку отсчета бездну человеческой глупости, оценить успехи, достигнутые наукой со времен Средневековья, и постараться понять, какой путь науке еще предстоит пройти. Вот в последнем случае он и приобретает измышления Парацельса или Конана Беше. Поверьте, господа, чтение таких произведений — само по себе суровое наказание.

— Вы не согласны с осуждением Римской церковью нечестивых теорий Коперника и Галилея?

— Да, так как в этом случае Церковь явно ошиблась. Но это не значит, что я расхожусь с Церковью по другим вопросам. Я, конечно, предпочел бы лучше довериться ей и ее знаниям об экзорцизме и колдовстве, нежели быть вовлеченным в процесс, погрязший в изощренном словоблудии...

Председатель сделал театральный жест, словно показывая, что невозможно вести разговор со столь недобросовестным обвиняемым. Он посоветовался с

заседателями и объявил, что допрос окончен и можно приступить к выслушиванию свидетелей обвинения.

По его знаку двое стражников вышли, и тотчас за маленькой дверью, той самой, через которую вошли судьи, послышался шум.

В зал судебного заседания вошли два священника в белых сутанах, затем четыре монахини и, наконец, двое францисканцев в сутанах бурого цвета.

Группа выстроилась шеренгой перед судьейским столом.

Председатель Массно поднялся.

— Господа, мы переходим к наиболее деликатной части процесса. Мы, созванные королем, защитником Церкви Господней, чтобы вершить суд о колдовстве, должны были найти свидетелей, которые, согласно установленной Римом процедуре, привели бы бесспорные доказательства того, что месье Пейрак заключил сделку с дьяволом. Главным образом по третьему пункту процедуры, гласящему...

Он склонился над текстом.

— ... гласящему, что человек, заключивший договор с дьяволом, и традиционно называемый «истинным одержимым», обладает «сверхъестественными физическими способностями и властью над душами и телами других людей», мы обнаружили следующие факты...

Несмотря на то что в зале царил холод, Массно незаметно промокнул лоб и продолжил слегка дрожащим голосом:

— ... до нас дошли жалобы настоятельницы женского монастыря Святого Леандра в Оверни. Она заявляет, что одна из ее послушниц, недавно присоединившаяся к сестрам и которая до недавнего времени исполняла все требования устава обители, начала выказывать признаки одержимости, в которой она обвиняет графа де Пейрака. Она не скрывает, что

он когда-то вовлек ее в греховный разврат и что именно раскаяние и сожаление о своих грехах привело ее в монастырь. Но и там она не обрела покоя, ибо человек этот продолжал искушать ее на расстоянии и, несомненно, околдовал ее. Спустя некоторое время она принесла в капитул букет роз, уверяя, что его перебросил через стену монастыря некто, чей силуэт напоминал графа де Пейрака, но кто на самом деле был демоном, поскольку в тот момент времени указанный дворянин находился в Тулузе. Букет же стал причиной странного поведения сестер, которых охватило необычайное и постыдное исступление. Придя в себя, они рассказали о хромом дьяволе, один вид которого вызывал в них нечеловеческий восторг и разжигал в их телах неугасимый огонь. Послушница же, ставшая причиной беспорядков, естественно, почти не выходила из состояния транса. Встревоженная настоятельница монастыря Святого Леандра обратилась к своим начальникам. Как раз в это время был возбужден процесс против месье Пейрака, и кардинал-архиепископ Парижский передал мне документы по этому делу. Перед вами монахини из этого монастыря, которым мы можем задавать вопросы.

Перегнувшись через пюпитр, Массно с почтением обратился к одной из склонившихся монахинь:

— Сестра Карменсита де Мерекур, узнаете ли вы в этом человеке того, кто преследовал вас на расстоянии и кто навел на вас «чары дьявольские и непристойные»?

Послышалось взволнованное контральто:

— Я узнаю моего единственного властелина!

Ошеломленная Анжелика различила чувственное раздумывавшееся лицо прекрасной испанки, хотя оно и было скрыто вуалью.

Массно откашлялся и с заметным усилием произнес:

— Но сестра моя, разве вы принесли монашеский обет не для того, чтобы служить одному лишь Господу?

— Я хотела бежать от моего искусителя. Тщетно. Его образ преследует меня даже во время богослужения.

— А вы, сестра Луиза де Ренфон, узнаете ли вы того, кто являлся вам в видениях во время поражавших вас приступов безумия?

Юный, дрожащий голос отвечал:

— Да, я... мне кажется. Но у того, кого я видела, были рога...

Взрыв хохота сотряс зал. Какой-то клерк крикнул:

— Ха! Очень может быть, что ему их и наставили, пока он сидел в Бастилии!

Анжелика покраснела от ярости и унижения. Спутница взяла ее за руку, напоминая о необходимости сохранять хладнокровие, и это прикосновение успокоило молодую женщину.

Массно обратился к аббатисе:

— Преподобная мать, хотя присутствие на судебном заседании для вас крайне тяжело, я вынужден просить вас подтвердить перед судом ваше заявление!

Пожилая монахиня, казавшаяся ничуть не взволнованной, хотя и возмущенной, не заставила себя упрашивать и твердо произнесла:

— То, что последние месяцы происходит в монастыре, настоятельницей которого я являюсь вот уже тридцать лет, совершенно позорно. Нужно пожить в обители, господа, чтобы увидеть, на какие невероятные козни способен демон, когда у него появляется возможность явиться через посредство колдуна. Не стану скрывать, сколь тягостен для меня долг, который я должна сегодня выполнить, мне больно оттого, что перед светским судом я вынуждена рассказывать о делах, столь оскорбительных для Церкви, но его высокопреосвященство кардинал-

архиепископ Парижский велел мне сделать это. Однако я прошу, чтобы меня выслушали без посторонних свидетелей.

К великой радости аббатисы и к огромному разочарованию зала, председатель удовлетворил ее просьбу.

Судебные заседатели, а за ними настоятельница с остальными монахинями удалились в заднюю комнатку, обычно служившую канцелярией суда.

Осталась лишь Карменсита под присмотром четырех монахов и двух швейцарских гвардейцев.

Теперь Анжелика наконец разглядела свою бывшую соперницу. Красота испанки ничуть не поблекла. Добровольное заточение лишь сделало черты ее лица еще тоньше, а огромные темные глаза, казалось, горели каким-то восторженным огнем.

Публика тоже пожирала глазами зачарованную красавицу.

Анжелика услышала, как мэтр Галлеман насмешливо прошептал:

— Черт возьми! Я начинаю уважать этого Великого Хромого.

Молодая женщина заметила, что ее муж ни единым взглядом не удостоил только что разыгранную перед ним эффектную сцену. Сейчас, когда суд вышел, он хотел дать себе минуту отдыха. Он попытался усесться на позорной скамье, скамье подсудимых. Это ему удалось, но лицо его исказилось от боли. Долгое стояние на костылях и особенно пытка иглой, которой его подвергли в Бастилии, измучили его.

Сердце Анжелики болело, словно на нем лежал тяжелый камень.

До сих пор ее супруг держался с мужеством, превосходящим человеческие возможности. Ему удавалось говорить спокойно, но он не всегда мог

сдерживать свойственную ему иронию, которая, к несчастью, производила неблагоприятное впечатление на судей и даже на публику.

Сейчас Жоффрей демонстративно повернулся спиной к бывшей любовнице. Да и видел ли он ее? Сестра Карменсита бессознательно сделала несколько шагов к подсудимому. Стражники удержали ее и вернули на место.

Внезапно на глазах у всех чудесное лицо испанской мадонны совершенно преобразилось: его свела судорога, щеки ввалились. В какое-то мгновение показалось, что сквозь него проступают дьявольские черты.

Рот ее открывался и закрывался, словно у рыбы, выброшенной на берег. Монахиня резко поднесла руки ко рту. Ее челюсти сжались, глаза выкатились из орбит, на губах показалась сначала полоска белой пены, а затем и пузыри.

Растерянный Дегре вскочил:

— Смотрите! Это известный фокус с мыльными пузырями!

Но тут его грубо схватили и выдворили из зала суда.

Этот одинокий голос не произвел на толпу никакого впечатления, публика замороженно наблюдала за одержимой.

Конвульсия сотрясла тело монахини. Она, шатаясь, потянулась к обвиняемому. Монахи загородили ей дорогу. Тогда она остановилась и принялась рывками сдирать с себя головной убор. Прodelывая это, она кружилась, быстрее и быстрее.

Четверо монахов набросились на нее, стараясь привести в чувство.

Но то ли они не осмеливались действовать достаточно решительно, то ли им и правда не удавалось справиться с одержимой, она ловко

выскальзывала из их рук с силой тренированного борца и с ловкостью акробата.

Она бросилась на пол, и извиваясь, словно змея, проползла между ног священников под их сутанами и повалила их на землю. При этом она делала непристойные движения, пытаясь приподнять полы сутан. После двух-трех акробатических трюков бедные монахи оказались в позах, которые никак нельзя было назвать благочестивыми. Стражники растерянно глазели на мельтешение сутан и четок, но не решались вмешаться.

Наконец, одержимая, кружась вихрем и извиваясь, ухитрилась сбросить с себя плащ, а затем и рясу и внезапно встала во весь рост; в тусклом освещении публика увидела ее прекрасное тело, совершенно обнаженное.

Стоял невообразимый шум. Люди кричали, не в силах сдержать себя. Одни хотели выйти из зала, другие — все получше рассмотреть.

Почтенный судья, сидевший в первом ряду, вскочил, сорвал с себя мантию и, взобравшись в одном камзоле и коротких штанах на трибуну к Карменсите, набросил мантию на ее голову, прикрыв бесстыдную наготу одержимой.

Монахини, рядом с которыми сидела Анжелика, под предводительством своей начальницы быстро вскочили. Публика расступалась перед ними, узнавая сестер милосердия из ордена Святой Екатерины. Они окружили Карменситу и непонятно откуда взявшимися веревками связали ее, так что та не могла и шевельнуться. Затем они вышли, едва ли не торжественно уводя с собой пленницу, изо рта которой все еще шла пена.

И тут среди безумствующей толпы раздался пронзительный крик:

— Смотрите, дьявол смеется!

Несколько рук, указывая, протянулись в сторону подсудимого.

И правда, Жоффрей де Пейрак, в нескольких шагах от которого развернулась вся эта сцена, дал волю своей природной веселости. Его звонкий смех был полон прежней жизнерадостности и непринужденности, которая так восхищала Анжелику. Но потрясенные зрители восприняли этот смех как голос ада.

Публика, исполненная возмущения и ужаса, ринулась вперед. Но стражники опередили ее и скрестили алебарды. Если бы не они, то обвиняемого тут же разорвали бы на части.

— Уходите вслед за мной, — прошептала Анжелике ее спутница.

И видя, что потрясенная Анжелика колеблется, монахиня настояла:

— В любом случае сейчас очистят зал от публики. Нужно узнать, что случилось с мэтром Дегре. Он скажет нам, продолжится ли заседание после полудня.

Глава 15

Адвоката они нашли во дворе Дворца правосудия, в маленькой распивочной, принадлежавшей зятю и старшей дочери палача. Дегре, в съехавшем набок парике, был взвинчен до крайности.

— Вы видели, как они выгнали меня, воспользовавшись отсутствием судей!.. Уверяю вас, если бы я там был, я бы заставил эту сумасшедшую выплюнуть кусок мыла, который она засунула себе в рот! Ну ничего. Ахиня, которую несли эти два последних свидетеля, еще сослужит службу моей защитительной речи... Если бы отец Кирше так не запаздывал, я бы не волновался. Дамы, давайте устроимся за этим столиком у огня. Я заказал юной палачке яйца и сосиски. Палачка, красotka моя, надеюсь, ты не добавила в свою стряпню крови, вытекшей из голов казненных?

— Нет, месье, — изящно парировала молодая женщина, — она идет только в суп для бедняков.

Анжелика, опершись локтями на столик, закрыла лицо руками. Дегре бросал на нее растерянные взгляды, решив было, что она плачет, когда вдруг заметил, что ее трясет от нервного смеха.

— Ох уж эта Карменсита! — бормотала она с блестящими от слез глазами. — Ну и комедиантка! В жизни не видела ничего смешнее. Вы думаете, она специально старалась, чтобы получилось так смешно?

— Кто разберет этих женщин! — пробурчал адвокат.

За соседним столиком какой-то пожилой клерк толковал своим коллегам:

— Если эта монашенка ломала комедию, что же, это хорошая игра. В молодости я присутствовал на процессе аббата Грандена ^[51], которого сожгли за то, что

он околдовал монахинь Луденского монастыря. Там все было в точности так же. В зале не хватало плащей, чтобы прикрыть всех прекрасных девиц, которые раздевались, стоило им завидеть Грандена. Ахнуть не успеешь! В общем, считайте, что сегодня вы еще ничего не видели. На процессе по Луденскому делу были монахини, которые совершенно голыми ложились на пол и...

Он наклонился к собеседникам, чтобы шепотом досказать самые скабрёзные подробности.

Анжелика понемногу приходила в себя.

— Простите меня за этот смех. Я уже просто на грани нервного срыва.

— Смейтесь, бедняжка, смейтесь, — мрачно прошептал Дегре. — Всегда найдется время поплакать. Хоть бы отец Кирше был здесь! Черт возьми, куда он провалился?..

Услышав крики торговца чернилами, который бродил по двору с бочонком на ремне через плечо и пучком гусиных перьев в руке, адвокат подозревал его, наспех, на краешке стола настрочил записку и поручил какому-то клерку немедленно отнести ее лейтенанту полиции мессиру д'Обре^[52].

— Д'Обре — друг моего отца. Я сообщил ему, что мы заплатим сколько нужно, чтобы только он поднял на ноги всех своих людей и доставил, добровольно или силой, ко мне во Дворец правосудия отца Кирше.

— Вы посылали за ним в Тампль?

— Я уже два раза посылал туда с запиской мальчишку Кордо. Тот возвращался ни с чем. Иезуиты, у которых он спрашивал об отце Кирше, уверяют, что святой отец еще утром отправился во Дворец правосудия.

— Чего вы боитесь? — в тревоге спросила Анжелика.

— Да ничего! Просто я бы предпочел, чтобы он уже был здесь, вот и все.

— А почему Бурье так стремился сохранить обвинение в поисках сокровищ?

Дегре признался, что настойчивость Бурье его тоже удивила. Возможно, графа де Пейрака хотели выставить сумасшедшим; искателей сокровищ с их неотступным стремлением рыть землю в определенных местах в надежде, чаще всего бесплодной, обнаружить там клад, считали в лучшем случае людьми с навязчивыми идеями, одержимыми темными силами.

Массно не придавал значения ходатайствам Бурье. Зато Анжелика не смогла удержаться, чтобы не высказать свое удивление, в котором сквозило и разочарование, по поводу проворства, с коим улизнули две ключевые фигуры процесса: канцлер Сегье, министр юстиции, и Дени Талон, главный адвокат Королевского совета и главный обвинитель. Узнав об их назначении, она успокоилась, ведь занимаемые ими высокие должности служили гарантией того, что они не станут участвовать в процессе с явными нарушениями буквы закона. Но они ограничились произнесением нескольких ничего не значащих фраз и тут же покинули зал.

Дегре саркастически заметил, что небольшая комедия, разыгранная сегодня, — дело привычное. Об участии высокопоставленных персон объявляют, чтобы убедить публику в значимости процесса, но все эти важные господа быстро покидают заседание, не желая быть скомпрометированными принятым судебным решением. За свое формальное появление в суде ради престижа процесса они получают ничуть не меньший гонорар и признательность удовлетворенного их службой короля.

Анжелика сочла, что в некотором смысле это даже лучше, что вынесение окончательного судебного

решения было отложено. Может быть, теперь работа суда войдет в нормальное русло.

Дегре считал, что научная демонстрация процесса извлечения золота из руды должна убедить судей... какими бы тупоголовыми они ни были.

— Но просто убедить их — мало, надо привести их в замешательство. Только мнение отца Кирше будет веским настолько, чтобы они согласились пренебречь... тайными распоряжениями короля. А теперь идемте, сейчас заседание возобновится, и вы рискуете остаться перед закрытой дверью.

Вечернее заседание началось с заявления председателя Массно. Он сказал, что, заслушав нескольких свидетелей обвинения, судьи получили достаточно ясное представление и о различных аспектах этого сложного процесса, и о своеобразном характере подсудимого, а теперь будут заслушаны свидетели защиты.

Дегре подал знак одному из стражников, и в зал впустили шустрого парижского мальчишку.

Он сказал, что зовут его Робер Давен, что он учится слесарному делу в мастерской «Медный ключ», что на Скобяной улице, у мастера Дарона. Звонким голосом он поклялся говорить только правду, призвав в свидетели святого Элуа, покровителя гильдии слесарей^[53].

Затем он подошел к председателю Массно и передал ему какой-то маленький предмет, который тот осмотрел с удивлением и опаской.

— Что это такое?

— Это иголка с пружинкой, господин судья, — не смущаясь, ответил мальчик. — У меня ловкие руки, вот

хозяин и поручил мне изготовить такую штуку, которую заказал ему один монах.

— Это еще что за история? — спросил Массно, обращаясь к Дегре.

— Господин председатель, обвинение содержит ложные сведения, направленные на дискредитацию моего клиента, касательно его реакции во время процедуры экзорцизма, проведенной в Бастилии под руководством Конана Беше, которого из уважения к церкви я отказываюсь называть «монахом». Конан Беше заявил в этом зале, что проверка «дьявольских отметин» на теле подсудимого не оставила никаких сомнений относительно его связи с Сатаной. При прикосновении к каждой из уязвимых точек, указанных в требнике, подсудимый издавал душераздирающие крики, от которых содрогались даже тюремные надзиратели. Однако я хочу обратить ваше внимание на то, что штифт, которым пользовались во время процедуры, был изготовлен таким же образом, как и тот, что вы держите сейчас в руках. Господа, извращенная процедура «экзорцизма», на основании акта о проведении которой суд может вынести приговор, была проведена при помощи поддельного штифта. То есть вполне безобидный на вид штифт скрывал длинную иглу с пружиной, при слабом нажатии ногтем на которую игла вонзалась в тело. Я вызываю любого из присутствующих, способного проявить хладнокровие, пройти это испытание, ни разу не издав крика от боли. Господа судьи, может, кто-то из вас найдет в себе мужество пойти на эту изощренную пытку, которой подвергли моего подзащитного и ссылаясь на результат которой его обвиняют в сделке с дьяволом?

Бледный как полотно Фалло де Сансе, с напряженным лицом поднялся и протянул руку.

Но тут резко вмешался Массно:

— Довольно комедии! Это тот самый штифт, которым пользовались во время процедуры экзорцизма?

— Точная копия. Оригинал был отнесен этим же подмастерьем примерно три недели назад в Бастилию и передан Беше. Подмастерье может засвидетельствовать.

В этот момент мальчишка из озорства нажал на пружину, и игла выскочила перед самым носом Массно, который быстро отпрянул.

— В качестве председателя суда я даю отвод свидетелю, который появился черезчур поздно и даже не указан в первом списке секретаря суда. Более того, это ребенок, и его показания нуждаются в подтверждении. И наконец, не сомневаюсь, что эти показания корыстны. Сколько тебе заплатили, чтобы ты сюда пришел?

— Пока ничего, месье. Но мне пообещали в два раза больше того, что я уже получил от монаха, — двадцать ливров.

Массно в бешенстве повернулся к адвокату.

— Предупреждаю вас, если вы настаиваете на занесении в протокол подобного свидетельского показания, я сочту необходимым отказаться от допроса остальных свидетелей защиты.

Дегре склонил голову в знак покорности, а мальчишка промчался к двери в канцелярию, словно сам дьявол гнался за ним по пятам.

— Введите остальных свидетелей, — сухо распорядился председатель.

Послышался грохот, словно большая группа грузчиков перетаскивала мебель. Вслед за двумя судебными приставами в зале появилась удивительная процессия. Сначала несколько здоровенных грязно

одетых грузчиков с Центрального рынка, обливаясь потом, втащили огромные ящики странной формы, из которых торчали железные трубы, кузнечные мехи и еще какие-то невероятные предметы. Затем два маленьких савояра^[54] внесли корзины с древесным углем и глиняные горшки с непонятными наклейками.

Наконец, вслед за двумя стражниками вошел уродливый гном, которого, казалось, подталкивал вперед себя заметно испуганный мавр Куасси-Ба, который представил на всеобщее обозрение свой расписанный белой глиной обнаженный торс. Анжелика вспомнила, что в Тулузе он так же украшал себя к праздникам или во время важных опытов в лаборатории. С его появлением, как, впрочем, и при виде всего поразительного кортежа, по залу прокатился ропот удивления и ужаса.

Анжелика, напротив, облегченно вздохнула, а к ее глазам подступили слезы.

«Ах, какие отважные люди! — подумала она, глядя на Фрица Хауэра и Куасси-Ба. — Ведь они знают, чем рискуют, идя на помощь своему хозяину».

Положив свою ношу, грузчики вышли. Остались только старый саксонец и мавр. Они распаковали и установили переносную кузницу, ножные мехи, два тигля и большую купель из костной золы. Затем Хауэр развязал два мешка. Из одного с явным усилием он вытащил тяжелую черную глыбу, похожую на шлак, из другого — брусок металла, на вид напоминающий свинец.

В этот момент раздался голос Дегре:

— В соответствии с единодушным пожеланием суда увидеть и услышать все, относящееся к обвинению в колдовской трансмутации золота, вот свидетели и, выражаясь юридическим языком, «соучастники» производственного процесса, который якобы является

магическим. Прошу отметить, что их присутствие здесь совершенно добровольно. Они пришли помочь своему бывшему хозяину, а никоим образом не потому, что их имена под пыткой вырваны у моего подзащитного, графа де Пейрака... Теперь, господин председатель, прошу вас позволить подсудимому вместе с его постоянными помощниками продемонстрировать вам опыт, названный в обвинительном акте «черной магией», между тем как, по словам моего подзащитного, речь идет лишь об извлечении научным способом золота, невидимо содержащегося в некоторых горных породах.

Мэтр Галлеман прошептал своему соседу:

— Эти господа разрываются между любопытством, желанием отвесть запретный плод и строгими указаниями, полученными от очень высоких инстанций. Будь они посообразительнее, они бы отказались от демонстрации опыта, чтобы не искушать самих себя.

Молодая женщина вздрогнула, испугавшись, что проведение опыта — единственное наглядное доказательство невинности ее мужа, в самом деле, в последний момент могут запретить. Однако любопытство или даже чувство справедливости одержало верх. Массно позволил Жоффрею де Пейраку руководить демонстрацией опыта и отвечать на все необходимые вопросы.

— Но прежде можете ли вы поклясться, граф, что все эти опыты с гремучим золотом не подвергнут опасности ни Дворец правосудия, ни людей, которые здесь находятся?

Анжелика, с ее ироничным складом ума, тотчас отметила про себя, что от страха перед готовящимся действием эти непогрешимые судьи даже вернули Жоффрею титул, которого он был лишен без суда и следствия.

Жоффрей де Пейрак заверил, что никакой опасности не существует.

Судья Бурье потребовал вернуть в зал отца Беше, чтобы тот проследил за обвиняемым во время так называемого опыта и своим присутствием предотвратил какое бы то ни было мошенничество.

Массно с важностью кивнул своим париком, и Анжелика не смогла удержать нервной дрожи, каждый раз охватывавшей ее при виде монаха, который не только был настоящим злым гением этого отвратительного процесса, но, наверно, сам изобрел иглу для пытки и, возможно даже, придумал устроить комедию с Карменситой. Не пытался ли он столь чудовищным способом просто оправдать полный провал своих занятий алхимией? Или же он мрачный одержимый, у которого, как у многих сумасшедших, случаются периоды ясного сознания? В сущности, это неважно. Ненавистный Беше!

Он олицетворял собой все то, против чего боролся Жоффрей де Пейрак: он был обломком, пережитком старого мира, того Средневековья, которое, словно безмерный океан, затопило всю Европу, а теперь, отхлынув, оставило за собой озера гнилой стоячей воды софистики и диалектики.

Спрятав руки в широкие рукава своей сутаны, вытянув шею, Беше, не отрывая глаз, следил за саксонцем и Куасси-Ба, которые, выдвинув кузнечный горн и обмазав огнеупорной глиной ^[55] стыки труб, принялись раздувать огонь.

Сидевший позади Анжелики священник сказал одному из своих братьев:

— Разумеется, такое сборище чудищ в облике человеческого, в особенности этот мавр, размалеванный, словно для колдовской церемонии, неподходящее зрелище для того, чтобы успокоить смятенные души. К

счастью, Всемогущий Господь всегда подает знамения уповающим на него. Я слышал, что тайная процедура экзорцизма, проведенная согласно правилам по распоряжению парижского диоцеза, пришла к заключению, что обвинение в сделке с дьяволом несправедливо, а этого дворянина наказывают, скорее всего, за недостаток подобострастия по отношению к властям...

Эти слова утешили израненное сердце Анжелики, но в то же время еще сильнее сжали его тоской. Безусловно, священник прав. Что поделаться, раз у добрейшего Фрица Хауэра на спине горб, а лицо отликает синевой, и Куасси-Ба кажется таким страшным?

Но когда Жоффрей де Пейрак выпрямился во весь рост своего замученного пытками тела, чтобы, хромя, подойти к раскаленной докрасна печи, мрачность картины только усилилась.

Обвиняемый попросил одного из судебных приставов поднять черную пористую глыбу шлака и показать ее сначала председателю, а затем всем судьям. Другой пристав протянул каждому из них сильную лупу, чтобы они могли как следует разглядеть камень.

— Господа, перед вами штейн ^[56] расплавленного золотосодержащего пирита, добытого на моих рудниках в Сальсини, — объяснил Пейрак.

Беше подтвердил:

— Это то самое черное вещество, которое я размолот и промыл, но золота в нем не обнаружил.

— Что же, отец мой, — ответил обвиняемый с почтительностью, которая восхитила Анжелику, — сейчас вы еще раз продемонстрируете свое умение промывать золото. Куасси-Ба, подай ступку.

Монах засучил широкие рукава и принялся ожесточенно дробить и растирать кусок черного штейна, который довольно быстро превратился в порошок.

— Господин председатель, будьте так любезны, прикажите принести большой чан воды и оловянный тазик, вычищенный песком и хорошо отмытый.

Пока два швейцарских гвардейца удалились, чтобы принести все необходимое, подсудимый так же, через приставов, передал судьям слиток металла.

— Это свинец, из которого льют пули и изготавливают водопроводные трубы, свинец, как говорят специалисты, «бедный», потому что он практически не содержит ни золота, ни серебра.

— Как это можно проверить? — резонно спросил протестант Дельма.

— Я могу вам это доказать при помощи купелирования.

Саксонец Фриц Хауэр подал своему бывшему господину большую сальную свечу и два белых кубика размером в три-четыре дюйма. Перочинным ножом Жоффрей вырезал небольшое углубление на грани одного из кубиков.

— Что это за белое вещество? Белая глина? — спросил Массно.

— Эта купель изготовлена из уплотненной костной золы, что произвела на вас такое сильное впечатление в начале заседания. В действительности, как вы сейчас увидите, это белое вещество служит всего лишь для поглощения свинца, который можно расплавить на пламени сальной свечи...

Зажгли свечу, и Фриц Хауэр передал графу согнутую под прямым углом трубочку, в которую граф принялся дуть, направляя пламя на кусочек свинца, положенный в углубление кубика из костной золы.

Было видно, как направленный язычок пламени начал лизать свинец, который стал плавиться с выделением синеватого дыма.

Конан Беше назидательно поднял палец.

— Авторитетные ученые называют это действие «выдуванием философского камня», — скрипучим голосом пояснил он.

Граф на мгновение прекратил дуть на пламя.

— Послушать этого полоумного, так все камины превратятся в дыхание Сатаны.

Монах напустил на себя страдальческий вид мученика, и председатель призвал подсудимого к порядку. Жоффрей де Пейрак снова принялся дуть в трубку.

В вечернем сумраке, который постепенно наполнял зал, было видно, как расплавленный докрасна свинец забурлил, потом успокоился и наконец сделался темным, между тем как подсудимый прекратил дуть в трубку. Вдруг облачко едкого дыма рассеялось, и все увидели, что расплавленный свинец полностью исчез.

— Фокус, который совершенно ничего не доказывает, — заметил Массно.

— Он всего лишь показывает, что костная зола впитала в себя, или, если желаете, выпила весь окисленный «бедный» свинец. Следовательно, данный свинец не содержит драгоценных металлов, в чем я и стремился вас убедить на опыте, который саксонские рудокопы называют «холостым». Теперь я попрошу отца Беше закончить промывку черного порошка, в котором, как я утверждаю, содержится золото, и мы займемся его выделением.

Швейцарцы принесли чан с водой и оловянный тазик.

Круговыми движениями взболтав в тазике истолченный порошок и быстро слив воду, монах с видом победителя продемонстрировал судьям скудный

осадок тяжелых фракций породы, оставшийся на дне тазика.

— Именно это я и утверждал, — сказал он. — Никаких следов золота, даже ничтожных следов. Его появления можно добиться только с помощью магии.

— Золото нельзя увидеть, — повторил Жоффрей. — Мои помощники извлекут его, пользуясь только свинцом и огнем. Я не буду принимать участия в опыте. Таким образом вы будете уверены, что я ничего не добавляю к действиям своих помощников, не произношу никаких кабалистических формул, а речь идет всего лишь о почти кустарном способе добычи, которым пользуются обычные рабочие, такие же колдуны, как любой кузнец или котельник.

Мэтр Галлеман прошептал:

— Он говорит слишком просто и слишком хорошо. Сейчас они обвинят его в том, что он пытается околдовать судей и вообще всех присутствующих в зале.

И вновь Куасси-Ба вместе с Фрицем Хауэром принялись за дело. Беше был явно обеспокоен, но его прямо-таки распирало от сознания важности собственной «миссии» защитника церкви и от того, что его роль в процессе постепенно становится ключевой. Он, не вмешиваясь, наблюдал, как засыпали в печь древесный уголь.

Саксонец взял огромный тигель из обожженной глины, положил туда свинец, затем раздробленный до порошкообразного состояния черный шлак и присыпал все это какой-то белой солью, похоже — бурой^[57]. Наконец, он положил сверху кусок древесного угля, и Куасси-Ба начал ногой раздувать мехи.

Анжелика восхищалась терпением, с каким ее муж, который только что держал себя столь гордо и вызывающе, участвовал в этой комедии.

Он демонстративно отошел подальше от печи, к скамье подсудимых, но отблески пламени освещали его худое, изможденное лицо, едва различимое за пышной шевелюрой.

Было во всей этой сцене нечто мрачное и подавляющее.

В жарком пламени печи свинец и шлак расплавились, появился дым, а воздух наполнился едким запахом серы. Многие из тех, кто сидел в первых рядах, начали кашлять и чихать.

Временами всех судей скрывало облако темного дыма.

Анжелика даже призналась самой себе, что, как бы то ни было, судьи в какой-то степени заслуживают уважения за то, что согласились на этот если не колдовской, то, по крайней мере, очень неприятный опыт.

Судья Бурье встал и попросил разрешения подойти поближе. Массно ему позволил. Но судья, про которого поговаривали, что он способен на мошенничество, и которому, по словам адвоката, король пообещал три аббатства, если процесс завершится вынесением сурового приговора, остался стоять между печью, повернувшись к ней спиной, и подсудимым, за которым он пристально следил.

То и дело клубы дыма, окутывая Бурье, вызывали у него приступы кашля, но он не оставил свой неудобный и опасный пост, ни на минуту не спуская глаз с графа.

Судья Фалло де Сансе, казалось, чувствовал себя как на раскаленных углях. Он избегал смотреть в лицо своим коллегам и нервно ерзал в большом кресле, обитом красным бархатом.

«Бедный Гастон!» — подумала Анжелика и тут же перестала обращать на него внимание.

К этому времени тигель, куда один из охранников то и дело подкладывал уголь, раскалился докрасна, затем

почти добела.

— Стоп, — скомандовал горняк-саксонец. Покрытый потом, сажей и костной золой, он все больше становился похожим на исчадие ада.

Он подошел к одному из мешков, вынул оттуда большие согнутые клещи и вытащил ими из самого пламени тяжелый тигель. Отклонившись для упора назад и твердо стоя на кривых ногах, он без видимых усилий поднял тигель.

Куасси-Ба подставил изложницу светло-желтого цвета. Бурля и переливаясь, блестящая, как серебро струя полилась из тигля в изложницу, окутанная сверкающими искрами и клубами белого дыма.

Граф де Пейрак словно вышел из оцепенения и усталым голосом объяснил:

— Итак, произведена плавка передельного свинца, который поглотил драгоценные металлы из золотосодержащего штейна. Мы выьем слиток из изложницы и сразу произведем купелирование этого свинца в купели^[58] из костной золы, которая находится в глубине печи.

Фриц Хауэр показал купель, которая представляла собой заметной толщины белую плиту с углублением посередине. Затем он задвинул купель в печь и стал выбивать слиток из изложницы, положив ее на наковальню, и в течение непродолжительного времени величественное здание Дворца правосудия оглашалось звонкими ударами молота. Наконец, слиток аккуратно положили в углубление купели и вновь раздули огонь. Когда купель и свинец раскалились докрасна, Фриц дал знак остановить мехи, и Куасси-Ба извлек последние остатки древесного угля из печи.

В печи оставалась только красноватая купель, наполненная бурлившим расплавленным свинцом, который становился все светлее и светлее.

Куасси-Ба взял маленькие ручные мехи и направил на свинец воздушную струю.

Холодный воздух, вопреки ожиданиям, не унял жар, а, напротив, усилил его, и свинец почти засветился.

— Смотрите, это и есть колдовство! — завопил Беше. — Уголь кончился, но адский огонь порождает философский камень! Смотрите! Появляются три цвета!

Мавр и саксонец по очереди продолжали подавать воздух на расплавленный металл, который, подобно блуждающему огню, менял форму и подрагивал. В центре его теперь можно было различить огненное яйцо. И после того, как мавр отложил мехи, яйцо приняло вертикальное положение и, вращаясь, словно юла, стало блекнуть, пока не потемнело.

Но вдруг оно снова ярко засветилось и побелело, потом, подскочив, выпрыгнуло из углубления купели и с приглушенным звуком покатило по полу, остановившись у ног графа.

— Яйцо Сатаны стремится к тому, кто его создал! — вопил Беше. — Это молния! Это гремучее золото! Оно сейчас взорвется! Мы взорвемся!

Поднялся невообразимый гвалт. Во внезапно окутавшем зал полумраке Массно требовал свечей, Беше продолжал разглагольствовать о «философском яйце» и «доме премудрого цыпленка». В конце концов какой-то насмешник-клерк влез на скамью и прокричал звонкое «Кукареку!».

«О Господи, они же ничего не понимают!» — говорила себе Анжелика, заламывая руки.

Наконец в разных концах зала появились стражники с тройными канделябрами, и суматоха немного улеглась.

Концом своей трости граф, который так и не сдвинулся с места, дотронулся до металлического яйца.

— Подними-ка слиток, Куасси-Ба, и передай его судье.

Мавр без колебаний подскочил к металлическому яйцу, поднял его, и оно сверкнуло на темной ладони.

— Это золото! — задохнулся судья Бурье, который застыл на месте, как истукан.

Он хотел схватить слиток, но, едва прикоснувшись к нему, страшно завопил и отдернул обожженную руку.

— Адский огонь!

— Каким образом получается, граф, — спросил Массно, пытаясь придать твердость своему голосу, — что жар от этого раскаленного золота не обжигает вашего черного слугу?

— Всем известно, что мавры могут держать на ладонях горящие угли, точно так же, как и угольщики в Оверни.

Без приглашения со стороны судей Беше с вытаращенными глазами подскочил к слитку и вылил на подозрительный металл целый пузырек святой воды.

— Господа судьи, вы все видели, как, несмотря на проведенную согласно ритуалу процедуру экзорцизма, было создано дьявольское золото. Судите сами, до какой степени могущественно колдовство!

— Вы думаете, это настоящее золото? — спросил Массно.

Монах, скорчив гримасу, достал из своего необъятного кармана еще один флакончик и осторожно вынул из него пробку.

— Это селитряный спирт^[59], который разъедает не только латунь и бронзу, но и сплав золота с серебром. Но у меня и так нет сомнений, что это *purum aurum*, чистое золото.

— На самом деле это золото, добытое сейчас на ваших глазах из горной породы, не совсем чистое, — вмешался граф. — Если бы оно было чистым, в конце купелирования не произошло бы вспышки, которая, вместе с резким изменением состояния, вызвала другое

явление, когда слиток подскочил. Первым ученым, описавшим этот странный эффект, был Орцелиус.

Послышался мрачный голос судьи Бурье:

— А этот Орцелиус хотя бы католик?

— Без сомнений, — невозмутимо ответил Пейрак, — ведь он был шведом и жил в Средние века.

Бурье саркастически рассмеялся.

— Суд по достоинству оценит столь отдаленное свидетельское показание.

Потом произошла небольшая заминка, во время которой судьи, склонившись друг к другу, совещались, есть ли необходимость в продолжении заседания или следует отложить его на следующий день.

Час был уже поздним. Зрители устали, однако пребывали в сильном возбуждении, и уходить никто не хотел.

Анжелика не чувствовала усталости вовсе. Она как бы впала в протрацию. В глубине сознания билась лихорадочная мысль, хоть она и старалась погасить ее. Не может быть, чтобы демонстрация опыта извлечения золота могла быть истолкована во вред подсудимому... Разве выходки Беше понравились судьям? Массно мог сколько угодно твердить о своем беспристрастии, все равно казалось очевидным, что в глубине души он доброжелательно настроен к своему земляку-гасконцу. Но, с другой стороны, разве весь остальной суд не состоит из грубых и черствых северян? А среди публики один лишь отчаянный мэтр Галлеман рискнул высказать свою не слишком одобрительную оценку решений короля. Что касается сопровождавшей Анжелику монахини, то, конечно, она готова оказать помощь, но ее помощь — это помощь врача, прикладывающего лед на горящий лоб больного.

Ах, если бы все происходило в Тулузе!..

Да и этот адвокат, тоже дитя Парижа, никому не известный, ко всему прочему еще и бедный. Когда ему дадут слово?.. А вдруг он сбежит? Почему он больше не вмешивается? А отец Кирше, где он? Анжелика тщетно пыталась разглядеть среди зрителей, сидящих в первом ряду, хитроватое крестьянское лицо Великого экзорциста Франции.

Адским кольцом объял Анжелику пугающий шепот соседей:

— Говорят, Бурье пообещали три епархии, если он добьется осуждения этого человека. Пейрак виновен лишь в том, что он опередил свой век. Вот увидите, они его приговорят...

Председатель Массно откашлялся.

— Господа, — произнес он, — заседание продолжается. Подсудимый, желаете ли вы что-нибудь добавить к тому, что мы видели и слышали?

Великий Лангедокский Хромой выпрямился, опираясь на свои палки, и раздался его голос — громкий, звучный, такой подкупающе искренний, что по рядам публики пронесся вздох.

— Я клянусь перед Богом, клянусь священной для меня жизнью моей жены и моего ребенка, что я не знаю ни дьявола, ни колдовства, что я никогда не создавал по наущению Сатаны ни золота, ни живых существ и никогда не пытался причинить зла своему ближнему, напуская на него чары или порчу.

Впервые за все время этого бесконечного судебного заседания Анжелика почувствовала симпатию публики к человеку, только что произнесшему эти слова.

Чистый юношеский голос из самой гущи толпы звонко прокричал:

— Мы верим тебе!

Судья Бурье поднялся с кресла, потрясая широкими рукавами.

— Берегитесь! Вот действие тех самых чар, о которых мы еще не все сказали! Не забывайте: Золотой голос королевства... опасный голос, который соблазнял женщин...

Тот же голос воскликнул:

— Пусть он споет! Пусть споет!

На этот раз выиграла южная кровь Массно, и он принялся стучать кулаком по столу.

— Тишина! Я прикажу очистить зал! Стража, выведите нарушителей... Месье Бурье, сядьте! И чтобы больше никаких выкриков! Хватит! Мэтр Дегре, где вы?

— Я здесь, господин председатель, — ответил адвокат.

Массно перевел дух и попытался обрести хладнокровие.

Более спокойным тоном он продолжил:

— Господа, королевское правосудие должно быть защищено от любых случайностей. Поэтому, хотя настоящий процесс ведется при закрытых дверях, наш король, в своем великодушии, не пожелал лишить подсудимого права на какие-либо способы защиты. Именно с таким намерением я счел возможным разрешить подсудимому провести демонстрацию, сколь бы опасной она ни была, чтобы пролить свет на магические приемы, владение которыми поставлено ему в вину. И наконец, Его Величество проявил наивысшее милосердие, допустив присутствие адвоката, которому я и предоставляю слово.

Глава 16

Дегре встал, поклонился судьям, поблагодарил от имени своего подзащитного короля за его милосердие и затем поднялся по двум ступенькам на небольшую кафедру, с которой он должен был говорить.

Он держался так прямо, так степенно, что Анжелика с трудом узнавала в одетом в черное мужчине того долговязого мальчишку, который всюду совал любопытный нос и, ссутулившись под поношенным плащом, бродил по улицам Парижа, свистом подзывая собаку.

Пожилой низкорослый секретарь суда Клопо протянул ему бумаги по делу, преклонив колени, как то предписывал обычай.

Адвокат поглядел на судей, потом на публику. Казалось, он кого-то искал в толпе. Может быть, такое впечатление создавалось из-за желтого света свечей, но Анжелике показалось, что он бледен как смерть.

Однако когда Дегре заговорил, его голос был чистым и спокойным.

— Господа, после того как столько сил и стараний было приложено как обвинением, так и судьями, и мы смогли убедиться в том, что ваше знание закона может сравниться лишь с глубиной вашей эрудиции и знанием классических языков; после стольких усилий и стараний, повторим и подчеркнем это, преследующих лишь **ОДНУ-ЕДИНСТВЕННУЮ ЦЕЛЬ** — пролить свет королевского правосудия и вывести из мрака **ИСТИНУ**, в поисках которой вы господа, можно сказать, низвели на землю свет всех звезд, чтобы они озарили своим светом этот судебный процесс; после стольких пророческих греческих и латинских цитат, произнесенных господами королевскими судьями, что остается добавить мне,

никому не известному адвокату, для которого это первое большое дело, чтобы отыскать еще несколько слабых лучей, которые помогли бы добраться до истины, таящейся в глубине бездонного колодца самых ужасных обвинений? Истина эта кажется мне — увы! — столь недосыгаемой и открывать ее столь опасно, что меня охватывает трепет, и я почти желаю, чтобы этот робкий свет погас и оставил меня в успокоительной тьме неведения, в какой я пребывал до сих пор. Но слишком поздно! Я увидел истину, и я должен ее возвестить. Я обязан воззвать к вам: остерегайтесь, господа! Остерегайтесь, делая сейчас выбор, ибо вы будете нести за него ответственность перед будущими поколениями! Пусть не случится так, что из-за вашей ошибки дети наших детей не стали бы говорить о нашем веке словами: «То было время лицемеров и невежд, ибо знатного и благородного дворянина обвинили в колдовстве лишь по той причине, что он был выдающимся ученым».

Адвокат сделал паузу и продолжил еще более спокойным тоном:

— Вообразите себе, господа, древние времена, ту сумрачную эпоху, когда наши предки умели изготавливать лишь грубое оружие из камня. И вот один из них догадывается собрать куски некой породы, бросает их в огонь и получает твердый, режущий материал, неизвестный доселе. Но товарищи его кричат, что это колдовство, и приговаривают его к смерти. Однако проходит несколько веков — и вот уже все наше оружие изготавливают из этого материала, из железа. Приведу другой пример. Если в наши дни вы, господа, попадете в мастерскую парфюмера, неужели вы в ужасе сбежите оттуда, крича, что это колдовство, испугавшись полки с ретортами и фильтрами или запахов, отнюдь не всегда приятных? Нет, господа, подобное поведение показалось бы вам смешным. Но,

однако же, какие удивительные вещи происходят в логове этого ремесленника! Ведь он превращает в жидкость самую невидимую вещь на свете: запах! Так не уподобляйтесь тем, о которых в Библии сказаны грозные слова: «Есть у них глаза, но не видят, есть у них уши, но не слышат...»

На самом деле, господа, я не сомневаюсь, что только одно обвинение в том, что человек предается странным занятиям, не смогло бы беспокоить ваши умы, открытые ко всему новому и способные к восприятию различных точек зрения. Но жизнь обвиняемого полна странных обстоятельств, и он имеет сомнительную репутацию. Давайте подумаем, господа, как сложилась подобная репутация, и рассудим, может ли какое-либо из обстоятельств само по себе служить достаточным основанием для обвинения в колдовстве. Жоффрея де Пейрака, рожденного в семье католиков и переданного на попечение кормилицы-гугенотки, фанатики выбросили из окна замка, когда ему было всего три года. Он остался калекой с обезображенным лицом. И что же, господа, нам теперь обвинять в колдовстве всех хромых и всех, чью внешность мы можем считать пугающей? При этом, невзирая на свое увечье, граф обладает чудесным голосом, который ему помогли поставить лучшие итальянские маэстро. И что же, нам надлежит считать чародеями всех сладкоголосых певцов, слушая которых как благородные дамы, так и простые женщины млеют от восторга? Из своих путешествий граф привез тысячи удивительных рассказов. Он изучил чужеземные обычаи, еще тщательнее он изучил философию чужеземцев. Что же, теперь обвинять всех путешественников и философов? О! Я знаю, все это создает образ незаурядного человека.

А теперь я перейду к самому поразительному явлению: этот человек, обладающий глубокими

знаниями, добывший богатство благодаря своему уму, этот человек, который столь прекрасно говорит и так великолепно поет, этот человек, несмотря на свою отталкивающую внешность, умеет нравиться женщинам. Он любит женщин и не скрывает этого. Он воспевает любовь, и у него было множество любовных приключений. То, что среди его любовниц встречались экзальтированные и развратные особы, — неизбежно при том распущенном образе жизни, который, хотя и осужден Церковью, все же достаточно широко распространен. Если, господа, нам пришлось бы сжигать всех дворян, имеющих любовниц, или тех, кого преследуют брошенные любовницы, ручаюсь вам, на Гревской площади не хватило бы места для костров...

Послышался одобрителный гул голосов. Анжелика поразила мастерству Дегре. С какой ловкостью он, едва упомянув о богатстве Жоффрея, которое вызывало столько зависти, заострил внимание публики на распутной жизни дворян - досадный факт, по поводу которого добродетельные буржуа негодовали, но были не в силах изменить.

Мало-помалу он снижал значимость обвинений, доводя их до уровня провинциальных сплетен, так что вскоре публика стала изумляться тому, сколько шума можно сделать из ничего.

— Он нравится дамам, — негромко повторил Дегре, — а мы, представители сильного пола, удивляемся, отчего южанки так увлечены этим дворянином с не самой привлекательной внешностью. О, господа, не будем выносить скоропалительных суждений. Неужели хоть один человек, от сотворения мира и до наших дней, сумел понять тайну женского сердца и то, что способно породить в нем страсть? Лучше благоговейно остановимся на пороге этой тайны. Ведь иначе нам придется предать костру всех женщин!..

Раздались смех и аплодисменты, но Бурье, вскочив с кресла, прервал их.

— Хватит ломать комедию! — вскричал судья, и цвет его лица становился все более желтым. — Вы издеваетесь над судом и церковью. Или вы забыли о том, что первоначально обвинение в колдовстве выдвинул против Пейрака архиепископ? Или вы забыли, что главный свидетель по этому делу — монах, и что над обвиняемым был проведен обряд экзорцизма, доказавший, что тот одержим Сатаной?

— Я ничего не забыл, мэтр Бурье, и сейчас я вам отвечу, — серьезно произнес Дегре. — Действительно, первоначально мессира де Пейрака обвинил в колдовстве архиепископ Тулузский, его давний недоброжелатель. Сожалеет ли сей прелат о поступке, совершенном им в минуту озлобления, когда он потерял контроль над собой? Мне бы хотелось в это верить, тем более что у меня с собой целая пачка прошений со стороны его высокопреосвященства Фонтенака, в которых он неоднократно повторяет, что заключенный должен предстать перед церковным судом, и решительно отказывается признавать какие бы то ни было решения гражданского суда по делу моего подзащитного. Также он отмежевывается — господа, у меня есть письмо, и я могу зачитать его вслух — ото всех действий и показаний того, кого вы называете основным свидетелем, монаха Конана Беше. Что касается последнего, то его возбужденное состояние кажется, по меньшей мере, подозрительным любому здравомыслящему человеку, и я напоминаю, что он один несет ответственность за проведение процедуры экзорцизма — единственного, по-видимому, факта, на который может опереться обвинение. Обряд был проведен четвертого декабря прошлого года в тюрьме Бастилия в присутствии отцов Фрела и Жонатана, находящихся сейчас в зале. Я не оспариваю

подлинности отчета о проведении обряда, он действительно был совершен этим монахом и его помощниками, о которых я воздержусь говорить, ибо не знаю, объясняется ли их соучастие легковерием, невежеством или же они сознательно были сообщниками монаха Беше. — Но я оспариваю юридическую действительность проведенного обряда! — громовым голосом вскричал Дегре. — Я не хочу вдаваться в детальное описание нарушений, допущенных во время этой зловещей церемонии, но обращаю ваше внимание, по меньшей мере, на два обстоятельства. Во-первых, монахиней, притворившейся одержимой в присутствии заключенного, была та самая Карменсита де Мерекур, которая уже продемонстрировала нам свои актерские таланты, причем один из служащих канцелярии суда может поклясться, что видел, как она, выходя из зала, выплюнула кусочек мыла, с помощью которого она симулировала появление пены и приступ эпилепсии. Этот трюк хорошо знают уличные «припадочные» нищие, стремящиеся вызвать жалость у доверчивых прохожих. Во-вторых, я возвращаюсь к поддельному штифту, этому адскому инструменту с тайной иглой, который вы отказались учесть как предъявленный защитой, на том основании, что доказательств недостаточно. Но, господа, если это все же правда, если какой-то жестокий безумец подверг человека пытке, желая ввести суд в заблуждение и принудить вас вынести смертный приговор невиновному? Вот заключение врача Бастилии, сделанное через несколько дней после ужасной пытки.

И Дегре отрывистым голосом зачитал показания месье Малентона, врача Бастилии, которого призвали к постели заключенного с глубокими шрамами на лице. Врач обследовал неизвестного ему арестанта и констатировал, что все его тело покрыто маленькими

воспалившимися ранками, вызванными, по всей видимости, уколами длинной иглой.

После этих слов в зале воцарилась мертвая тишина, а адвокат медленно и торжественно произнес:

— А теперь, господа, настал час услышать великий голос, недостойным глашатаем которого я являюсь, голос, который, возвышаясь над морем человеческой низости, всегда стремится лишь к одному: направить своих верных слуг на путь благоразумия и истины. Пришло время мне, смиренному клерку, уступить слово Церкви. Вот что она говорит вам.

Дегре развернул широкий лист бумаги и прочитал:

«В ночь на 25 декабря 1660 года в тюрьме Дворца правосудия в Париже была произведена процедура экзорцизма над мессиром Жоффреем де Пейраком де Моренс д'Ирристрию, обвиняемым в том, что он общался с Сатаной и продал ему душу. Учитывая то, что, в соответствие с канонам Римской церкви, человек, действительно одержимый злым духом, должен обладать тремя сверхъестественными способностями:

1. Знанием языков, которые он не изучал;
2. Способностью угадывать и узнавать тайное;
3. Сверхъестественной физической силой;

в указанную ночь 25 декабря 1660 года я, в качестве единственного Великого экзорциста Парижской епархии, назначенного церковным судом католической церкви, в присутствии двух других братьев нашей святой конгрегации, допросил и подверг испытаниям заключенного графа де Пейрака согласно канонической процедуре. На основании чего вынесено следующее заключение: обвиняемый владеет лишь теми языками, которые изучал и не понимает, к примеру, халдейского или иврита, которые знают двое из нас; заключенный обладает глубокими познаниями в различных сферах, но ни в коем случае не провидит тайное; он не обладает сверхъестественной физической силой, однако на его

теле обнаружены раны от длинного острого предмета и давнее увечье. Мы заявляем, что обследованный нами Жоффрей де Пейрак отнюдь не одержим демоном...» Подписано преподобным отцом Кирше, членом ордена иезуитов, Великим экзорцистом Парижской епархии, и преподобными отцами де Марсаном и де Монтенья, присутствовавшими при проведении церемонии.

Стояла такая тишина, что было слышно, как зудит муха. Изумление и смятение публики достигли предела, но никто не шелохнулся и не произнес ни слова.

Дегре поглядел на судей:

— После слова Церкви что я могу добавить от себя? Господа судьи, вам надлежит вынести приговор. Но вы, по меньшей мере, сделаете это, полностью осознавая несомненный факт: Церковь, во имя которой вас призывают обвинить этого человека, признает его невиновным в колдовстве, за которое он и привлечен к суду... Господа, оставляю вас наедине с вашей совестью.

Адвокат с достоинством надел свою шапочку и спустился по ступенькам невысокой трибуны.

Тут вскочил судья Бурье и его пронзительный голос нарушил тишину:

— Пусть он придет! Пусть он сам придет! Пусть преподобный отец Кирше сам расскажет об этой тайной церемонии, подозрительной во многих отношениях, так как ее провели, не уведомив следствие.

— Отец Кирше придет, — спокойно заверил Дегре, — Он, должно быть, уже здесь. Я послал за ним.

— А я говорю вам, что не придет, — кричал Бурье, — потому что вы солгали, вы фальсифицировали все детали этой невероятной истории, все от начала и до конца, вы выдумали эту тайную процедуру экзорцизма,

чтобы воздействовать на воображение судей. Прикрываясь именами видных служителей церкви, вы хотите повлиять на приговор... Хотя обман все равно обнаружится, будет слишком поздно...

Молодой адвокат, вновь обретя свою живость, бросился к Бурье.

— Вы оскорбляете меня, месье. В отличие от вас, я не занимаюсь подлогами. Я помню о клятве, которую принес, вступая в конгрегацию адвокатов.

Зал вновь зашумел. Массно, встав, пытался что-то сказать, но над шумом возносился лишь голос Дегре:

— Я требую... я требую перенести заседание на завтра. Клянусь, что преподобный отец Кирше подтвердит свое заявление.

В эту секунду хлопнула дверь. Со двора в зал ворвалась струя холодного ветра и влетели хлопья снега. Все обернулись и увидели двух стражников, облепленных снегом с головы до ног. Стражники посторонились и пропустили невысокого коренастого смуглого человека, изысканно одетого, приехавшего в карете, судя по тому, что его плащ и парик лишь слегка намокли.

— Господин председатель, — сказал он хриплым голосом, — я узнал, что несмотря на поздний час заседание все еще продолжается, и посчитал, что обязан сообщить вам новость, которая представляется мне весьма важной.

— Мы слушаем вас, господин лейтенант полиции, — ответил Массно удивленно.

Мессир д'Обре повернулся к адвокату.

— Месье Дегре, присутствующий здесь, попросил меня отдать приказ о розыске находящегося в Париже преподобного отца-иезуита по имени Кирше. Я отправил нескольких своих людей в те места, где он мог бы находиться, но там его никто не видел, однако мне сообщили, что среди плывущих по Сене льдин

найдено тело утопленника и перевезено в морг Шатле. Я отправился туда вместе с отцом-иезуитом из Тампля, который и опознал тело своего собрата по ордену, отца Кирше. Смерть, без сомнения, настигла его ранним утром...

— Так вы не остановились даже перед преступлением! — завопил Бурье, указывая пальцем на адвоката.

Прочие судьи шумели, споря с Массно. Толпа кричала:

— Хватит! Кончайте!

Анжелика сидела ни жива ни мертва, она даже не могла понять, к кому относятся эти крики. Она закрыла уши руками.

Но тут она увидела, как Массно встал, и, опустив руки, напрягла слух.

— Господа, заседание продолжается; ввиду того что главный свидетель защиты, заявленный адвокатом Дегре, преподобный отец иезуит Кирше только что был найден мертвым и лейтенант полиции, присутствующий здесь лично, не обнаружил при нем никаких документов, подтверждающих рассказ мэтра Дегре; а также принимая во внимание то, что лишь личные показания отца Кирше могли бы придать вес известию о тайно проведенной процедуре экзорцизма, суд счел наиболее разумным... не признавать этот документ имеющим силу и удаляется для вынесения приговора.

— Не делайте этого! — отчаянно вскричал Дегре. — Отложите вынесение приговора. Я найду свидетелей. Отца Кирше убили.

— Вы и убили! — бросил Бурье.

— Успокойтесь, мэтр. Доверьтесь решению судей, — произнес Массно.

Сколько длилось совещание — несколько минут или бесконечно долго?

Анжелике казалось, что судьи никуда не уходили, что они всегда были здесь в своих черных и красных мантиях, в квадратных шапочках и что они так и останутся здесь навеки.

Но теперь они не сидели, а стояли. Губы председателя Массно зашевелились. Дрожащим голосом он произнес:

— Именем короля я объявляю, что Жоффрей де Пейрак де Моренс признан виновным в таких преступлениях как: похищение людей, обольщение, безбожие, магия, колдовство и в прочих гнусных деяниях, названных во время судебного заседания, во искупление которых он будет отдан в руки палача, отведён босиком и с непокрытой головой на паперть собора Парижской Богоматери, где принесет публичное покаяние с веревкой на шее и со свечой в пятнадцать фунтов весом в руках. После этого он будет препровождён на Гревскую площадь и заживо сожжён на костре, возведенном с этой целью, а когда плоть и кости его превратятся в пепел, пепел будет собран и рассеян по ветру. Все его состояние будет конфисковано в пользу короны. Прежде чем приговор приведут в исполнение, заключенный будет подвергнут допросу и пытке как обыкновенной, так и чрезвычайной. Объявляю, что саксонец Фриц Хауэр признан его сообщником и приговорён во искупление своего преступления к повешению и будет висеть, пока не наступит смерть на виселице, сооруженной для этой цели на Гревской площади. Объявляю, что мавр Куасси-Ба признан его сообщником и осуждён во искупление своего преступления к пожизненной каторге.

Высокая фигура, стоявшая у позорной скамьи, опираясь на костыли, пошатнулась. Жоффрей де Пейрак поднял к судьям мертвенно-бледное лицо.

— Я НЕВИНОВЕН!

Его крик гулко раздался в мертвой тишине.

Затем он продолжил спокойным, но глухим голосом:

— Мессир барон де Массно де Пуйяк, я понимаю, что поздно доказывать свою невиновность. Итак, я умолкаю. Но, прежде чем уйти, я хотел бы публично выразить вам свою признательность за попытки следовать справедливости в ходе этого судебного заседания, роль председателя на котором вам навязали и чей приговор был predetermined. Примите от меня, дворянина древнего рода, заверения в том, что вы несете свой герб с большей честью, чем те, кто вами правит.

Красное лицо президента тулузского парламента искривилось. Он закрыл глаза рукой и на провансальском языке, который был здесь понятен только Анжелике и осужденному, воскликнул:

— ПРОЩАЙ! Прощай, брат! Прощай, земляк!

Глава 17

В предрассветный час порывы ветра кружили огромные снежные хлопья. Увязая в толстом снежном ковре, присутствовавшие на процессе покидали Дворец правосудия. В дверцах карет от ветра раскачивались фонари.

Карменсита де Мерекур, как безумная, цеплялась за платье судьи, который спешил поскорей уйти отсюда. Исходя криком, она обвиняла себя в том, что убила свою единственную любовь.

Машинально продолжая идти сквозь толпу, притихшую при виде столь возмутительного зрелища, Анжелика не узнала Карменситу в этой полуобнаженной — несмотря на пронизывающий холод — женщине, чей голос перекрывал завывание снежной бури:

— Арестуйте меня... Он невиновен! Я солгала! Я хотела отомстить за то, что он полюбил другую! Полюбил другую и разлюбил меня!

Потребовался добрый десяток человек, чтобы оторвать ее от воротника председателя Массно, в который она вцепилась мертвой хваткой.

Анжелика одиноко и потерянно брела по темным парижским улицам. Когда она выходила из Дворца правосудия, людской водоворот оттеснил ее от монахини.

Бездумно возвращаясь в Тампль, молодая женщина хотела только одного: забиться в свою комнатку и склониться над колыбелькой Флоримона.

Долго ли она так блуждала по городу?.. Париж словно вымер — в такую отвратительную погоду даже самые отъявленные бандиты предпочитали отсиживаться в своих убежищах, и даже в тавернах было тихо: ночь близилась к концу, и пьяные гуляки, не собиравшиеся или не добравшиеся домой, уже храпели под столами или поверяли свои беды сонным девицам. Снег окутал город мрачной тишиной.

Дойдя до укрепленных стен Тампля, Анжелика вспомнила, что ворота, должно быть, заперты. Но тут она услышала хриплый бой башенных часов храма Богоматери Назаретской и насчитала пять глухих ударов. Бальи откроет ворота через час. Она перешла через подъемный мост и, съездившись от холода, спряталась под сводом потерны. Хлопья снега падали на нее, таяли и струйками стекали по лицу. К счастью, монашеское платье из грубой шерсти с его многочисленными нижними юбками, колпак и капюшон надежно спасали ее от холода. Только ноги уже заоченели.

Ребенок шевелился внутри нее. С внезапной яростью она сжала живот руками: почему это дитя так хочет жить теперь, когда Жоффрей должен умереть?..

Тут струящаяся завеса снега раздвинулась, и под своды потерны, тяжело дыша, прыгнуло какое-то чудище.

Когда мгновенный испуг прошел, Анжелика узнала Сорбонну.

Собака положила передние лапы ей на плечи и шершавым языком принялась лизать ее лицо. Анжелика погладила Сорбонну, пытаясь разглядеть во мраке снежной бури знакомый силуэт. Сорбонна — это Дегре. Дегре придет и принесет с собой надежду. Наверное, у него уже есть новый план, и он скажет ей, что нужно еще сделать, чтобы спасти Жоффрея.

Она услышала стук башмаков по деревянному мосту. Адвокат осторожно приблизился.

— Вы здесь? — прошептал он.

— Да.

Она не видела его, но Дегре стоял так близко, что, когда он заговорил, Анжелика уловила в его дыхании запах табака, и этот запах до боли напомнил ей о поцелуях Жоффрея.

— Когда я выходил из Дворца правосудия, меня пытались арестовать, но Сорбонна задушила одного из полицейских. К счастью, мне удалось скрыться. Собака взяла ваш след и привела меня сюда. Теперь вы должны исчезнуть. Вы меня поняли? У вас больше нет имени, вы ничего больше не предпринимаете, вообще ничего. Иначе однажды утром вас найдут в Сене, как и отца Кирше, а ваш сын станет круглым сиротой. Что до меня, то я предвидел ужасную развязку и подготовился к ней. У ворот Сен-Мартен меня ждет лошадь. Через несколько часов я уже буду далеко отсюда.

Анжелика вцепилась в насквозь промокший камзол адвоката. Зубы ее стучали.

— Вы ведь не уедете?.. Не бросите меня?

Он накрыл руками маленькие кулачки молодой женщины и разжал ее пальцы.

— Я все поставил на карту ради вас, и я потерял все, кроме своей шкуры.

— Скажите... Скажите, могу ли я сделать еще хоть что-нибудь для мужа?

— Все, что вы можете для него сделать...

После небольшого колебания он быстро произнес:

— Найдите палача. Заплатите ему тридцать экю, чтобы он удавил его до... до костра. Тогда он не будет страдать. Держите, вот тридцать экю.

Она почувствовала, как он сунул ей в руку кошелек. Затем повернулся и ушел, не говоря больше ни слова.

Собака не сразу решилась следовать за хозяином. Она вернулась к Анжелике и поглядела на нее добрыми глазами, в которых светилась преданность. Дегре свистнул; Сорбонна подняла уши и бросилась к нему, исчезнув в ночи.

Глава 18

Мэтр Обен, палач, жил в доме на площади Позорного столба, на территории рыбного рынка — именно там, где ему и полагалось, потому что место проживания парижских палачей оговаривалось в документах об их назначении на должность с незапамятных времен. Палачу принадлежали все лавки на рынке, и он сдавал их в аренду мелким торговцам. Кроме того, он обладал «правом изъятия» — правом забирать с каждого прилавка столько овощей, зерна, сколько мог унести в руках, а кроме того, по одной речной и морской рыбине, и пару соломенной обуви.

Если торговли рыбой были королевами рынка, то палач был местным сеньором, внушающим одновременно ужас и презрение.

Именно к нему в сопровождении юного Веревки-нашее с наступлением ночи отправилась Анжелика. Даже в столь поздний час жизнь на рынке была ключом. Пройдя по Горшечной и Сырной улицам, Анжелика вступила в этот особый квартал. Ее сразу же оглушили пронзительные зазывающие крики местных торговков, знаменитых на весь Париж их красными лицами и цветистым языком. На рынке они были привилегированным классом. В кучах мусора, в текущих по улицам грязных ручьях грызлись собаки; дорогу то и дело преграждали телеги с сеном и дровами. И над всем этим плыл поднимавшийся с рыбных прилавков запах гнили, какой бывает на морском берегу после отлива.

К нему примешивалась тошнотворная вонь с расположенного поблизости кладбища Невинных, из тех ужасных оссуариев, где вот уже пять столетий

копились бранные останки парижан. Зловонную смесь разбавляли резкие запахи мяса и сыра.

Посередине площади высился позорный столб. Он представлял собой узкую двухэтажную восьмигранную башню с остроконечной крышей. Через высокие стрельчатые окна второго этажа виднелось огромное железное колесо, расположенное в центре башни.

Сегодня туда посадили вора. Его голова и руки высовывались через отверстия, проделанные вокруг колеса. Время от времени ученик палача принимался его вращать. Тогда посиневшее от стужи лицо вора и его свисающие руки по очереди показывались в окнах, напоминая фигурку в каких-то чудовищных механических часах. Зеваки, собравшиеся у столба, потешались над гримасами бедняги.

— Это Хвастун, самый известный карманник рынка, — передавали они друг другу.

— Ну! Теперь его каждый узнает!

— Пускай только появится в торговых рядах, торговцы и служанки вмиг заголосят: «Хватайтесь за кошельки!»

У позорного столба собралась большая толпа. Но зеваки хотели не столько поглазеть на наказанного вора, сколько раздобыть билеты у двух слуг, сидевших на первом этаже.

— Смотрите, мадам, — с некоторой гордостью сказал Вережка-на-шее, — эти люди хотят раздобыть местечко получше, чтобы поглазеть на завтрашнюю казнь. Об заклад готов побиться, на всех мест не хватит.

И с бесчувственностью — качество, необходимое при его профессии, которое со временем поможет ему стать превосходным палачом, — он показал ей объявление, которое глашатаи зачитывали в то утро на каждом перекрестке:

«Мэтр Обен, исполнитель приговоров высшего и низшего сеньориальных судов города Парижа и его

окрестностей, предлагает по сходной цене места на эшафоте, с которых открывается прекрасный вид на костер и с которых можно будет наблюдать завтрашнее сожжение колдуна на Гревской площади. Билеты можно купить у позорного столба, обращайтесь к подручным палача. Места отмечены геральдической лилией, билеты — Андреевским крестом».

— Хотите, я и вам добуду билет. Ну, если деньги у вас водятся, — любезно предложил ученик палача.

Анжелика содрогнулась.

— Нет, нет.

— Что ж, как хотите, — философски заметил он. — Но я предупреждаю, что так, без билета, вам даже близко к костру не подойти. Когда вешают, то народу немного: дело-то привычное. А вот на костре жгут куда реже. Такая давка начинается, что хоть святых вон выноси! Мэтр Обен говорит, что он уже заранее беспокоится. Он не любит, когда вокруг столько народу и все кричат. Говорит, с ними никогда не угадаешь, что им в голову взбредет. Ну вот, мадам, мы и пришли. Входите.

Комнатка, куда ее привел Веревка-на-шее, оказалась чистой и аккуратной. Только что зажгли свечи. За столом ели кашу из деревянных мисок три маленькие девочки, чьи светлые волосики были покрыты чистыми и выглаженными льняными чепчиками.

У очага жена палача чинила красную одежду своего мужа.

— Здравствуй, хозяйка. Вот, я привел ту даму, которая хочет поговорить с хозяином, — сказал ученик.

— Он во Дворце правосудия. Скоро будет. Присядьте, милочка.

Анжелика присела на скамью у стены. Женщина время от времени украдкой бросала на нее взгляд, но ни о чем не спрашивала — в отличие от любой другой

горожанки, окажись та на ее месте. Сколько она уже повидала растерянных жен, убитых горем матерей, отчаявшихся дочерей, приходивших к палачу за последней милостью, умоляющих облегчить страдания любимого человека... Сколько их было, с руками, полными золота, а иной раз — с речами, полными угроз... Все они приходили в этот тихий дом с одной и той же целью: добиться от палача самого главного, в то же время невозможного — соучастия в побеге!

Испытывала ли жена палача сострадание или оставалась равнодушной, но она сохраняла молчание, и в комнате звенел только тихий смех девочек, поддразнивавших Веревку-на-шее.

Заслышав шаги у порога, Анжелика привстала, но это был не тот, кого она ждала — в дверях появился молодой священник. Перед тем как войти, он долго и тщательно вытирал свои заляпанные грязью грубые башмаки.

— Мэтр Обен дома?

— Он скоро вернется. Прошу вас, входите, господин аббат, и присаживайтесь у очага, если желаете.

— Благодарю за доброту, мадам. Я принадлежу к Миссии^[60], и мне поручили напутствовать приговоренного к завтрашней казни. Я пришел к мэтру Обену, чтобы предъявить ему письмо, подписанное господином лейтенантом полиции, и просить его разрешить мне встречу с несчастным. Когда готовишься принять смерть, ночь, проведенная в молитвах, не будет лишней.

— Конечно, — кивнула жена палача. — Садитесь, господин аббат, просушите плащ. Веревка-на-шее, подбрось-ка в очаг вязанку хвороста.

Она отложила в сторону красный балахон и взялась за прялку.

— А вы смелый человек. Не боитесь колдуна? — спросила она.

— Все мы создания Господа, и в свой смертный час даже самые ужасные грешники заслуживают сострадания. А этот человек невиновен. Он не совершал тех страшных преступлений, в которых его обвинили.

— Все они так говорят, — философски заметила хозяйка.

— Будь господин Венсан жив, костра бы завтра не было. Я слышал, как незадолго до смерти он с тревогой говорил о несправедливом обвинении, предъявленном одному из дворян нашего королевства. Проживи господин Венсан еще чуть дольше, он бы взошел на костер вместе с осужденным и объявил народу, что тот невиновен и что лучше он сам сгорит вместо него.

— Ах, именно это и не дает покоя моему бедному мужу! — воскликнула женщина. — Вы не поверите, господин аббат, сколько он из-за этой казни крови себе испортил! Он заказал шесть месс в Сент-Эсташ^[61], по мессе у каждого бокового алтаря. А если все пройдет хорошо, он закажет еще одну у главного алтаря.

— Если бы господин Венсан был с нами...

— ...больше не было бы в Париже воров и колдунов, а у нас — работы.

— Вы бы продавали селедку на рынке или цветы на Новом мосту и вряд ли были бы несчастнее, чем теперь.

— Как знать, — рассмеялась хозяйка.

Анжелика посмотрела на священника. После сказанных им слов ей захотелось встать, назвать свое имя и воззвать к его милосердию. Священник был совсем молод, но в нем горел тот же огонь, что и в господине Венсане. У него были большие руки, и держался он безыскусно, как простолюдин; но можно

было не сомневаться, что и перед королем он вел бы себя так же. Однако Анжелика не шелохнулась. Последние два дня она пролила немало слез в своей маленькой и бедной комнатухе, наедине со своим горем. Но теперь слез не осталось, а сердце зачерствело, и никакой бальзам не смог бы его исцелить. Отчаяние оказалось плодородной почвой для проросшего в ее душе цветка ненависти. «За те страдания, что они причинили ему, я заставлю их заплатить стократ», — в этом решении она черпала силы жить и действовать дальше. Разве можно простить таких, как Беше? Она сидела неподвижно, прямая, напряженная, а ее руки под накидкой судорожно сжимали кошелек, который ей дал Дегре.

— Хотите верьте, хотите нет, господин аббат, — говорила жена палача, — но мой самый страшный грех — гордыня.

— Надо же, вы меня поражаете! — воскликнул священник, хлопая себя по коленям. — В словах, которые я сейчас скажу, мало человеколюбия, но, дочь моя, вас же все презирают из-за работы вашего мужа! Даже соседки отворачиваются от вас, когда вы проходите мимо, и шепчутся у вас за спиной! Как же вы можете впасть в грех гордыни?

— Увы, это так, — вздохнула бедняжка. — Когда я вижу, как мой муж, крепко стоя на ногах, поднимает огромный топор и — бац! — одним ударом отсекает голову, я ничего не могу с собой поделаться — горжусь им, и все! Понимаете, господин аббат, не так-то легко отрубить голову одним ударом.

— Дочь моя, вы меня пугаете, — произнес аббат.

И добавил:

— Души людские неисповедимы.

В этот момент дверь отворилась, в комнату ворвался уличный шум с площади, и размеренной тяжелой поступью вошел широкоплечий великан. Он

проворчал приветствие и огляделся с видом человека, всегда уверенного в своей правоте. Его полное, покрытое мелкими оспинками лицо с тяжелыми, грубыми чертами было совершенно бесстрастным. Такое лицо бывает у людей, которые в определенных обстоятельствах не должны ни смеяться, ни плакать; лицо гробовщиков и... королей, думала Анжелика, которой этот мужчина, несмотря на его грубый с широкими рукавами плащ ремесленника, вдруг странным образом напомнил Людовика XIV.

Перед ней стоял ПАЛАЧ!

Анжелика и священник поднялись, приветствуя вошедшего, и аббат молча протянул палачу рекомендательное письмо лейтенанта полиции.

Мэтр Обен подошел к свече, чтобы прочесть его.

— Хорошо. Завтра на рассвете вы подниметесь к нему вместе со мной.

— Нельзя ли сегодня вечером?

— Это невозможно — все уже закрыто. К приговоренному могу провести только я, а я, господин кюре, откровенно говоря, сейчас хотел бы заморить червячка. Другим ремесленникам запрещают работать после комендантского часа^[62], но для моей работы не существует ни дня, ни ночи. Когда господам из этих, работающих в высшем суде, жить не быть надо выбить из кого-нибудь признание, они в дикую ярость приходят и готовы хоть всю ночь не спать, но своего добиться! Так и сегодня, все пошло в дело: и вода, и испанский сапог, и дыба.

Священник молитвенно сложил руки.

— Несчастный! Один, в темной камере, после таких пыток и в страхе перед близкой смертью! Господи, помоги ему!

Палач с подозрением взглянул на него:

— Надеюсь, хоть вы не доставите мне неприятностей? Мне хватает и этого монаха, Беше — он у меня уже в печенках сидит: что бы я ни сделал — все ему мало! Клянусь святым Элуа и святым Косьмой, скорее это он одержим дьяволом!

Говоря это, мэтр Обен опустошал глубокие карманы плаща. Он бросил несколько предметов на стол, и девочки восхищенно закричали; но их восторженным возгласам вторил крик ужаса.

Анжелика, широко раскрыв глаза, глядела на несколько золотых монет и на инкрустированную жемчугом коробочку, в котором Жоффрей держал сигары. Не владея собой, она схватила вещицу и прижала к себе.

Палач, нисколько не разозлившись, забрал у нее коробочку.

— Спокойно, девочка. Все, что я нахожу в карманах тех, кого пытаю, по закону принадлежит мне.

— Вы вор! — задыхаясь, выпалила она. — Гнусный стервятник, мародер!

Палач неспешно взял с края полки стоявший там сундучок резного серебра и молча сложил в него свои трофеи. Его жена, продолжая пряхсть, покачала головой. Глядя на священника, она извиняющимся тоном прошептала:

— Знаете, они все говорят одно и то же. Не нужно на них сердиться. Но все же она должна понимать, что от сожженного и так проку мало. Ведь нам не достанется тело, на котором можно немного подзаработать, продав жир аптекарям, а кости...

— О, дочь моя, пощадите! — перебил ее священник, закрыв уши руками.

Он посмотрел на Анжелику глазами, полными сострадания, но она не заметила его взгляда. Дрожа, она кусала губы. Она ведь оскорбила палача! Теперь он

точно откажет ей в той ужасной услуге, о которой она собиралась его просить.

Той же тяжелой, размеренной поступью Обен обошел вокруг стола и подошел к Анжелике. Засунув пальцы за широкий пояс, он спокойно спросил:

— Чем, кроме этого, могу вам служить?

Дрожа, не в силах вымолвить ни слова, Анжелика протянула ему кошелек. Он взвесил его в руке и снова уставился на нее ничего не выражающими глазами.

— Хотите, чтобы я удавил его?

Она кивнула.

Мужчина открыл кошелек и, высыпав несколько экю на широкую ладонь, ответил:

— Ладно. Сделаю.

Уловив испуганный взгляд молодого священника, слышавшего этот разговор, палач нахмурился.

— Вы же ничего не расскажете, кюре? Верно? Вы же понимаете, что я сильно рискую. Если кто заметит, у меня будут большие неприятности. Удавить нужно в самый последний момент, когда дым уже немного скроет столб с осужденным от публики. Вы же понимаете — я помочь хочу...

— Да... Я ничего не скажу... — выдавил аббат. — Я... Можете на меня положиться.

— Я вас пугаю, не так ли? — заметил палач. — Вы в первый раз напутствуете осужденного на казнь?

— Во время войны, когда я раздавал подаяние, собранное господином Венсаном, я часто сопровождал несчастных, приговоренных к повешению, и шел с ними до самого дерева. Но то была война со всеми ее ужасами и ожесточением... А здесь...

И он удрученно показал на девочек, чинно сидящих за столом перед своими мисками.

— Здесь — правосудие, — торжественно закончил за него палач.

Мэтр Обен по-свойски облокотился на стол — было видно, что он не прочь поболтать.

— Вы мне нравитесь, кюре. Напоминаете мне одного тюремного священника, вместе с которым я долго работал. Честное слово, ни один из осужденных, которых мы отправили на тот свет, не умер, не поцеловав распятие — и это целиком его заслуга. Когда дело было окончено, он плакал, словно потерял собственное дитя, и частенько, чтобы привести его в чувство, мне приходилось заставляя его выпить бокал вина. Я до сих пор беру с собой кувшин с добрым вином — никогда не знаешь, что может случиться, особенно с учениками. Мой папаша был еще в подмастерьях, когда на Гревской площади четвертовали Равальяка, убийцу Генриха IV. Отец рассказывал... Хотя, если подумать, эта история вам вряд ли придется по душе. Расскажу позже, когда вы пообвыкнетесь. Короче, время от времени я вот что спрашивал у священника: «Кюре, ты как думаешь, сам-то я в ад попаду?» А он отвечал: «Если попадешь, палач, то я попрошу Бога, чтоб и меня туда же отправил». Пойдите-ка, аббат, я вам сейчас кое-что покажу, это вас немного успокоит.

Мэтр Обен порылся в одном из своих многочисленных карманов и извлек оттуда маленький флакон.

— Рецепт я получил от отца, а он, в свою очередь, — от дяди, который был палачом при Генрихе IV. Изготавливает мне это снадобье под страшной тайной один из моих друзей-аптекарей, а я ему в обмен достаю человеческие черепа для какого-то чудодейственного порошка^[63]. Такой порошок, дескать, лучшее средство от камней в почках или апоплексического удара, но помогает оно, только если сделано из черепа молодого человека, умершего насильственной смертью. Что ж... такая уж у аптекарей работа. Я ему притаскиваю череп-

другой, а он, ни слова не говоря, делает мне это снадобье. Так вот, если дать несколько капель микстуры тому, кто находился под пыткой, к нему возвращаются силы и он меньше страдает от боли. Но даю я его только тем, чьи родственники мне заплатили. Как говорится, услуга за услугу, верно, господин аббат?

Анжелика слушала, как замороженная. Палач повернулся к ней.

— Хотите, чтобы я завтра утром дал ему немного?

Побелевшие губы плохо слушались ее, но она смогла ответить:

— Я... у меня больше нет денег.

Обен взвесил на руке кошелек:

— Ладно, войдет в общую плату.

И он снова открыл сундучок, чтобы убрать туда деньги.

Анжелика пробормотала что-то на прощанье и вышла за порог.

Ее тошнило. Поясница болела, все тело как-то странно ломило. И все же на шумной площади, среди криков и смеха она почувствовала себя лучше, чем в зловещей атмосфере дома палача.

Несмотря на холод, двери лавочек оставались открытыми. В этот час, как обычно, соседи болтали друг с другом. Стражники вели в тюрьму Шатле вора, снятого с позорного столба, и ватага мальчишек швыряла в него снежками.

Позади себя Анжелика услышала торопливые шаги. Молодой аббат, тяжело дыша, догнал ее.

— Сестра... Моя несчастная сестра... — бормотал он.

— Я не могу допустить, чтобы вы ушли в таком состоянии!

Она резко отпрянула. В полумраке, при свете жалкого фонаря одной из лавок, ее лицо казалось бледным, почти прозрачным, а зеленые глаза светились

фосфоресцирующим огнем, так что священник испугался.

— Оставьте меня, — холодно произнесла Анжелика, — вы ничего не можете для меня сделать.

— Сестра моя, молитесь Господа...

— Во имя Господа завтра сожгут моего ни в чем не повинного мужа.

— Сестра, не умножайте своей скорби бунтом против Небес. Вспомните, что во имя Божие распяли и нашего Спасителя^[64].

— Вздор, который вы несете, сводит меня с ума! — пронзительно вскричала Анжелика, и собственный голос показался ей каким-то чужим и далеким. — Клянусь, мне не будет покоя до тех пор, пока, в свой черед, я не покараю одного из ваших собратьев, пока ненавистный монах не умрет в тех же чудовищных муках, что и мой муж!

Она прислонилась к стене, спрятала лицо в ладонях, и из ее груди вырвались ужасные рыдания.

— Но вы его увидите... скажите ему, я люблю его, я люблю его... Скажите... что, я была с ним счастлива. И еще... спросите, какое имя мне дать ребенку, который должен родиться.

— Я все сделаю, сестра моя.

Он хотел взять ее за руку, но она отпрянула, отвернулась и пошла своей дорогой.

Священник не пошел за ней. Подавленный тяжким грузом людских страданий, он скрылся в улочках, по которым еще бродила тень господина Венсана.

Анжелика спешила к Тамплю. Ей казалось, что она теряет рассудок, потому что со всех сторон слышались крики и в висках непрерывно стучало:

— Пейрак! Пейрак!

Наконец она остановилась. Нет, ей не почудилось.

— ... Их господин и третий маг — вельможа де Пейрак... И Сатане ... достался приз!..

Взобравшись на каменную тумбу, — она служила для того, чтобы всадники поднимались на нее, садясь в седло — тощий мальчишка во все горло распевал хриплым голосом последние куплеты песенки; под мышкой он зажимал целую стопку листков с полным текстом.

Анжелика вернулась и попросила один листок. Дешевая бумага еще пахла непросохшей типографской краской. На темной улице разобрать слова было невозможно. Анжелика сложила листок и пошла дальше. По мере того как она приближалась к Тамплю, мысли о Флоримоне вытеснили все остальные. Она всегда боялась оставлять ребенка одного, особенно сейчас, когда он стал таким непоседой, а госпожа Скаррон уехала. Его приходилось привязывать к кровати, и малышу, разумеется, это совсем не нравилось. Когда матери не было дома, он непрерывно плакал, и Анжелика заставляла его задышающимся от кашля и дрожащим.

Еще на лестнице она услышала рыдания малыша и заторопилась наверх.

— Вот и я, мое сокровище, мой маленький принц. Как жаль, что ты еще такой маленький!

Она быстро подбросила хворосту в камин и поставила подогревать котелок с кашей на подставку. Флоримон вопил во все горло и тянул ручки к матери. Наконец она освободила малыша из его тюрьмы, и он тут же, словно по волшебству, замолчал, наградив ее очаровательной улыбкой.

— Маленький разбойник, — вздохнула Анжелика, вытирая его залитую слезами мордашку.

Внезапно ее сердце оттаяло. Она подняла сына на руки и залюбовалась им при свете пламени, красные отблески которого отражались в темных глазах ребенка.

— Маленький король! Мой ангелочек! У меня остался только ты! Какой же ты красивый!

Флоримон, казалось, ее понимал. Он выпятил свою маленькую грудь и улыбнулся с бессознательной гордостью и самоуверенностью. Всем своим видом малыш показывал, что осознает себя центром вселенной. Анжелика понянчила его и поиграла с ним. Он щебетал, как птенец. Мамаша Кордо не льстила, для своего возраста он действительно хорошо разговаривал. Хотя у него еще не вполне получалось связывать друг с другом отдельные слова, выразить свои желания Флоримон умел. Когда мать выкупала его и стала укладывать, он потребовал, чтобы она спела любимую колыбельную — «Зеленую мельницу».

Анжелике с трудом удавалось унять дрожь в голосе. Ведь поют от радости, а когда сердце истерзано ужасной мукой, тяжело просто говорить, а уж, чтобы петь нужны нечеловеческие усилия.

— Еще! Еще! — требовал Флоримон.

Затем он с блаженным видом принялся сосать большой палец. Он невольно вел себя как маленький тиран, но Анжелика не сердилась на него. Она с ужасом думала о той минуте, когда он заснет и ей придется в одиночестве ждать утра. Наконец малыш уснул, и она долго смотрела на спящего сына, а потом встала, чувствуя себя разбитой и истерзанной. Быть может, это пытки, которыми сегодня терзали Жоффрея, отзывались такой болью в ее теле? Ее преследовали слова палача: «Сегодня все пошло в ход». Она не знала точно, какие ужасы скрывались за этими словами, но понимала, что человека, которого она любила,

заставили перенести адские муки. Ах, хоть бы скорее все кончилось!

И она произнесла вслух:

— Завтра вы обретете покой, мой любимый. И наконец, будете избавлены от людского невежества...

На столе лежал сложенный вдвое лист бумаги, купленный сегодня у мальчишки. Она поднесла его к свече и прочла:

*Однажды Сатана сидел в аду, скучал,
Пред зеркалом свой облик изучал.
И заключил, что не такой уж он урод,
Как думает о нем земной народ.*

Дальше в песне порой остроумно, по большей же части непристойно описывалось недоумение дьявола, почему это люди изображают его на фресках церквей как чудовище, хотя на самом деле лицо у него краше, чем у многих из людей. Черти предлагают ему устроить состязание в красоте и сравнить себя с грешниками, которые вот-вот должны прибыть в ад.

*И вдруг, удача! - нынче поутру,
Трех магов предали костру.
И вот сквозь пламя, гарь и чад,
Их души черные спустились в ад.*

*Один колдун с лиловой рожей,
Второй с ужасно черной кожей,
Их господин и третий маг,
Хромой вельможа де Пейрак.*

*Не удивлен никто наверно,
Что испугался ад безмерно,
От страха черти присмирели,
А демоны, и вовсе улетели.*

*И Сатане, вот так сюрприз!
За красоту достался приз!...*

Анжелика взглянула на подпись: «Клод Ле Пти,
Грязный Поэт».

Сжав губы, она скомкала листок.

«Этого я тоже убью», — подумала она.

**Часть четвертая
Колокола собора Парижской
Богоматери**

Глава 19

«Жена да последедует за своим мужем», — сказала себе Анжелика, когда взошла заря и небо над колокольнями города окрасилось в нежные чистые цвета.

А значит, она пойдет. Она последует за ним до конца. Только придется быть осторожной, чтобы не выдать себя: ведь ее могут арестовать. А что, если он заметит ее, узнает в толпе?

Со спящим Флоримоном на руках она спустилась и постучала в дверь комнатки вдовы Кордо, которая уже разжигала огонь в печи.

— Матушка Кордо, можно я оставлю его у вас на пару часов?

Старуха, словно печальная ведьма, взглянула на нее:

— Положите его на мою кровать, я за ним присмотрю. И верно, это будет справедливо, бедный мой ягненочек! Палач занимается отцом, палачиха займется сыном. Идите, девочка моя, и помолитесь Богоматери Утешительнице скорбящих послать вам силы все вынести.

С порога она окликнула Анжелику:

— А на рынок не заходите, пообедаете со мной, как вернетесь.

Анжелика с трудом заставила себя ответить, что не надо на нее готовить, ей не хочется есть. Старуха покачала косматой головой и ушла, что-то бормоча себе под нос.

Как во сне, Анжелика вышла из ворот Тампля и пошла на Гревскую площадь.

Туман над Сеной только начал рассеиваться, и сквозь него проступали очертания величественной

городской ратуши, выходящей на широкую площадь. Было еще очень холодно, но чистое небо обещало солнечный день.

На другом конце площади возвышался крест на каменном цоколе, а на установленной рядом виселице качалось тело повешенного.

Уже стал собираться народ, и пришедшие толпились вокруг виселицы.

— Это мавр, — слышались голоса.

— Да нет, это другой. Его вздернули еще ночью. Вот привезут на телеге колдуна, то-то он на него полюбуется.

— Но у него лицо совсем черное.

— Это потому что его повесили, а вообще-то у него рожа синяя. Ты же слышал песню?

Кто-то напел:

*Один колдун с лиловой рожей,
Второй с ужасно черной кожей,
Их господин и третий маг,
Хромой вельможа де Пейрак
... И Сатане достался приз!..*

Анжелика зажала рот рукой, чтобы не закричать. В безобразном трупe с черным, распухшим лицом и вывалившимся языком она узнала саксонца Фрица Хауэра. Уличный мальчишка поглядел на нее и расхохотался:

— А эта баба уже в обморок падает! Что же с ней станет, когда будут поджаривать колдуна?

— Говорят, женщины на него летели, как мухи на мед.

— А то! Он же был богаче короля!

— А все свое золото он делал с помощью дьявола!

Анжелику била дрожь, и она поплотнее запахнула плащ.

Толстый колбасник, стоявший на пороге своей лавки, добродушно обратился к ней:

— Вы бы лучше ушли отсюда, дочка. Сейчас здесь начнется такое, на что совсем негоже смотреть женщине, которая вот-вот родит.

Анжелика упрямо покачала головой.

Взглянув на ее бледное лицо и огромные обезумевшие глаза, торговец пожал плечами. Он много лет жил здесь, на площади, и уже насмотрелся на бедняг, бродивших вокруг виселиц и эшафотов.

— Казнь точно состоится здесь? — спросила Анжелика безжизненным голосом.

— Смотря на какую казнь вы пришли поглядеть. Знаю, что сегодня утром в Шатле должны повесить какого-то писаку. А если вы о колдуне — так это здесь, на Гревской площади. Смотрите, костер — вон там.

Костер был сложен довольно далеко от того места, где она стояла, почти на берегу реки. Это была огромная куча вязанок хвороста, из вершины которой словно вырос столб с приставленной к нему лесенкой.

Недалеко от костра находился эшафот, где обычно рубили головы. Но сегодня там расставили скамейки, и на некоторых уже рассаживались первые зрители из числа тех, кто выкупил место.

Время от времени налетал ледяной ветер, швырявший в покрасневшие на холоде лица пригоршни снежной пыли. Маленькая старушка укрылась от метели под навесом лавки колбасника.

— Морозно сегодня, — вздохнула она. — Мне бы сейчас стоять на рынке, продавать себе спокойно рыбу возле горячей жаровни. Да я обещала сестре принести косточку колдуна. Говорят, от ревматизма помогает.

— Да, говорят, средство сильное.

— Так и есть. Цирюльник с улицы Мыловарни обещал, что растолчет мне ее с маковым маслом — лучшего средства от боли и не сыскать.

— Вот только достать ее будет непросто. Мэтр Обен, палач, потребовал, чтобы охрану удвоили.

— Конечно, этот стервятник, чертов разбойник, хочет все кусочки себе к рукам прибрать! Ну да палач там или не палач, а каждый получит свою долю, — и старуха хищно улыбнулась, обнажив гнилые зубы.

— Пожалуй, у собора Парижской Богоматери скорее выйдет заполучить хоть лоскуток его рубашки.

Между лопаток Анжелики сбежала струйка холодного пота. Она совсем забыла про начало страшного представления, про публичное покаяние!

Она кинулась было к улице Ножовщиков, но поток людей, хлынувший на площадь, закрыл проход и отбросил ее назад. Нет, ей ни за что не успеть к собору!

Толстый колбасник оторвался от дверного косяка и подошел к ней.

— Послушайте, вам нужно к Нотр-Дам? — тихо и с сочувствием в голосе спросил он.

— Да, — пролепетала она, — я совсем забыла... я...

— Я скажу, что делать. Перейдите площадь и спуститесь к винной пристани. Там попросите лодочника довести вас до Сен-Ландри, а уж оттуда вы до Нотр-Дам доберетесь минут за пять.

Она поблагодарила его и снова бросилась бежать. Торговец оказался прав. За пару су лодочник посадил ее в свое суденышко, пару раз взмахнул веслом — и они причалили к пристани Сен-Ландри. Увидев высокие деревянные дома, фундаменты которых утопали в куче отбросов и гнилых фруктов, она смутно вспомнила ясное утро и Барбу, говорившую: «Вон там, перед Ратушей, Гревская площадь. Я видела, как там сожгли колдуна...» Анжелика бежала мимо апсиды собора Парижской богоматери по пустынной улице, где жили каноники собора.

До нее докатился глухой рокот толпы, перекрываемый тяжелым, зловещим колокольным

звоном, возвещавшим о казни. Анжелика бежала. Она так и не поняла, откуда у нее взялась нечеловеческая сила, чтобы пробиться сквозь плотные ряды зевак и оказаться в первых рядах, у самой паперти.

В тот же миг над площадью пронесся протяжный вопль толпы, возвестивший о приближении осужденного. Люди стояли настолько плотно, что процессия едва двигалась, и помощники палача пытались расчистить путь, разгоняя людей ударами кнута.

Наконец показалась маленькая деревянная повозка. Это была одна из тех грубых телег, в которых вывозили нечистоты со всего города. Даже сейчас на ней еще виднелись налипшие грязь и солома.

Над позорной повозкой возвышалась фигура палача. Мэтр Обен стоял, подбоченясь, в красных сапогах и красном балахоне, с городским гербом на груди, и тяжелым взглядом оглядывал исступленную толпу. На борту повозки сидел священник. Колдуна не было видно, и народ кричал, требуя показать его.

— Он, наверное, лежит на дне телеги, — сказала женщина, стоявшая рядом с Анжеликой. — Говорят, полумертвый.

— О, надеюсь, что нет! — внезапно воскликнула другая ее соседка, прелестная розовощекая девушка.

Между тем телега остановилась около огромной статуи Великого Постника. Конная стража, с алебардами наперевес, удерживала людей на расстоянии. На паперть поднялось несколько полицейских, окруженных монахами различных братств.

Движением толпы Анжелику стало теснить в задние ряды. Но она, крича и царапаясь, как фурия, отвоевала свое место.

Внезапно все притихли, в воздухе висел лишь тяжелый похоронный звон. У паперти появился и стал

подниматься по ее ступеням какой-то призрак. Затуманенные глаза Анжелики видели только светящийся белый силуэт. Только сейчас она осознала, что одна рука осужденного обвита вокруг шеи палача, другая — вокруг шеи священника, и они его попросту тащат, а сам он даже не переставляет ног. Голова с длинными черными волосами свесилась на грудь.

Впереди с огромной свечой в руках шел монах; ветер то и дело пригибал язычок пламени, и монаху приходилось пятиться задом наперед, чтобы не дать свече погаснуть. Анжелика узнала Конана Беше. Его лицо, лицо фанатика, было искажено злорадным восторгом и торжеством. На шее у него висело тяжелое белое распятие, болтавшееся почти на уровне колен и то и дело заставлявшее его спотыкаться. Из-за всего этого казалось, что он исполняет перед осужденным фантастический танец смерти.

Процессия двигалась медленно, как в кошмарном сне. Наконец, поднявшись на паперть, осужденный и сопровождающие остановились перед порталом Страшного Суда ^[65].

С шеи смертника свешивалась веревка. Из-под белой рубахи виднелась босая нога: он стоял босиком на ледяных плитах.

«Это не Жоффрей», — подумала Анжелика.

Это был не тот мужчина, которого она знала, — утонченный и жизнерадостный. Сейчас перед ней был мученик, один из тех несчастных, которых приводили сюда «босыми, в одной рубахе, с веревкой на шее»...

Тут Жоффрей де Пейрак поднял голову. На его измученном, бледном, изуродованном лице жили только огромные черные глаза, и они сверкали мрачным огнем.

Какая-то женщина пронзительно взвизгнула:

— Он смотрит на меня. Он меня заколдует!

Но граф де Пейрак не глядел на толпу. Он смотрел прямо перед собой, на старые каменные статуи святых, установленные перед серым фасадом собора.

Какую молитву он им возносил? Что они ему обещали? Видел ли он их вообще?

По левую сторону от осужденного встал секретарь суда и гнусавым голосом принялся зачитывать приговор. И хотя колокольный звон прекратился, все равно слова было трудно разобрать.

— ...За совершенные преступления: похищение людей, обольщение, кощунства... колдовство... передать в руки палача высшего сеньориального суда... с непокрытой головой и босыми ногами... принести публичное покаяние... держа зажженную свечу в руках, на коленях...

Только увидев, что секретарь сворачивает пергамент, зрители поняли, что он закончил читать.

Конан Беше произнес предписанную формулу публичного покаяния:

— Признаю себя виновным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Прошу Господа простить меня. Принимаю наказание во искупление своих грехов.

Свечу держал священник, так как осужденный не мог поднять ее сам.

Все ждали, что колдун заговорит. Толпа теряла терпение.

— Ты рот-то откроешь, дьявольский приспешник?

— Не хочется гореть в аду вместе со своим хозяином-Сатаной?

И тут Анжелика поняла, что ее муж собирается с последними силами. Его мертвенно-бледное лицо словно ожило. Он оперся на плечи священника и палача и выпрямился, так что стал казаться выше даже мэтра Обена. И еще до того, как он произнес хоть слово, любовь подсказала Анжелике, что он сейчас сделает.

В морозном воздухе разнесся глубокий, проникновенный, чудесный голос.

Золотой голос королевства пел в последний раз.

Он пел на провансальском языке бearnскую песню, известную Анжелике.

*Les genols flexez am lo cap encli
A vos reclam la regina plazent
Flor de las flors, nou Jhesus pres nayssenca
Vulhatz guarda la cientat de Tholoroza...*

Лишь одна Анжелика понимала слова:

*...Согнув колени, преклонив главу,
Судьбу свою я вам дарю, царица,
Молю, храните родину мою,
Цветок любви и древнюю столицу...*

*Тулуза! Юга нежная обитель.
Ты божья колыбель, цветущий рай,
Благословил тебя Спаситель,
Венец короны, милый сердцу край.*

*Ты трубадура преданная муза!
Цвети всегда, любимая Тулуза.*

Боль острым кинжалом пронзила Анжелику, и она не сумела сдержать крик.

Этот отчаянный крик стал единственным звуком в наступившей внезапно зловещей тишине, ибо голос певца умолк. Монах Беше выбросил вперед руку с распятием из слоновой кости, ударил осужденного по губам — и его голова снова упала на грудь. Струйка крови побежала от разбитой губы по подбородку и капнула на паперть. Но Жоффрей тут же снова выпрямился.

— Конан Беше! — тем же чистым и громким голосом воскликнул он. — Я назначаю тебе встречу через десять дней перед судом Господним!

По толпе пробежала дрожь ужаса, и неистовые вопли заглушили слова графа де Пейрака. Зрителей захлестнули ярость и неистовое возмущение. И вызвал их не поступок монаха, а высокомерие осужденного. Никогда еще не случилось подобного скандала на паперти собора Парижской Богоматери! Петь!.. Он осмелился петь! И ладно бы еще псалом! Но осужденный пел на незнакомом, дьявольском языке... И не видно было, чтобы он раскаивался; он еще и отдавал приказы своим мучителям.

Толпа ринулась вперед и, словно гигантская волна, отшвырнула Анжелику. Оглушенная, стиснутая едва не до смерти, с отдавленными ногами, Анжелика вжалась в угол портала. Под рукой она почувствовала створку двери, толкнула ее и, задыхаясь, ввалилась в сумрак пустого собора.

Она старалась взять себя в руки и справиться с внезапной пронзительной болью. Ребенок в ее животе шевелился. Когда Жоффрей пел, он толкнулся так сильно, что она едва не вскрикнула.

В храме вопли уличной толпы звучали приглушенно. Через несколько минут шум достиг апогея, а потом постепенно стал стихать.

«Нужно отсюда выбираться, нужно спешить на Гревскую площадь», — сказала себе Анжелика. И она покинула свое убежище в стенах собора.

На паперти кучка мужчин и женщин устроила потасовку там, где Беше ударил графа де Пейрака.

— Зуб колдуна мой! — крикнул один из них. Окружающие набросились на него, и он пустился наутек.

Какая-то женщина размахивала белой тряпкой.

— Я оторвала кусок его рубахи! Кому еще нужна? Она счастье приносит!

Анжелика побежала. За мостом Нотр-Дам она догнала толпу, окружавшую телегу, но по улицам Корзинщиков и Ножовщиков пробиться вперед было уже невозможно. Анжелика умоляла пропустить ее. Никто ее не слушал. Люди, казалось, посходили с ума. Солнечные лучи растопили снег, он сползал с крыш и падал целыми пластами на головы и плечи, но никто не обращал на это даже малейшего внимания.

Наконец Анжелика добралась до площади, и в то же мгновение увидела, как из кучи хвороста вырвался огромный язык пламени. Простерев к нему руки, она услышала, собственный безумный крик:

— Он горит! Горит!

Словно дикая кошка, она продралась к месту казни. На нее дохнуло жаром костра. Ветер раздувал огонь, и пламя гудело.

Костер разгорался так яростно, будто ревела буря или грохотала гроза. Чего ради эти человеческие фигуры мечутся у желтых языков пламени в лучах солнца? И что за человек в красном ходит вокруг костра и тычет пылающим факелом в вязанки хвороста?

И зачем тот, другой, в черной сутане, с опаленными бровями вцепился в лестницу, зачем он тянет, насколько хватает руки, к огню распятие и кричит:

— Надежда! Надежда!

А кто там, внутри пламени? Боже милостивый, разве может в этом пекле находиться живое существо? Нет, он не должен быть живым, ведь палач задушил его!

— Слышите, как он кричит? — говорили люди вокруг.

— Нет, он не кричит, он мертв, — повторяла Анжелика бессмысленно.

Но и ей казалось, что из-за огненной завесы несутся душераздирающие вопли, и она закрывала уши руками.

— Как он кричит! Как кричит! — говорили в толпе.

А другие возмущались:

— Зачем это на него надели капюшон? Мы хотим видеть, как он корчится!

Порыв ветра вынес из костра горящие бумажные листы, и их пепел падал на головы зевак.

— Это сжигают вместе с ним его дьявольские книги...

Тут ветер пригнул языки пламени, и на один момент, короткий, как вспышка молнии, перед Анжеликой открылась гора книг из библиотеки отеля Веселой Науки и столб с привязанным к нему черным, неподвижным человеком, голова которого была закрыта темным капюшоном.

Она потеряла сознание.

Глава 20

Анжелика очнулась в лавке колбасника на Гревской площади. «Господи, как мне дурно! — приподнявшись, подумала она. — И почему так темно? Неужели я еще и ослепла?»

Над ней склонилась женщина с подсвечником в руке.

— Ну, вот вам и лучше, малышка! А я уж было засомневалась, жива ли. Приходил лекарь, сделал вам кровопускание. Но я думаю, вам дурно потому, что скоро начнутся роды.

— Нет-нет, — Анжелика положила руку на живот. — Я жду ребенка только недели через три. Отчего так темно?

— А как же, ведь уже поздно. Только что отзвонили к вечеру.

— А костер?

— Все закончилось, — и женщина добавила, понизив голос: — Но длилось долго. Ну и денек сегодня выдался! Тело догорело только к двум часам пополудни. Когда стали рассеивать пепел, началась настоящая драка — все хотели получить хоть щепотку! Даже палача едва на куски не разорвали.

Она помолчала и спросила:

— А вы его знали, этого колдуна?

— Нет, — выдавила из себя Анжелика, — нет! Понятия не имею, что на меня нашло. Просто я никогда в жизни ничего подобного не видала.

— Да. В первый раз это производит ужасное впечатление. Мы-то, торговцы с Гревской площади, столько уже всего перевидали, что нас ничем не проймешь. Даже вроде не хватает чего-то, если на виселице никто не болтается.

Анжелике хотелось отблагодарить этих добрых людей, но у нее оставалась только какая-то мелочь. Она сказала, что вернется позже и возвратит хозяевам лавки деньги, которые они заплатили лекарю.

В синих вечерних сумерках колокол на Ратуше возвестил об окончании рабочего дня. С приходом ночи заметно похолодало.

На краю площади ветер шевелил похожие на огненные лепестки огромного цветка красные угли — все, что осталось от костра. Подойдя ближе, Анжелика услышала голос мэтра Обена, который вместе со своими помощниками наводил на площади порядок. Она нерешительно приблизилась к нему, не зная толком, что именно хотела бы у него спросить.

Палач сразу же узнал ее.

— А, вот и вы! — сказал он. — Я вас ждал. Вот ваши тридцать экю.

Анжелика, ничего не понимая, смотрела на кошелек, который он ей протягивал.

— Я не смог его задушить, — с искренним сожалением произнес палач, — но это не моя вина.

Он наклонился к ее уху и прошептал:

— Кто-то завязал веревку узлом.

— Узлом?

— Да. Похоже, этот человек что-то заподозрил и завязал узел, чтобы осужденного нельзя было задушить — понимаете, петля не скользила, а мне уже пора было спускаться.

Палач медленно выпрямился и добавил:

— Думаю, эту шутку сыграл с нами тот монах с мрачным взглядом.

Он колебался, глядя на обращенное к нему бледное лицо женщины, словно спрашивал себя, нужно ли рассказывать остальное. По характеру палач не был болтлив, к тому же боялся сказать лишнее. Но он все же решился заговорить — словно его подтолкнуло что-то,

что было сильнее его неприязни к разговорам. Он снова наклонился к уху Анжелики.

— Сдается мне, колдун знал, что так случится. Когда он увидел меня с веревкой в руках, он сказал мне: «Слишком поздно! Уходи отсюда побыстрее, палач!»

Анжелике показалось, что она сейчас снова упадет в обморок. Слова палача наполнили невыносимым горем ее истерзанное сердце, в котором нежность к Жоффрею смешивалась с лютой ненавистью к монаху Беше. Такая душевная рана уже никогда не затянется.

— Оставьте деньги себе, — сказала она бесцветным голосом.

Из тени эшафота вышла неприметная фигура капеллана. Он приблизился к Анжелике, но та в ужасе отшатнулась — складки его сутаны источали тошнотворную вонь, смесь пепла и сгоревшей плоти.

— Я знал, что вы придете, сестра, — сказал он. — Я ждал вас. И хотел заверить, что ваш муж, подле которого я находился все утро, умер, как истинный христианин. Он был готов к смерти и не противился воле Божией. Он не хотел расставаться с жизнью, но не боялся смерти. Несколько раз он повторил, что будет рад встретиться лицом к лицу с Творцом всего сущего. Мне кажется, огромным утешением для него была уверенность, что он узнает наконец... — голос аббата стал неуверенным и даже несколько удивленным, — узнает наконец, вертится ли Земля^[66].

— О! — воскликнула Анжелика, которую вызванный последней фразой гнев привел в чувство. — Как это на него похоже! Все мужчины одинаковы. Ему нет никакого дела до того, что он оставляет меня в нищете и отчаянии на этой самой Земле, которая то ли вертится, то ли нет!

— Да нет же, сестра моя, нет! Он много раз повторял: «Скажите ей, что я люблю ее. Она наполнила мою жизнь. Увы! В ее жизни я останусь лишь эпизодом; но я верю, что она сможет стать счастливой». И еще он просил передать, что хотел бы назвать ребенка Кантором, если родится мальчик, и Клеманс, если это будет девочка.

Кантор де Мармон, трубадур из Лангедока, и Клеманс Изор, муза «Цветочных игр» Тулузы...

Каким все это теперь казалось далеким! Насколько иллюзорным выглядел тот мир на фоне тех страшных часов, которые недавно пережила Анжелика! Она побрела в сторону Тампля, но каждый шаг давался ей с большим трудом.

Еще некоторое время она цеплялась за обиду на Жоффрея, и эта обида придавала ей сил. Конечно, его, мужчину, не волновали разные там женские глупости — что она здесь заливается слезами, а душа ее стонет от боли. Ну не чепуха ли?.. Зато он, по ту сторону жизни, наконец найдет ответ на вопрос, который занимал его возвышенный ученый ум!..

И вдруг из глаз Анжелики хлынули слезы. Ей пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

— О, Жоффрей, любовь моя! — прошептала она. — Теперь ты узнал, вертится ли земля... Будь счастлив в вечности!

Боль стремительно нарастала и становилась все нестерпимее. Анжелика почувствовала, как в ее теле словно что-то оборвалось. Тогда она поняла, что происходит. Сейчас отойдут околоплодные воды. У нее начались роды. А до Тампля было еще далеко. Она заблудилась, пока плутала по городу, и, присмотревшись, поняла, что находится рядом с мостом Нотр-Дам.

По улице ехала телега. Анжелика окликнула возницу:

— Я больна. Вы не довезете меня до Отель-Дьё?

— Я сам туда еду, — ответил возница. — Нужно забрать груз на кладбище. Я перевозжу мертвецов. Садись, красавица.

Глава 21

— Как вы его назовете, дочь моя?
— Кантор.
— Кантор! Но это не христианское имя!
— Мне наплевать, — ответила Анжелика. — Дайте ребенка.

Она приняла из рук акушерки крохотное существо, еще красное и влажное, которое мужеподобная повитуха, только что встретившая его в этом печальном мире, обернула в лоскут грязной простыни.

Сердце Анжелики было разбито. Истерзанное тело истекало кровью, как и душа. Прежняя Анжелика умерла вместе с Жоффреем. Зато вместе с маленьким Кантором родилась новая Анжелика, другая женщина, у которой остались лишь слабые следы былой нежности и наивности.

Необузданность и жестокость, таившиеся в непокорной девчужке из Монтелу, выплеснулись черным потоком в брешь, пробитую несчастьями и ужасом.

Она оттолкнула рукой лежавшую рядом хрупкую женщину, которая тихо бредила в жару. Другую соседку, роженицу, у которой с утра не прекращалось кровотечение, Анжелика отпихнула к краю постели, но та стала возмущаться. Запах ее крови, пропитавшей матрас, вызывал головокружение и приступы тошноты. Анжелика потянула на себя второе покрывало. Соседка по кровати снова тихо запротестовала.

«Они обе все равно обречены, — думала молодая мать. — Пусть хоть мы с малышом попробуем согреться и выжить».

Лежа с открытыми глазами в пахнущем разложением сумраке, пока еще не окончательно придя

в себя, Анжелика смотрела сквозь драный полог на желтый свет масляных ламп.

«Как странно! — думалось ей. — Умер Жоффрей, а в ад попала Анжелика».

В этой гнусной дыре от густого тошнотворного запаха испражнений и крови темнело в глазах. Словно в ночном кошмаре, отовсюду слышались плач, стоны и жалобы. Пронзительные вопли новорожденных и вовсе не смолкали. Казалось, будто звучит бесконечный псалом — то громче, то тише, то вдруг с новой силой, но уже в другом конце палаты.

От ледяного холода не спасали даже жаровни, установленные на пересечениях коридоров, потому что сквозняки сразу уносили тепло.

Теперь Анжелика понимала, отчего бедняки испытывают ужас перед больницей.

Разве это не преддверие царства смерти?

Разве можно выжить, если повсюду болезни и грязь, если выздоравливающие лежат вперемешку с заразными больными, а хирурги оперируют на грязных столах теми же самыми лезвиями, которыми несколько часов назад брили бороды клиентам в своих цирюльнях?

Близился рассвет. Колокола созывали прихожан на мессу. Анжелика вспомнила о тех, кто умер в Отель-Дьё: в этот утренний час монахини кладут их трупы в ряд перед воротами больницы, вскоре приедет телега и отвезет тела на кладбище Невинных. Может быть, луч зимнего солнца скользнет по готическому фасаду старинного здания больницы, но завернутых в саваны умерших он не оживит.

На острове посреди Сены, снабжавшей Париж водой и в то же время служившей для стока нечистот, Отель-Дьё, окутанный речным туманом, напоминал идущий навстречу заре корабль с проклятым грузом на борту.

Чья-то рука отдернула полог кровати. Два санитары в грязных холщовых рубахах оглядели трех женщин на убогой кровати, подхватили лежавшую с края — ту самую, что страдала от кровотечения, и бросили ее на носилки. Анжелика увидела, что несчастная мертва. На носилках уже лежал трупик младенца.

Анжелика перевела взгляд на собственного ребенка, которого она прижимала к груди. Почему он не кричит? Вдруг он тоже умер? Но нет, он просто спал, сжав кулачки, с тем умиротворенным, забавным выражением на лице, которое бывает только у новорожденных. Вид малыша меньше всего на свете напоминал о том, что он — дитя скорби и изгой. Личико его было похоже на бутон розы, а головка покрыта светлым пушком. Анжелика без конца тормозила его, боясь, что он мертв или умирает. Тогда младенец открывал еще мутные, голубоватые глазки, а потом снова засыпал.

Монахини в палате занимались другими роженицами. Они были беззаветно преданы своему делу и работали с такой самоотверженностью, какую им могла придать только вера. Но из-за отсутствия гигиены множество проблем были просто неразрешимы.

Анжелика, отчаянно цепляясь за жизнь, заставила себя выпить целиком содержимое протянутой ей чашки.

Потом, отгоняя мысли о метавшейся в лихорадке соседке и о пропитанном кровью матрасе, она попыталась заснуть, чтобы восстановить свои силы. Перед глазами проплывали смутные видения. Она думала о Гонтране. Вот он бредет где-то по дорогам Франции; останавливается перед мостом и пишет портрет таможенника, чтобы побересть свой кошелек и не платить пошлину...

Почему ее мысли занимал сейчас Гонтран? Да, он выбрал удел бедного ремесленника и бродит по Франции, но зато над его головой чистое небо. Гонтран

похож на хирургов из этой больницы, что склоняются над телом страдальца в страстном желании постичь тайну жизни и смерти. В полудреме, оторвавшись от земной суеты, Анжелика поняла, что Гонтран — один из самых замечательных людей на свете... той же породы, как и эти хирурги... Мысли в ее голове немного путались. Отчего хирурги были бедными цирюльниками, простыми лавочниками, которых совсем не уважают, ведь они так нужны людям?.. Отчего Гонтран, с его богатым внутренним миром, который силой своего таланта может приводить в восторг самих королей, — всего лишь неимущий ремесленник, порвавший со своим сословием?.. И почему она думает сейчас обо всех этих бесполезных вещах, тогда как ей нужно собрать все силы, чтобы бежать из этого ада?..

Анжелика провела в Отель-Дьё всего только четыре дня.

Нелюдимая и упрямая, она требовала себе лучшие покрывала и запрещала акушерке грязными руками прикасаться к ней или к младенцу. Она брала с подносов по две миски с едой вместо одной. Как-то утром она сорвала с послушницы чистый фартук, который та только что повязала поверх платья, а пока перепуганная девушка бегала к старшей монахине, разодрала его на пеленки для ребенка и бинты для себя.

В ответ на укоры она молча посмотрела на монахинь своими зелеными глазами, и пренебрежительный, неумолимый взгляд заставил их отступить. Цыганка, лежавшая в палате, сказала своим товаркам:

— Сдается мне, что эта зеленоглазая девка — колдунья!

Анжелика заговорила лишь однажды, когда один из попечителей Отель-Дьё, прикрывая нос надушенным платком, явился собственной персоной, чтобы сделать ей внушение:

— Дочь моя, мне сообщили, что вы противитесь тому, чтобы другая больная разделила с вами эту постель, которую вам предоставила общественная благотворительность. Вы будто бы даже столкнули на пол двух женщин, которые были слишком слабы, чтобы защищаться. Неужели вас не мучает совесть? Отель-Дьё должен принимать всех больных, которых доставляют сюда, а кроватей не хватает.

— Тогда лучше сразу заверните в саваны всех несчастных, которые сюда попали! — резко ответила Анжелика. — В больницах, основанных господином Венсаном, у каждого пациента своя кровать! Но вы не пожелали изменить здешние возмутительные порядки, потому что боитесь, как бы не пришлось держать ответ. Куда уходят средства, собранные благотворительностью, о которой вы мне сейчас говорите, куда уходят деньги, которые выделяет вам государство? Или людские сердца недостаточно щедры, а государство совсем обеднело, раз вы не можете купить побольше соломы, чтобы ежедневно менять тюфяки под теми больными, которые пачкают их, а не оставлять несчастных гнить в собственных нечистотах! О! Я уверена, когда тень господина Венсана появляется в Отель-Дьё, она обливается горестными слезами!

Глаза начальника над носовым платком расширились от изумления. Конечно, за те пятнадцать лет, что он попечительствовал над несколькими отделениями Отель-Дьё, ему приходилось сталкиваться и со вздорными или крикливыми базарными бабами, и с грязными проститутками. Но никогда в этих жалких палатах ему не доводилось слышать такого рода обличительных и грамотных речей.

— Женщина, — произнес он, выпрямившись со всем достоинством, на какое был способен, — из ваших речей я сделал вывод, что у вас достаточно сил, чтобы вернуться к себе домой. Покиньте же приют, если вы не желаете ценить оказанное вам благодеяние.

— С удовольствием, — едко отвечала Анжелика. — Но прежде я требую, пусть одежду, которую с меня сняли, когда я пришла сюда, и свалили в кучу вместе с лохмотьями больных оспой, венерическими болезнями и чумой, на моих глазах выстирают в чистой воде. Не то я в одной больничной рубаше выйду на паперть собора Парижской Богоматери и буду кричать, что благотворительные пожертвования и деньги государственной казны оседают в карманах попечителей Отель-Дьё. Я буду взывать к людям именем господина Венсана, совести нашего королевства. Я буду кричать так громко, что сам король пожелает проверить счета вашей больницы.

— Если вы так поступите, — лицо попечителя стало жестоким, когда он склонился над ней, — я прикажу запереть вас вместе с сумасшедшими.

Анжелика вздрогнула, но не отвернулась. Она вспомнила о словах цыганки.

— А я в ответ обещаю вам, что если вы совершите еще и такую подлость, все ваши родные не доживут до следующего Рождества.

«Я ничем не рискую, говоря это, — подумала она, снова устраиваясь на своем омерзительном ложе. — Люди так глупы!».

Воздух парижских улиц, который прежде Анжелика находила зловонным, показался ей восхитительным, когда наконец, уже почти здоровой и в чистой одежде, она покинула ужасную больницу.

Прижимая к себе ребенка, она довольно бодрым шагом спешила домой. Только одно ее беспокоило: молока было очень мало и Кантор, до сих пор на редкость спокойный малыш, стал хныкать. Он плакал всю ночь, яростно впиваясь в пустую грудь.

«В Тампле пасется стадо коз, — вспомнила Анжелика. — И я выкормлю ребенка козьим молоком. Если у него будет разум, как у козленка — что ж, тем хуже».

А Флоримон, что с ним? Разумеется, с мамашей Кордо он не пропадет, ведь она славная женщина. Но Анжелике казалось, что с тех пор, как она рассталась со своим первенцем, прошли годы.

Встречные прохожие несли в руках свечи. Из домов доносился аромат горячих блинов. Анжелика сообразила, что сегодня, должно быть, второе февраля. Горожане праздновали Сретение Господне, в память дня, когда Богородица пришла из Вифлеема в Иерусалим и внесла во храм 40-дневного младенца Иисуса Христа. В этот день принято дарить друг другу свечи, поэтому и праздник во Франции называют Chandeleur^[67].

«Бедный маленький Иисус!» — подумала Анжелика, целуя Кантора в лобик, когда входила в Тампль.

Около дома мамыши Кордо она услышала детский плач. Ее сердце екнуло, подсказывая, что плачет Флоримон.

Она увидела маленькую фигурку, бежавшую, спотыкаясь, по снегу под градом снежков, которыми осыпали малыша мальчишки. Они гнались за ребенком:

— Колдун! Эй! Маленький колдун, где твои рожки?

Анжелика с криком бросилась вперед, подхватила сына свободной рукой и, прижав к себе, поспешила на кухню, где старуха сидела у очага и чистила лук.

— Как вы могли позволить этим бездельникам мучить его?

Мамаша Кордо вытерла слезящиеся от едкого лукового сока глаза тыльной стороной руки:

— Ну-ну, дочка, зачем поднимать такой крик. Я хорошо заботилась о вашем малыше, пока вас не было, хотя и не была уверена, что увижу вас снова. Но не могу же я весь день возиться с ним! Вот и отправила его на улицу, чтобы немного подышал воздухом. И что же, по-вашему, я должна делать, раз мальчишки называют его «колдуном»? Ведь его отца сожгли на Гревской площади, разве не так? Нужно, чтобы он привыкал к этому. Мой-то был не намного старше, когда его прозвали Веревкой-на-шее и стали швырять в него камни... Ах! Какой прелестный малютка! — старуха отложила нож и с восхищенным видом подошла к Анжелике, любясь Кантором.

В бедной комнатке, которая теперь казалась Анжелике такой уютной, она устроила обоих детей на кровати и поспешила развести огонь в очаге.

— Я рад, — повторял Флоримон, глядя на нее блестящими черными глазами и цепляясь за мать. — Мама, ты больше не уйдешь?

— Нет, мое сокровище. Посмотри, какого красивого братика я тебе принесла.

— Он мне не нравится, — тут же сообщил Флоримон и ревниво прижался к матери.

Анжелика распеленала Кантора и поднесла его к огню.

Он потянулся и зевнул.

Господи! Каким чудом после всех перенесенных страданий у нее родился такой пухленький младенец?

Еще несколько дней Анжелика спокойно жила в Тампле. У нее оставалось немного денег, и она надеялась на возвращение Раймона.

Но как-то раз после полудня за ней прислал бальи Тампля, в обязанности которого входил полицейский надзор в этом привилегированном парижском квартале.

— Дочь моя, — напрямик заявил он, — от имени Великого приора я прошу вас покинуть Тампль. Вам известно, что он берет под свое покровительство лишь тех, чья репутация безупречна и никоим образом не может нанести ущерб его скромным владениям. Так что вам придется уйти.

Анжелика открыла было рот, чтобы спросить, в чем же ее упрекают. Следующим ее порывом было броситься к ногам Великого приора. Но тут она вспомнила слова короля: «Я не хочу больше слышать о вас!»

Итак, они узнали, кто она такая! Быть может, ее все еще боялись... Анжелика поняла, что просить поддержки у иезуитов бесполезно. Они честно помогали, пока было что защищать. Но теперь игра окончена. Все, кто, как Раймон, скомпрометировали себя причастностью к этому темному делу, должны быть удалены.

— Хорошо, — сжав зубы, ответила она, — я покину Тампль еще до наступления темноты.

— Я знаю, что вы внесли арендную плату вперед, — сказал бальи, который не забыл о деньгах, перепавших ему от Анжелики после продажи Куасси-Ба, — поэтому с вас не возьмут налог на выезд.

Вернувшись к себе, она сложила весь свой нехитрый скарб в обитый кожей сундучок, тепло закутала обоих детей и устроила их вместе с сундуком на тачке, послужившей ей еще в первый переезд.

Мамаша Кордо отправилась на Центральный рынок, и Анжелика оставила для нее на столе маленький кошелек.

«Когда я разбогатею, то вернусь сюда и отблагодарю ее более щедро», — пообещала она себе.

— Мама, мы идем гулять? — спросил Флоримон.

— Мы возвращаемся к тете Ортанс.

— Мы увидим Баба́? — так он называл Барбу.

— Да.

Флоримон захлопал в ладоши. Всю дорогу он восхищенно смотрел по сторонам.

Толкая тачку по улицам, на которых грязь смешалась с талым снегом, Анжелика не могла оторвать глаз от двух детских лиц. Судьба этих хрупких существ, прижавшихся друг к другу под покрывалом, свинцовой тяжестью лежала на ее плечах.

Небо над крышами было ясным, без единого облачка. Этой ночью, скорее всего, тоже не будет заморозков, ведь оттепель продолжалась уже несколько дней, и у бедняков, которым нечем топить, появилась надежда.

На улице Сен-Ландри Барба громко вскрикнула при виде Флоримона. Ребенок протянул к ней ручки и крепко обнял.

— Господи, мой ангелочек! — пробормотала служанка.

Ее губы дрожали, а в глазах стояли слезы. Она, не отрываясь, смотрела на Анжелику так, словно перед ней стоял призрак, явившийся с того света. Сравнивала ли она женщину с суровым, исхудалым лицом, одетую беднее, чем она сама, с той дамой, что несколько месяцев назад постучала в двери их дома? А Анжелика спрашивала себя, видела ли Барба со своей мансарды костер на Гревской площади...

Приглушенный возглас, донесшийся с лестницы, заставил Анжелику обернуться. Ортанс с подсвечником в руке, казалось, окаменела от ужаса. Позади нее на лестничной площадке появился Фалло де Сансе. Он был

без парика, в халате и вышитом ночном колпаке. Сегодня у него был врач. При виде свояченицы у него от страха отвисла губа. После бесконечно долгих минут молчания Ортанс с трудом подняла дрожащую руку.

— Убирайся вон! — сказала она бесцветным голосом.
— Слишком долго твоя проклятая семья обреталась под моей крышей.

— Замолчи, дура! — Анжелика пожала плечами.

Она подошла к лестнице и подняла глаза на сестру.

— Я уйду. Но прошу тебя принять невинных детей, они ведь не могут причинить тебе зла.

— Вон! — повторила Ортанс.

Анжелика повернулась к Барбе, сжимавшей в объятиях Флоримона и Кантора.

— Я поручаю их тебе, Барба, добрая моя девочка. Вот, возьми деньги, это все, что у меня осталось, и покупай детям молоко. Кантору кормилица не нужна. Он любит козье молоко...

— Убирайся! Убирайся! ВОН! — все громче вопила Ортанс.

Она принялась топтать ногами.

Анжелика подошла к двери. Оглянувшись, последний взгляд она бросила не на детей, а на сестру.

Свеча, дрожавшая в руке Ортанс, отбрасывала пляшущие тени на ее искаженное лицо.

«Неужели, — подумала Анжелика, — это с ней мы высматривали, как призрак Белой дамы, с вытянутыми вперед руками, проходит по залам нашего замка Монтелу? И прижимались друг к другу, дрожа от страха в нашей огромной кровати...»

Анжелика вышла и закрыла за собой дверь. На мгновение она остановилась, глядя, как один из клерков, взобравшись на табурет, зажигал большой фонарь над конторой мэтра Фалло де Сансе.

Затем повернулась и пошла по улицам Парижа.

Часть пятая
Ночной Париж

Глава 22

Наступила оттепель, и этой ночью в Париже слышится звон капели.

Таает снег на крышах и в желобах. Даже желтая луна кажется мокрой.

В ее медовом свете раскачивается на Гревской площади новый повешенный. Бьют куранты на городской Ратуше, и наступает час молитвы. В своей лавке колбасник с Гревской площади молится вместе с женой и детьми перед маленькой статуей Святой Девы, пристроенной между двумя окошками.

«Помолимся, — говорит он, — чудные дела творились сегодня, женушка. Да будет милостив Господь ко всем этим казненным».

Крысы грызут стены или проворно перебегают грязные улицы под ногами запоздавших прохожих, которые вскрикивают и хватаются за шпаги.

Паре состоятельных горожан, которая, ежась от боязни перед обступившей их темнотой, выходит из театра Бургундский отель, Форфан-Тюльпан услужливо предлагает посветить дорогу. Он проводит их до Королевской площади^[68] и получит несколько монет, если только по пути им не встретится какой-нибудь головорез из той же шайки, что и сам Форфан. Тогда вдвоем они ловко освободят парочку от лишнего груза плащей и кошельков, а затем под ручку отправятся к кладбищу Невинных, куда их позвал король нищих — Великий Кесарь.

В своем логове в предместье Сен-Мартен Великий кесарь готовится предстать перед своими вассалами. Его шут и возница, Бавотан, устиляет повозку владыки дворянскими плащами, что принесли из своих походов уличные грабители. Главный помощник Кесаря,

Паленый, предупреждает о том, что Кесарю предстоит решить деликатный вопрос: надо уладить спор между двумя главарями банд нищих — Весельчаком, который обосновался в старинной Нельской башне, и Родогоном-Египтянином из предместья Сен-Дени. На стороне Весельчака сила, потому что его банда контролирует все парижские мосты, ворота университетского квартала и берега Сены, но и Родогон опасен, ведь ему подчиняются цыгане и гадалки.

Отвратительный Гнилой Жан идет по улице, прижимая к себе младенца. Он заплатил за этого ребенка двадцать су кормилице из городского приюта для подкидышей, которых оставляли за собором Парижской Богоматери. Малыш не старше шести-семи месяцев, и еще не поздно вывихнуть ему ручки или ножки, чтобы изуродовать, прежде чем отправлять с одной из маркиз^[69], которая будет клянчить с ним милостыню. А может, его купит колдун Лесаж и его сообщница, колдунья Ля Вуазен. Колдунам дети нужны для жертвоприношений на черных мессах. Тут есть над чем пораскинуть мозгами... За последнее время дела пошли куда лучше. Да, с тех самых пор, как этот проклятый священник Венсан де Поль больше не подбирает брошенных на пороге младенцев и не отправляет их невесть куда. Жан спешит. Сегодня все нищие собираются на кладбище Невинных. Придется плюнуть в таз^[70]. Эх, кабы не тяжелые времена! Но Коротышка-Ролен — великий владыка, и это справедливо, что приходится платить ему дань.

На Королевской площади под одним балконом дерутся дуэлянты, а под другим звучит романс.

Артемиза, Роксана, Гликерия, Кризола — прелестные жеманницы из квартала Марэ, привлеченные пением и зрелищами, выглядывают из окон.

На улице предместья Сент-Антуан, в своем отеле Бове, Кривая Като принимает на ложе крепкого юнца. У него гладкое, как слоновая кость, лицо и только подбородок чуть колется золотистым пушком. Писанный красавец. Из этого щенка, неловко резвящегося в постели, выйдет великолепный любовник. А пока он еще не слишком честолюбив. Мадам де Бове с ностальгией вспоминает о Гизе, который был с ней так щедр, и о маркизе д'Олоне, женившимся месяц тому назад.

На ум невольно приходит жестокая пародия на Карту Страны нежности, сочиненную этим гнусным Бюсси-Рабютеном^[71], который слывет остроумным:

«Между Олоном и Гизом находится Бове-Тухлятина. Маленький городок с отталкивающего вида домами расположен глубоко в низине, куда нечасто падает луч солнца. Но не стоит удивляться тому, что знатные и достойные люди частенько останавливались на ночь в столь неприглядном месте: ведь отсюда начинается главная дорога в город Донна Анна, где заключались все торговые соглашения во времена строительства крепости Людовик.

С тех пор, как строительство крепости завершено, в Бове больше не заглядывают высокопоставленные государственные деятели, и город охотно принимает людей пониже рангом и совсем неизвестных, так как расходы в нем невелики. Но зато эти люди заботятся о том, чтобы поддерживать пехоту...»

Мадам де Бове выплакала над этим ядовитым памфлетом свой единственный глаз, и Людовик XIV в третий раз отправил в Бастилию его автора.

Чуть поодаль спит в глубокой ночи, подобно гигантскому киту в темных глубинах океана, огромная крепость Бастилия.

Со стен доносится чихание мерзнущих солдат, и видно, как поблескивает в лунном свете бронза маленьких пушек. В подземельях красноглазые крысы приходят навестить забытых заключенных. Повыше уровнем, в хорошо обставленной камере с коврами и гобеленами на стенах, Бюсси-Рабютен, отправленный в тюрьму письмом с королевской печатью, сочиняет монарху просьбу о помиловании в стихах. В это же самое время в своем дворце в Тампле его кузина, мадам де Севинье^[72], пишет ему письмо: «Вы сейчас в тюрьме, бедняжка... Я встретила вчера вашу дочь. Она так остроумна, словно проводит с вами целые дни, и так благоразумна, словно никогда с вами не встречалась...»

На улице Башни Нинон де Ланкло пишет мадам де Севинье, в своем письме рекомендуя мадам Скаррон:

«Это скромная женщина, и она могла бы быть полезна, если вы поручите ей управление горничными и лакеями. К несчастью, она прекрасна, как ангел, и столь умна, что может вас затмить. Вот почему многие дамы не хотят ее видеть у себя: боятся, что тогда на них самих мужчины и не взглянут...»

Капнув на письмо красным воском и запечатав его, куртизанка потягивается и зевает. Устоит ли перед прекрасной Нинон де Ланкло этот ужасный маркиз де Сокур? Все дамы без ума от его жизнерадостности и славы неутомимого любовника. Но уже поздно, а он так и не пришел. Все-таки ей хотелось бы попробовать этот терпкий плод. Сокур не так давно в Париже, и однако он быстро приобрел известность благодаря темпераменту настоящего сатира. Пусть он и заика, но в постели так неистов, что дамы почти боятся его. Нинон дрожит от страха и возбуждения.

Она проходит в туалетную комнату, где для нее приготовлен чан, полный горячей воды с ароматом цветков апельсинового дерева. На мраморном столике

служанка разложила пудру с Кипра, мази из Флоренции и Рима, испанский воск, эфирные масла из Ниццы и Генуи, косметическое молочко, всевозможные цветочные духи, флакончики...

Наконец кто-то стучит в калитку сада. Это он...

На своей узкой кровати спит мадам Скаррон. Она ворочается во сне и тихо вздыхает. И внезапно просыпается — ей почудился из темноты смех Скаррона-калеки. Когда он был жив, Франсуаза ничего не боялась и никогда не скучала.

Отныне она согласится принять помощь лишь в той мере, какую сама определит.

Поселившись в монастыре урсулинок, принять маленькую комнату, предложенную кухней, женой маршала д'Омона^[73], было прилично. Но когда некий блистательный господин прислал для нее в монастырский двор целый воз дров, Франсуаза немедленно отправила подарок обратно.

Впервые в жизни она испытывает чувство свободы и уверенности в завтрашнем дне.

Отныне Франсуаза сама будет обеспечивать себя и скроет ото всех, что в основе ее поступков лежит унижительная бедность — вот что она называет свободой.

Со временем она устроит свою жизнь в соответствии с собственными вкусами и мечтами, окружит себя друзьями, для которых имеют цену только ее личные достоинства, избежит унижений и фальшивого сострадания, которые подстерегают каждого, кто оказался в беде.

Любовных развлечений на ее долю не выпало, но Франсуаза к ним безразлична. Она мечтает избавиться

от подозрений в глазах высшего света в том, будто у нее есть склонность к амурным похождениям. Только благодаря связям в обществе вдова надеется выбраться из нищеты, и сейчас она обдумывает, как добиться поставленной задачи. Ей потребуется большой запас честности, терпения, настойчивости. Нельзя давать поводов для сплетен, ибо единственное богатство, которое есть у бедных, — это добродетель. Франсуаза будет появляться там, где предоставится случай напомнить о себе и где она сможет по праву находиться рядом с сильными мира сего. Если вы бедны, принадлежность по праву рождения к благородной семье — это сокровище, которым нельзя пренебрегать. Но увы! Имя деда, грозного и талантливое поэта Агриппы д'Обинье, вряд ли сослужит добрую службу, ведь он восстал против короля и даже взывал к помощи англичан, желая наказать Генриха IV за предательство им веры своих предков-гугенотов.

Лучше забыть об этом, лучше укрыться за именем Скаррона. Она многим обязана тому, кто протянул ей руку в годы полной лишений юности. Общания с ним искали все лучшие умы столицы, и именно он научил Франсуазу искусству быть королевой известного салона.

Но как заставить свет забыть, что она вышла замуж из бедности?

Завтра на рассвете она отстоит мессу, а потом отправится в Лувр подать прошение королеве-матери о назначении на скромную должность, приносящую немного денег, и тогда она, Франсуаза Скаррон, не будет отличаться от других, но при этом сохранит достоинство, присущее ее положению.

А вот король Людовик XIV, напротив, не спит и отнюдь не предаётся мечтам.

Его Величество бежит по крыше Лувра. Делает он это, потому что во что бы то ни стало хочет сравняться в любовных подвигах с маркизом де Сокуром. Ему недостаточно того, что инфанта-жена влюбленно смотрит на него сияющими голубыми глазами. Ему мало того, что мадам де Суассон украдкой обжигает его взглядом и что герцогиня Орлеанская, утонченная Генриетта, посылает ему смелые улыбки. Король остановил свой выбор на мадемуазель де ля Мотт-Уданкур, фрейлине королевы. Но сегодня вечером, стоило только Людовику нанести визит красавице в апартаментах фрейлин, как он сразу наткнулся на мадам де Навай, которая обязана блюсти честь этого роя юных прелестниц.

Его Величеству пришлось обратиться в постыдное бегство и спешно созвать в кабинете Большой галантный совет, состоявший из Пегилена, маркизов де Гиша и де Варда и камердинера Бонтана^[74].

Пегилен прекрасно знает в Лувре все тайные проходы. Он объявляет, что единственный путь в апартаменты красоток — пробраться по крыше вдоль водостока, а потом спуститься по дымоходу через камин пустой комнаты, в котором — это ему доподлинно известно — огня на разжигают.

«С трудом представляю себя на сцене этого галантного театра», — вздыхает обескураженный король.

Но Пегилен подбадривает его.

В конечном счете Большой совет в полном составе выбирается на крышу дворца через слуховое окно в мансарде. Дорога, по которой предстоит идти, узкая и выглядит ненадежной, зато дневное солнце не оставило на крыше и следа от снега.

— Будьте осторожнее, сир, не споткнитесь.

— Ничего, ничего, — отвечает монарх, — я сниму туфли и понесу их в руках, так вернее.

Бонтан стонет:

— В водостоке мокро, Ваше Величество простудится.

— Когда вернемся в кабинет, отогреемся гренками и вином.

— Теперь, — объявляет де Гиш, высланный вперед в качестве разведчика, — нужно пройти по черепице до каминной трубы.

— Черт возьми! — ворчит король, цепляясь покрепче.

— Это еще не самое трудное, — усмехается Вард, осторожно опуская в камин веревочную лестницу.

— Ну, сир, — суетится Пегилен, — настал момент для атаки. Я пойду первым.

— Хорошо, но не занимайте все зимние квартиры на правах победителя.

— Ничего не бойтесь, сир. Я подожду, пока на зимних квартирах не расположитесь сначала вы.

— Что касается меня, остаюсь на городских укреплениях, — с усмешкой отзывается маркиз де Вард, — у нас с Бонтаном как раз хватит сил, чтобы держать лестницу.

Пегилен де Лозен, уже почти нырнувший в трубу, высовывает оттуда свой гасконский нос.

— Ах да, с того времени, как Вард завоевал бастионы Суассон, он удерживается на этой позиции.

— Ну, вход в эту крепость открыт для всех, — замечает король.

Маркиз ждет, пока его августейший повелитель скроется в трубе, потом пожимает плечами. Он и Бонтан крепко держат лестницу, дергающуюся резкими рывками. Луна прячется в облаке, и тут же становится

совсем темно. Вард скалится, как готовый укусить пса, и ворчит:

— Точно, с этой шлюхой Суассон так оно и есть!..

Но, святой Дени, почему ему никак не забыть другую женщину, с зелеными глазами?.. Божественная кожа! Вот ощущение, которое он помнит с того момента, как короткое мгновение силой сжимал ее в своих объятиях. Ее изящная спина и округлые бедра подобны шелку, от одного прикосновения к которому все тело пронизывает дрожь!

Вот миг, воспоминание о котором неотступно преследует его, воспоминание, из-за которого он с неприязнью относится к этому дурацкому походу.

На самом деле мадемуазель де ля Мотт совсем не ждет Его Величества, а другая фрейлина, живущая вместе с ней, еще меньше ждет Пегилена — он даже ее имени не знает.

Но нет на свете девушек более нежных и уступчивых, чем фрейлины. Мадемуазель де ля Мотт разве что прикрывает рот рукой, чтобы не вскрикнуть чересчур громко при виде своего царственного любовника, черного, как трубочист.

Ни слова протеста, никаких восклицаний. Не будем забывать, что из-за двери слева доносится храп мадам де Навай, а дверь справа ведет в опочивальню королевы.

Королева, одна в огромной постели, ждет короля и тщетно борется со сном. Король ведь всегда работает допоздна.

Инфанта Мария-Терезия думает, что ожидание и есть ее удел. Ведь Людовик — такой внимательный супруг, и мужчину красивее нельзя себе представить даже в мечтах.

Мария-Терезия привстает, опираясь на локоть, и тотчас из полумрака комнаты выныривают и приближаются к королеве две приземистые тени. Ее карлик и карлица. Они-то всегда здесь, преданные и неуклюжие, печальные и забавные, они спят вместе с собакой в темном углу, занавешенном гобеленами.

Королева просит карлицу приготовить ей густой шоколад со взбитыми яйцами и корицей. Она будет медленно тянуть напиток и мечтать об Испании...

Король нежится в объятиях мадемуазель де ля Мотт-Уданкур; целуя ее, он перепачкал сажей свежее личико своей избранницы.

А Пегилену немного не по себе. Ему нравятся трудности, связанные с одержанной победой, и глаза его дамы — большие, светлые, хотя и испуганные. Неужели ему первому суждено обучить таинству любви эту изящную фарфоровую статуэтку, которая выскользывает из его объятий?

— Скажите-ка мне, сердечко мое, — шепчет он, — вы девственница?

Невинная дева прыскает со смеху. Ну что ж, значит, можно договориться. Она над ним потешается, вот и все. И понятия не имеет, что там, на крыше, де Вард и Бонтан зевают, дрожат от холода и держат лестницу; она не подозревает, как дорого время. Какого дьявола, нужно пользоваться тем, что пока оно есть! Ага! Вот уже лучше. Эта милочка действительно прелестна. Странно, как это он до сих пор ее не замечал. Но почему ему кажется, что он уже очень хорошо знает юную деву? Что-то знакомое слышится в ее смехе...

Уходя от своей дамы, он умоляет:

— Скажите, радость моя, как вас зовут?

Она шаловливо улыбается.

— Скажите сначала, как зовут вас.

— Ладно, я — Пегилен. Неужели вы не узнали меня? Она опять смеется.

— Пегилен-трубочист.

Наконец она снисходит до его просьбы и с детской серьезностью сообщает:

— Меня зовут Мари-Аньес де Сансе.

В своих апартаментах в Лувре кардинал Мазарини почувствовал приближение смерти. Сегодня он распорядился, чтобы его доставили во дворец на Новой улице Малых полей. Там он

осмотрел великолепную библиотеку, в которой Габриэль Нозе^[75] собрал 35 000 фолиантов, за огромные деньги привезенных из Голландии, Фландрии, Италии и Англии. Затем кардиналу захотелось взглянуть на свою невероятных размеров конюшню, которую иноземцы считают восьмым чудом света. Он улыбнулся, вспомнив великолепные вышитые попоны для мулов, и как святые отцы-театинцы^[76] выпрашивали их у него, чтобы украсить ими свою церковь.

Но, возвращаясь с прогулки, кардинал потерял сознание. Он знает: смерть близка. Он уходит из жизни, оставляя на земле столько прекрасных вещей, добытых тяжелым трудом и унижениями.

Возле камина за маленьким столом Кольбер, правая рука кардинала, что-то пишет скрипучим гусиным пером.

Свечи почти растаяли, и гости, припозднившиеся у мадам де Суассон, покинули Тюильри. Они пьяны и,

плутая по улицам предместья Сент-Оноре, кричат, стучат по навесам лавок, а забавы ради тушат фонари.

Мадам де Суассон, чье сознание слегка затуманено нежными винными парами, возвращается в свои покои. Благодаря ей этот мрачный Лувр наконец-то ожил для роскоши и развлечений. Днем — танцы и праздники. Ночью... радости любви. Олимпия Манчини, графиня де Суассон, никогда не остается в постели одна. Но иногда прекрасная итальянка испытывает легкое беспокойство. Не оставит ли ее Вард?.. После того, как ей пришлось отказаться от короля, околдованного чарами ее несносной сестрицы Марии, Олимпия так гордилась тем, что завоевала и приручила Варда, хищника с жестокой улыбкой... Но вот уже некоторое время он кажется ей таким отстраненным, далеким. Он набирается сил. Его перестали задевать ее язвительность и презрительные замечания.

Придется сходить к гадалке, знаменитой Ля Вуазен^[77]. Колдунья откроет имя соперницы. И если появилась другая женщина, то пусть она умрет... Но, в конце концов, стоит ли Вард таких забот? Олимпии следовало бы вновь завоевать короля. Конечно, он уже устал от своей скучной маленькой жены, этой инфанты, которая до сих пор двух слов по-французски связать не может и не способна отступить ни на шаг от строгих советов своего духовника-иезуита. Она никогда не будет играть важной роли при дворе. При дворе Людовика XIV править будет его официальная фаворитка. Но вот кто ею станет?

Графиня де Суассон улеглась на кровать, потянувшись своим прекрасным золотистым телом на украшенных гербами простынях. Решено, она пойдет к Ля Вуазен. У колдуньи полно разных ядов, и она, разумеется, подберет что-нибудь подходящее, чтобы избавиться от причины «задержки», которая продолжа-

ется вот уже второй месяц. Неприятно принимать яд такого рода, но девять месяцев вынашивать ребенка еще хуже, особенно если у тебя ревнивый муж и хочется всласть повеселиться. А чем еще можно заниматься в этой жизни, как не играть мужчинами?.. Хотя, надо сказать, все они одинаковы и чуточку скучны.

Только один из них принес ей в самом деле необычные ощущения. Темнокожий мужчина, молчаливый и сильный, как бык, нежный, как прикосновение ветра, неистовый и искренний, как природная стихия, объятия которого пробуждали в ней первобытный инстинкт, одновременно ужасая и возбуждая ее.

Графиня де Суассон вздрагивает. Во рту у нее пересохло. Внезапно она одергивает себя, запрещая вслушиваться в тишину. Нет, ее чернокожий раб больше не придет. Он на галерах. Он осужден на этом глупом процессе о колдовстве, а Олимпия не осмелилась вступить за него и заявить, что он из ее дома и что она очень дорого за него заплатила.

Мрачные коридоры Лувра больше не увидят, как молчаливый мавр открывает двери, бесшумно, презрительно и победоносно приближаясь к белой богине, предлагающей ему свое тело.

Король, а за ним и Пегилен выныривают из каминной трубы. Оба они очень довольны. Вард и камердинер Бонтан чихают, получив от прогулки сомнительное удовольствие.

Людовик XIV по крыше Лувра бегом возвращается в свои апартаменты.

Король воров и нищих, Великий Кесарь, отправляется вершить правосудие на кладбище

Невинных.

Ночь создана для развлечений принцев и для тяжелых трудов нищих и бандитов.

Бродячие солдаты с рапирами у бедра, убогие и калеки на костылях, новообращенные с длинными самшитовыми четками, попрошайки, нацепившие лохмотья на синее от холода тело; «ракушечники», выдающие себя за паломников в Сантьяго-де-Компостела, «вольные оборванцы», «лишайные», «коротышки», «ябеды», мошенники всех мастей, мужчины и женщины, выходят из своих зловонных нор, а те нищие, что просили милостыню по деревьям, выдавая себя за погорельцев, возвращаются в город, стараясь не попасться на глаза стражникам.

Но у патрулей и стражи есть заботы поважнее, чтобы стоило ради них рисковать шкурой, отправляясь на кладбище Невинных. Они курят трубки в караульном помещении Шатле.

Вдоль берегов Сены греются у костров перевозчики и лодочники, глядя, как мимо них украдкой скользят тени. Иногда между лодок просачивается чей-нибудь силуэт. Это нищие, устроившиеся на ночлег на охапках сена в лодках, просыпаются, потому что украшенные гербовыми лилиями часы Дворца правосудия или Ратуши пробили полночь.

Даже зимой по берегам реки свалены целые горы сена. Лошадям в Париже нужно так много сена! В этом городе лошадей больше, чем людей, и отовсюду несется их ржание, отовсюду тянет запахом и звуками конюшен.

А Клод Ле Пти, Грязный Поэт, устроился и пытается заснуть прямо под брюхом лошади, у самых копыт.

Точнее говоря, у копыт бронзового коня короля Генриха IV на Новом мосту. Не самое теплое местечко, но, если начнется дождь, то под бронзовым брюхом монаршего коня будет сухо. Со своего насеста Клод Ле

Пти наблюдает за бандитами Нового моста. Они хорошо его знают и не трогают.

*Ты, Новый мост, театр несомненный,
Вам стоит поглядеть на эту сцену.
Тут вырвут зуб, там снадобье предложат,
Старьевщики добро свое умножат,
Педант ученый книгу покупает,
Певец бездомный песню распевает,
Которой здесь еще никто не знал...^[78]*

Но сейчас ночь, и певцы уступили место нищим. Клод Ле Пти смотрит, как мимо проходит Весельчак, внушающий ужас и отвращение рваньем, в которое он одет, шапкой всклокоченных волос и этим фиолетовым наростом, который он приклеивает на щеку. За ним следуют его стража и свита, маркизы и девки. Берегитесь, горожане, припозднившиеся сегодня в Париже!

О! Ночной Париж, рай для воров, срывающих плащи, срезающих кошельки, избивающих и убивающих прохожих, рай для распутников, припевая, выходящих взявшись под руки из кабака или из борделя.

Ночной Париж, где грабители, свободные и счастливые, залезают в окна, взламывают замки и уносят все, что попадает им под руку.

Вот где-то рядом на безоружного прохожего напали бродяги. Кто-то отбивается шпагой от четырех подосланных к нему убийц.

Поэт на Новом мосту вслушивается в шум ночного города и узнает так хорошо ему знакомые звуки: условный свист воров, лязг шпаг, пьяные выкрики, вопли несчастных, которых сейчас убивают, крики тех, кто зовет на помощь; и он улыбается в ответ на эту мрачную какофонию, которую иногда перекрывает кри-

кливый голос торговца горячими вафельными трубочками или табака, равнодушного свидетеля, а может, и сообщника этих преступлений.

Нет, решительно, погода не из приятных. От Сены дует пронизывающий ветер. Клод Ле Пти выбирается из своего убежища и отправляется бродить у таверн, чтобы вдосталь подышать чудесным ароматом закусовых.

Улица Нищеты — это царство закусовых. В этот поздний час здесь еще полно огней, и в глубине каждой таверны над очагом медленно поворачивается вертел с насаженной тушкой птицы.

Только в последней таверне, в «Храбром петухе», темно и пусто. Хозяйка Буржую умерла сегодня вечером от оспы, и ее муж плачет у изголовья кровати в большой комнате. Его племянник Давид Шайю, ученик пекаря, который только что приехал из Тулузы к своему дядюшке, смотрит на него из другого конца комнаты, где на столе стоят две свечи и росток самшита в тарелке, наполненной святой водой.

Двинемся дальше, туда, где тепло и весело.

Таверны и харчевни — это звезды парижской ночи, уютные и благовонные пещеры ночного города. Тут и «Сосновая шишка» на улице Единорога, «Львиное логово» на улице Цирюльников, улица Бравых Молодцов — и таверна с таким же названием, улица Сорвиголов — таверна «Богатый пахарь». «Три молотка», «Черный трюфель» и другие... А еще «Зеленая ограда» на улице св. Гиацинта^[79], где собираются члены религиозных орденов, капуцины, целестины и доминиканцы-якобинцы, и куда только что вошел с потерянным видом

монах Беше, чтобы с помощью выпивки попытаться изгнать из памяти пламя костра.

Часть шестая
Кладбище Невинных

Глава 23

Анжелика смотрела на Беше через оконное стекло. С крыши на нее капал подтаявший снег, но, стоя в темноте рядом с таверной «Зеленая ограда», она этого совсем не замечала. Монах сидел за столом перед оловянным кувшином, смотрел в одну точку и опрокидывал кружку за кружкой.

Анжелика видела его очень отчетливо, несмотря на толстое оконное стекло. Внутри таверны было не слишком дымно. Монахи и священники, составлявшие большую часть завсегдатаев «Зеленой ограды», обычно не курили, а приходили сюда, чтобы выпить и поиграть в шахматы или в кости.

Анжелика долго бесцельно бродила по ночному заснеженному Парижу, который в это время суток превращался в огромный бандитский притон, арену убийств и преступлений. Случай привел ее к таверне «Зеленая ограда», куда только что зашел ненавистный Беше.

Анжелика сразу оживилась. Нет, она еще не до конца проиграла, кое-что еще нужно довести до конца. Монах Беше должен умереть! Она одна знает почему. Он был символом всего, что Жоффрей презирал всю свою жизнь: воплощением человеческой глупости, нетерпимости и пережитков средневековой софистики, от которых ее муж тщетно пытался защитить науку. Но восторжествовала ограниченность, погрязшая в устаревшей схоластике! А Жоффрей де Пейрак умер.

Перед смертью он крикнул Конану Беше с паперти собора Парижской Богоматери: «Через десять дней я жду тебя на Божьем суде!»

— Зря ты здесь, девка, топчешься в такую ночь. Или ты на мели, платить нечем?

Анжелика обернулась посмотреть, кто к ней обратился, но вокруг было пусто. Неожиданно из-за облака выглянула луна, и Анжелика увидела, что рядом с ней стоит карлик. Он поднял два пальца, как-то по-особенному скрестив их. Она вспомнила, как однажды Куасси-Ба показал ей такой же жест и сказал: «Ты скрещиваешь пальцы вот так, и друзья говорят: все в порядке, ты наш!»

Она машинально повторила жест Куасси-Ба. Лицо карлика сразу же расплылось в широченной улыбке.

— Так ты наша, а то мне показалось... Что-то я тебя не помню, ты у кого? У Родогона-Египтянина, Беззубого Жана, Синего Матроса или, может, у Ворона?

Анжелика ничего не ответила и вновь принялась рассматривать через окно Беше. Карлик одним прыжком вскочил на подоконник. В оконном свете стало видно его грубое лицо и нахлобученную на голову грязную фетровую шляпу. У него были круглые, пухлые руки и совсем крошечные ступни, обутые в детские туфли из мешковины.

— Ну и где твой клиент, с которого ты глаз не спускаешь?

— Вон там, в углу.

— И ты думаешь, этот старый мешок с костями, у которого один глаз посылает к черту другой, прилично заплатит за твои труды?

Анжелика глубоко вздохнула. В ней снова начинала бурлить жизнь. Теперь она знала, что нужно делать.

— Я должна убить этого человека, — сказала она.

Карлик проворно провел рукой по ее талии.

— Да у тебя и ножа-то нет. Чем ты его убьешь?

Лишь теперь Анжелика внимательно рассмотрела странное существо, которое появилось из темноты,

точно крыса, точно одно из тех мерзких созданий, что наводняли Париж с наступлением темноты.

Несколько часов она словно лунатик, спотыкаясь, потерянно бродила по улицам Парижа. Что привело ее к «Зеленой ограде»? Ненависть? Охотничий инстинкт?

— Пойдем-ка со мной, маркиза, — неожиданно произнес карлик, спрыгивая на землю. — Пойдем к Невинным. Договорись там с дружками, они укокошат твоего попа.

Она пошла за ним без малейшего колебания. Он вразвалку шагал впереди.

— Меня зовут Баркароль, — сообщил он чуть погодя, — изящное имя, а? Такое же изящное, как я сам^[80]! Хо-хо!

Он издал какое-то улюлюканье, подпрыгнул, слепил из снега и грязи снежок и залепил им в окно дома.

— Удираем, дорогуша. А не то добрые горожане, которым мы помешали дрыхнуть, выплеснут нам на голову содержимое ночного горшка.

Стоило ему это сказать, как ставни распахнулись и Анжелика едва успела отскочить в сторону, чтобы не попасть под душ, о котором предупредил карлик.

Баркароль куда-то сгинул, но Анжелика, по щиколотку в грязи, продолжала идти вперед. Одежда промокла, но она не чувствовала холода.

Легкий свист заставил ее взглянуть в сторону водосточной трубы. Из-за нее вынырнул карлик со словами:

— Прошу прощения, маркиза, за то, что покинул вас, не попрощавшись. Я заходил за другом. Вот — Жанен Деревянный Зад.

За ним показался второй силуэт. Это был не карлик, а калека, жалкий обрубок человека. Безногий, он сидел в некоем подобии большого деревянного таза. В узловатых ручищах он держал по деревянной колодке,

которыми отталкивался от земли, чтобы передвигаться по мостовой.

Урод поднял на Анжелику испытующий взгляд. На нее смотрело не лицо, а звериная морда, усеянная гнойниками. Редкие волосы тщательно приглажены на блестящем черепе. Единственной одеждой нищего было нечто похожее на короткий плащ из голубого сукна, петлицы и обшлага которого были обшиты золотым галуном. Должно быть, когда-то этот плащ принадлежал офицеру. Наряд дополняло безукоризненное жабо, придавая странному персонажу колоритный вид. Внимательно изучив молодую женщину, существо прочистило горло и плюнуло в нее. Анжелика удивленно посмотрела на него и вытерлась пригоршней снега.

— Хорошо, — удовлетворенно заметил безногий, — она понимает, с кем говорит.

— Говорит? Ничего себе разговорчик! — воскликнул Баркароль. И расхохотался своим улюлюкающим смехом. — Хо-хо! Какой я умник!

— Подай мне шляпу, — сказал калека. Он нацепил войлочную шляпу, украшенную пышным пером и, отталкиваясь своими колодками, отправился в путь.

— Чего ей нужно? — спросил он через некоторое время.

— Чтобы ей помогли убить одного попа.

— Это можно. Она чья?

— Понятия не имею...

Они шли все дальше, и постепенно к ним присоединялись другие призрачные силуэты. Сначала из темных закоулков, подвалов или с берега реки раздавался свист, затем появлялись длиннородые босые нищие, старухи, будто вылепленные из четок и груды подвязанных бечевкой лохмотьев, слепые... Хромые, поторапливаясь, тащили на плечах костыли, горбуны забыли снять свои фальшивые горбы. В

безумную актерскую труппу затесалось и несколько настоящих калек.

Анжелика с трудом понимала их язык, пересыпанный странными словечками. На перекрестке они столкнулись с компанией усатых головорезов. Анжелика сначала приняла их за военных или за патруль, но быстро сообразила, что перед ней — переодетые бандиты.

Она невольно попятилась под волчьими взглядами безобразных разбойников, но, обернувшись, увидела, что окружена.

— Страшно, красотка? — спросил один из бандитов и бесцеремонно обнял ее за талию.

Она скинула его руку и резко ответила:

— Нет!

Он не отстал, и тогда Анжелика отвесила ему пощечину. Поднялся гвалт, и она спросила себя, что же теперь с ней будет? Но ей не было страшно. Ненависть и бунтарство долго зрели в ее душе и сейчас вылились в неистовое желание кусаться, бить, вцепиться ногтями в глаза. Очувшись на самом дне, окруженная хищниками, Анжелика и сама превратилась в такого же дикого зверя.

Порядок навел не кто иной, как странный Жанен Деревянный Зад. Своим властным, замогильным голосом, больше напоминающим грозный звериный рык, калека повергал в дрожь остальных нищих и подавлял их. Всего несколько резких слов — и человек-колода пресек потасовку. Взглянув на пристававшего к ней бродягу, Анжелика заметила, что его щеку пересекли кровавые полосы и он прикрывает рукой глаз. Но остальные хохотали.

— О-го-го! А девка-то здорово тебя разукрасила!

Анжелика с удивлением услышала, что сама смеется. Выходит, смеяться не труднее, чем спуститься в самую бездну ада? А страх... В конце концов, что

такое страх? Для нее его больше просто нет. Страх — удел славных парижан, которые дрожат, когда под их окнами вереницы нищих тянутся к кладбищу Святых Невинных на встречу со своим королем, Великим Кесарем.

— Она чья? — спросил кто-то.

— Наша! — прорычал Деревянный Зад. — Я сказал.

Их пропускали вперед. Никто из нищих, даже крепко стоящих на ногах, не пытался обогнать калеку Жанена. Когда дорога пошла в гору, двое бандитов, переодетых солдатами — их называли «бродягами», — поспешили подхватить таз безногого и понесли его наверх.

Запах в этом городском квартале становился все более зловонным и отвратительным: все вокруг обволакивала сладковатая вонь разложения, и запах гниющих в канавах мяса, сыра и овощей. То был квартал Центрального рынка, расположенный по соседству со страшным кладбищем Невинных.

Анжелика никогда здесь не бывала, хотя это мрачное кладбище считалось одним из самых популярных в Париже мест для свиданий. Даже знатные дамы наведывались туда в «книжные магазины» или «бельевые», устроенные в лотках прямо под оссуариями.

Самое обычное зрелище — галантные кавалеры, гуляющие среди бела дня со своими возлюбленными и небрежно откидывающие кончиком трости попавшийся под ноги человеческий череп или человеческие кости, абсолютно не обращая внимания на пение погребальных псалмов.

По установленной традиции, ночью на кладбище никого не арестовывали, и здесь было прибежище мошенников и бродяг, а развратники приходили сюда в поисках подруги для одиозных любовных утех.

Процессия наконец приблизилась к кладбищенской стене, обрушившейся во многих местах до такой степени, что через провалы можно было без особых затруднений проникнуть на территорию кладбища. Тут из главных ворот навстречу оборванцам вышел местный звонарь, в черном балахоне с вышивкой, изображающей черепа, скрещенные кости и серебряные капли-слезы, и ровным голосом объявил:

— На улице Жестянщиков есть покойник. Назавтра для похоронной процессии нужны плакальщицы. Каждой выдадут по десять су, юбку или черный плащ.

— Мы пойдем, пойдем! — воскликнули несколько беззубых старух.

Они бы сразу и отправились занимать местечко на Жестянщиках, да остальные на них накинулись, и Деревянный Зад грозно рыкнул:

— К дьяволу! Кто тут собрался по своим делишкам, когда нас ждет Великий Кесарь? Чертовы старухи! Порядок забыли? Руки до вас не доходят, честное слово...

Пристыженные нищенки опустили головы, подбородки у них затряслись. И вот через проломы в ограде все полезли на территорию кладбища.

Звонарь ушел, тряся колокольчиком. То и дело на перекрестке дорожек он останавливался, чтобы, подняв голову к луне, заунывно затянуть псалом:

*Вечный покой даруй им, Господи,
И вечный свет пусть светит им...*

Анжелика, с расширенными от ужаса глазами шла мимо валявшихся повсюду трупов. Тут и там разверзли пасть братские могилы, уже наполовину заполненные мертвецами в белых саванах и ждущие новой порции умерших, чтобы захлопнуть свой зев.

Несколько памятников и могильных плит, установленных прямо на земле, отмечали места захоронения более обеспеченных семей, хотя вот уже несколько веков кладбище Невинных предназначалось для городской бедноты. Богатых хоронили на кладбище Святого Павла.

Луна наконец воцарилась на безоблачном небе, осветив тонкий слой снега на крыше кладбищенской церкви и примыкающих к ней строений.

В неярком лунном свете поблескивал крест Бюто — высокое металлическое распятие, установленное рядом с кафедрой, как называли защищенное пирамидальной крышей возвышение посередине кладбища, к которому вели несколько ступеней.

На холоде тошнотворная вонь чуть ослабла. Впрочем, никто не обращал на нее внимания, да и сама Анжелика равнодушно вдыхала воздух, насыщенный ядовитыми испарениями.

Она с ужасом смотрела на отходящие от церкви галереи, образующие стену четырехугольного в плане кладбища. В какой-то момент ей даже показалось, будто она переживает ночной кошмар. Готические галереи завершались стрельчатыми аркадами, а в их нижнем ярусе торговцы днем раскладывали на лотках товар.

Галереи были перекрыты черепичной крышей, которую поддерживали деревянные подпорки со стороны кладбища, открывая между стрельчатыми верхушками аркады пустоты, заполненные человеческими костями. Там находились тысячи черепов и разных фрагментов скелетов. Житница смерти с ее зловещим урожаем открывала взорам невероятные нагромождения костей, которые разрушал ветер, а время обращало в прах, наводивший живых на философские размышления о тщете всего сущего.

Когда одни останки рассыпались, на их место помещали другие, только что вынутые из кладбищенской земли.

Рядом с могилами виднелись кучки костей, причем устрашающие белые круглые черепа были заботливо положены могильщиком сверху: завтра они займут свое место в оссуарии над галереей.

— Что это... что это такое? — пробормотала Анжелика. Зрелище показалось ей настолько невероятным, что она подумала, будто лишилась рассудка.

Взобравшийся на одну из могил карлик Баркароль с любопытством взглянул на Анжелику:

— Костница! Костница Невинных. Самая красивая в Париже!

И помолчав секунду, добавил:

— Ты откуда взялась? Ты что, никогда такого не видала?

Анжелика села рядом с карликом.

С той минуты, как она, почти не отдавая себе отчета, расцарапала физиономию бандиту, ее оставили в покое и больше с ней не заговаривали. И если кто-то и бросал на нее любопытный или призывный взгляд, тут же звучало предостережение:

— Деревянный Зад сказал, что она наша. Поберегись, мужики!

Анжелика не заметила, как кладбище, полупустое к моменту их появления, постепенно заполнилось оборванной, страшной толпой.

Ее ошеломил вид костницы. Она не знала, что это мрачное пристрастие собирать скелеты в кучу в одном месте — отличительная черта Парижа. Все крупные храмы столицы пытались составить конкуренцию Невинным. Анжелика сочла это ужасным, а Баркароль, напротив, находил восхитительным. И даже промурлыкал себе под нос:

*...Гибель и смерть впереди.
Так грустно, что мир покидаем,
Не зная, куда нам идти.*

Анжелика медленно повернулась к нему.

— Ты поэт?

— Нет, это не я сочинил, а Грязный Поэт.

— Ты знаешь его?

— Еще бы! Да он — поэт с Нового моста!

— Его я тоже убью.

Карлик подпрыгнул, как жаба.

— Чего? Хорош шутить. Он мой друг.

Он огляделся, призывая всех в свидетели, и покрутил пальцем у виска:

— Эта баба точно свихнулась! Она всех хочет прирезать!

Вдруг слышались крики, и толпа расступилась перед странной процессией.

Во главе ее выступал долговязый тощий человек, семеня босыми ногами по талому снегу. Густые седые лохмы падали на его плечи.. Безбородого можно было бы принять за старуху, но это был мужчина, во всяком случае если судить по одежде, состоявшей из изодранных штанов и плаща с широкими рукавами. Выдающиеся скулы, угрюмый, хмурый взгляд глубоко запавших сине-зеленых глаз — этот человек был лишен пола так же, как и скелеты, сваленные в костнице, и вполне подходил к окружающей мрачной обстановке. Он нес длинную пику, на конце которой из стороны в сторону покачивалась дохлая собака.

Рядом, потрясая метлой, вышагивал маленький безусый толстяк.

За парой диковинных знаменосцев следовал музыкант с виелой, водивший смычком по своему инструменту. В облике музыканта странным был головной убор: большая соломенная шляпа, нахлобученная до плеч, с проделанными в ней дырками, сквозь которую поблескивали насмешливые глаза. Сзади бежал мальчишка и яростно колотил в дно медного таза.

— Хочешь знать, кто эти трое знатных господ? — спросил карлик у Анжелики.

И, подмигнув, добавил:

— Ты знаешь тайный знак, но я-то понимаю, что ты не из наших. Те, что впереди — Великий и Малый евнухи. Великий евнух уже давно одной ногой в могиле, но видно никогда не помрет. А Малый евнух сторожит жен Великого Кесаря. Он несет знак Короля нищих.

— Метлу?

— Цыц! Нечего насмехаться! Метла нужна, чтобы выметать мусор. За ними идут Музыкант Тибо и его паж Лино. А вот и крали Короля нищих.

Он показал на женщин в грязных чепчиках, с одутловатыми лицами и усталыми глазами проституток. Некоторые из них были еще довольно красивы, и все они бросали по сторонам наглые взгляды. Только первая, подросток, почти совсем еще девочка, сохранила какую-то свежесть. Несмотря на холод, едва сформировавшаяся грудь была обнажена: девушка с явной гордостью выставляла ее напоказ.

Затем прошли факельщики, мушкетеры со шпагами, мошенники, переодетые паломниками, прошедшими по Пути Святого Иакова.^[81] Наконец, показалась тяжелая скрипучая телега. Ее катил великан с пустым взглядом и отвисшей губой.

— Бавотан, шут Великого Кесаря, - пояснил карлик.

Шествие замыкал человек с седой бородой, одетый в черное платье, из карманов которого торчали свитки пергамента. На поясе висели три хлыста, рог с чернилами и связка гусиных перьев.

— Паленый, главный сборщик податей Великого Кесаря, он же ведает законами королевства нищих.

— А где Великий Кесарь?

— В повозке.

— В повозке? — недоуменно повторила Анжелика и немного привстала, чтобы получше разглядеть.

Телега остановилась у кафедры.

Шут Бавотан наклонился, вынул что-то из телеги, затем уселся посреди кафедры и пристроил это нечто к себе на колени.

— Боже мой! — выдохнула Анжелика.

Она увидела Великого Кесаря.

Это было существо с чудовищным торсом, который оканчивался хилыми, словно у двухлетнего ребенка, белыми ножками. Мощная голова обросла черными косматыми волосами и была обмотана грязной тряпкой, закрывавшей гнойную язву. Глубоко посаженные глаза холодно поблескивали из-под кустистых бровей. У него были пышные усы с лихо закрученными кончиками.

— Хе-хе! — усмехнулся Баркароль, наслаждаясь изумлением Анжелики. — Скоро, девчонка, ты поймешь, что у нас маленькие верховодят большими. Как думаешь, кто станет Великим Кесарем, когда подохнет Коротышка Ролен?

И он прошептал ей на ухо:

— Деревянный Зад!

И он покачал не по росту огромной головой:

— Это закон природы. Чтобы править нищими, нужны мозги. А чаще всего их как раз у длинноногих-то и недостает. Ты что на это скажешь, Легкая Нога?

Тот, кого карлик назвал Легкая Нога, улыбнулся. Он только что присел на краешек могильной плиты,

прижав руку к груди так, словно у него болело сердце. Это был еще совсем юноша, приятный с виду. Он с отдышкой произнес:

— Ты прав, Баркароль. Лучше голова на плечах, чем ноги. Потому что если ноги откажут, то у тебя больше ничего не останется.

Анжелика удивленно посмотрела на ноги молодого человека, длинные и мускулистые.

Он грустно улыбнулся.

— Ноги-то при мне, но они меня почти не слушаются. Я был скороходом мессира де Ля Саблиера; как-то раз я пробежал за день двадцать лье, и сердце не выдержало. С тех пор еле хожу.

— Не можешь ходить, потому что слишком много бегал! — крикнул карлик и подпрыгнул, — Ху-ху-ху! Вот так потеха!

— Заткни глотку, Барко, — проворчал кто-то. — Ты нам осточертел.

Чья-то крепкая рука схватила карлика за шиворот и отшвырнула на грудь костей.

— Этот урод всем надоел. Согласна, красотка?

Человек, так грубо вмешавшийся в разговор, нагнулся к Анжелике. Молодая женщина успела порядком устать от омерзительного вида окружавших ее калек и нищих, поэтому его красота принесла ей даже какое-то облегчение. Она не могла как следует разглядеть лицо мужчины, скрытое в тени широкополой войлочной шляпы с облезлым пером. Но правильные черты, большие глаза и красивый рот не ускользнули от ее внимания. Мужчина был молод, в полном расцвете сил. Смуглая рука лежала на рукояти заткнутого за ремень кинжала.

— Ты чья, красотка? — ласково спросил он, и ей послышался в его голосе чуть заметный иностранный акцент.

Она промолчала и высокомерно отвернулась, глядя прямо перед собой.

На ступенях перед Великим Кесарем лежал тот самый медный таз, в который совсем недавно барабанил мальчишка из его свиты.

Подданные Короля по очереди подходили и бросали в таз дань.

Налог каждого зависел от его «специальности». Карлик, снова пристроившийся рядом с Анжеликой, вполголоса называл ей род занятий каждого из нищих, умело пользовавшихся милосердием добрых людей со времен основания Парижа. Баркароль показал на прилично одетых «попрошаек», которые, скорчив стыдливую мину, подходили к прохожим с жалостной байкой о том, что раньше они были уважаемыми людьми, но во время войны их дома сожгли, а имущество разграбили. «Торгаши» выдавали себя за торговцев, разоренных разбойниками, а «обращенные» признавались, что они протестанты, но по милости Божьей обрели свет истинной веры и собираются перейти в католичество. «Обретя» истинную веру в одном приходе, они отправлялись в другой. Так переходили они от одного прихода к другому, в каждом «обретая» истинную веру.

«Бродячие солдаты» и «пересмешники», бывшие вояки, выбивали из перепуганных горожан подаяние, угрожая им шпагой, а «сиротки», маленькие дети, хватали прохожих за руки и плакали от голода, пытаясь тронуть добрые сердца.

И весь этот сброд подчинялся Великому Кесарю и уважал его за то, что он умел поддерживать порядок между соперничающими бандами.

В таз падал дождь су, экю, а иногда попадалась и золотая монета.

Между тем смуглый мужчина не сводил с Анжелики глаз. Он шагнул к ней и дотронулся до ее плеча. А когда она отпрянула, быстро проговорил:

— Я — Родогон-Египтянин. В Париже четыре тысячи моих людей. Все цыгане, которые приезжают в столицу, платят мне налог, и черноволосые гадалки, что читают будущее по линиям на ладони, — тоже. Ты хочешь быть одной из моих подруг?

Она не ответила. Луна плыла теперь над колокольной и оссуариями. Перед кафедрой растянулась целая процессия калек, и настоящих, и фальшивых, и тех, кто добровольно уродует себя, чтобы вызывать сострадание у горожан, и тех, кто может к вечеру отложить в сторонку свой костыль и снять с себя повязку. Вот почему их логово прозвали Двором чудес.

Они приходили с улицы Трюандери, из предместий Сен-Дени, Сен-Мартен, Сен-Марсель, с улиц Жюсьен и Святой Марии Египетской... Жалкие, шелудивые, отверженные, ничтожные, оборванные, те, что по двадцать раз на день падали в агонии у каменных тумб после того, как перетянули шнуром запястья, останавливая биение сердца; все они бросали свою дань отвратительному маленькому идолу, власть которого признавали без оговорок.

Родогон-Египтянин снова опустил руку на плечо Анжелики. На этот раз она не отстранилась. Рука была горячей и крепкой, а Анжелика так замерзла! Мужчина был силен, а она слаба. Она подняла на него глаза и всмотрелась в лицо, которое уже не пугало ее. Анжелика видела, как поблескивали белки миндалевидных цыганских глаз. Он выругался сквозь зубы и грубо привлек ее к себе.

— Хочешь быть маркизой? Да, думаю, я могу тебе это предложить.

— А ты мне сможешь убить кое-кого?

Бандит запрокинул голову в беззвучном и пугающем хохоте.

— Десять, двадцать человек — только скажи! Покажи мне его, и еще до рассвета он будет барахтаться на земле в собственных кишках.

Он плюнул на руку и протянул ей.

— По рукам! Соглашайся.

Но она заложила руки за спину и покачала головой.

— Не сейчас.

Египтянин чертыхнулся и отошел, но при этом по-прежнему не спускал с Анжелики глаз.

— А ты упрямая, — сказал он. — Но я тебя хочу. И получу.

Анжелика провела рукой по лицу. От кого она однажды слышала эти жестокие, жадные слова?.. Она уже не могла вспомнить.

Между двумя солдатами вспыхнула ссора. Парад нищих закончился, и теперь перед Королем нищих проходили отъявленные преступники, не только воры, срезающие кошельки и отнимающие у жертв накидки и плащи, но и наемные убийцы, грабители и взломщики, среди которых были развратники-студенты, лакеи, бывшие каторжники и все иноземцы, которых война забросила в Париж: испанцы и ирландцы, немцы и швейцарцы, а также цыгане.

На этом собрании нищих и бродяг мужчин было гораздо больше, чем женщин, и, однако же, сюда явились далеко не все. Как ни просторно было кладбище Невинных, оно не смогло бы вместить всех обездоленных и парий столицы.

Внезапно подручные Великого Кесаря ударами кнута разогнали толпу и проложили в ней проход до той могилы, на которой сидела Анжелика. Увидев направлявшихся к ней небритых, грязных мужчин, она поняла, кого они ищут. Во главе их шагал Паленый.

— Король спрашивает, кто эта женщина, — воскликнул он, показывая на Анжелику.

Родогон обнял подругу за талию.

— Не двигайся, — прошептал он, — сейчас все уладим.

Прижимая ее к себе, цыган потащил молодую женщину к «трону». Он высокомерно и в то же время подозрительно поглядывал на толпу, словно опасаясь появления врага, который отнимет у него добычу.

На Египтянине были сапоги, сшитые из прекрасной кожи, и безупречный широкий новый плащ. Анжелика машинально отметила эти детали. Этот мужчина не пугал ее. Он привык властвовать и бороться. И Анжелика покорилась ему, как побежденная женщина, не способная существовать без господина.

Представ перед Великим Кесарем, Родогон склонил голову, сплюнул и произнес:

— Я, египетский герцог, беру ее себе в маркизы.

И широким жестом бросил в таз кошелек.

— Нет! — спокойно и твердо произнес чей-то голос.

Родогон резко обернулся:

— Весельчак!

В нескольких шагах от них в луче лунного света стоял тот самый ухмыляющийся оборванец с фиолетовым пятном на щеке, которого Анжелика уже дважды встречала на своем пути. Он был такого же высокого роста, как и Родогон, но шире в плечах. Сквозь прорехи в одежде виднелись мускулистые руки и волосатая грудь. Слегка расставив ноги и заложив большие пальцы рук за пояс, он нагло смотрел на Египтянина. Его атлетически сложенное тело казалось моложе отвратительного лица, прятанного в массе седых волос. Единственный глаз сверкал сквозь упавшие на лицо космы. Другой глаз был прикрыт черной повязкой.

Луна заливала его ярким светом, а позади поблескивал снег на крыше оссуария.

«О Господи! Какое ужасное место! — подумала Анжелика. — Настоящий кошмар!»

Она прижалась к Родогону, который принялся осыпать своего невозмутимого противника отборнейшей бранью:

— Собака! Сукин сын! Похотливый дьявол! Падаль! Это плохо кончится... Нам двоим тут слишком тесно...

— Заткнись, — ответил Весельчак.

Потом он шагнул к Великому Кесарю, сплюнул, что считалось обычным знаком уважения, и в свою очередь бросил в медный таз кошелек, толще, чем кошелек Родогона.

Убогий урод, сидевший на коленях слабоумного, затрясся от смеха.

— Мне чертовски охота выставить эту красотку на торги! — крикнул он хриплым, скрипучим голосом. — Разденьте ее, и пусть мужики поглядят на товар! Пока дело идет к тому, что ее заберет Весельчак. Твоя очередь, Родогон!

Свора нищих и бандитов взвыла от восторга. К Анжелике потянулись безобразные лапы. Египтянин заслонил ее и выхватил кинжал. Тут Весельчак наклонился и запустил в соперника каким-то круглым белым предметом, который ударил Египтянина по запястью.

Когда шар отскочил и покатился по земле, Анжелика с ужасом увидела, что это череп.

Египтянин выронил кинжал, а Весельчак тут же схватил противника за пояс. Оба бандита сжали друг друга с такой силой, что послышался хруст костей. Они свалились на землю и стали кататься по грязи.

Это послужило сигналом к началу жестокого побоища. Пять или шесть соперничающих парижских банд накинулись друг на друга. У кого были при себе

шпаги или кинжалы, наудачу размахивали ими, полилась кровь. Другие, подражая Весельчаку, хватали черепа и запускали ими во врага.

Анжелика, оказавшись в гуще свалки, попыталась было сбежать. Но крепкие руки схватили ее и поволокли к кафедре. Теперь ее надежно держала свита Великого Кесаря, который бесстрастно следил за битвой, подкручивая ус.

Паленый схватил медный таз и прикрывался им.

Дурак Бавотан и Великий евнух мрачно пересмеивались. Тибо Музыкант вертел ручку шарманки и распевал во все горло.

Старухи-нищенки толкали друг друга, топали ногами и вопили, как гарпии.

Анжелика увидела, как старый калека с одной ногой остервенело колотит костылем по голове Жанена Деревянный Зад, словно пытается всадить ему в макушку гвозди. Вдруг чья-то рапира проткнула ему живот и калека всей тяжестью рухнул на Жанена.

Баркароль с девками из гарема Великого Кесаря забрались повыше на крышу оссуария, хватали имеющиеся там во множестве боеприпасы — черепа — и швыряли их в гущу битвы. Теперь к диким крикам, завываниям и стонам присоединились и гневные вопли жителей близлежащих улиц, Стальной и Бельевой, которые, высовываясь из окон над этим бурлящим ведьмовским котлом, взывали к Деве Марии и к стражникам.

Луна медленно клонилась к горизонту.

Родогон и Весельчак грызлись, как бешеные псы. Удары следовали один за другим. Они оба были одинаково сильны. Внезапно у всех вырвался крик изумления.

Египтянин исчез, как по волшебству. Нищих охватил панический ужас перед чудесным исчезновением, хоть большинство из них и были самыми отъявленными безбожниками. Но тут все услышали, как Родогон зовет

на помощь. Ударом кулака Весельчак отправил его в одну из огромных братских могил. Египтянин пришел в себя среди трупов и теперь умолял вытащить его.

Те, кто стоял ближе к яме, зашлись в гомерическом смехе, а вслед за ними расхохотались и остальные. Ремесленники и рабочие с соседних улиц, холодея от ужаса, слушали дьявольский хохот, сменивший шум жестокой потасовки. Женщины у окон осеняли себя крестом.

Вдруг церковный колокол серебряным голосом стал вызванивать к заутрене. Сброд на кладбище ответил залпом ругательств и проклятий, а в это время в предрассветном сумраке начали переговариваться между собой и другие колокола. Наступила пора нищим убираться восвояси. Подобно совам и демонам, что бегут от дневного света, они потянулись с кладбища Невинных через проломы в ограде.

И вот посреди грязи и смрада, в бледно-розовом свете зари, словно подкрашенном каплями крови, перед Анжеликой, смеясь, вырос Весельчак.

— Она твоя, — произнес Великий Кесарь.

Анжелика рванулась и снова помчалась к ограде. Но те же сильные руки вновь схватили ее. Тряпичный кляп душил ее. Она еще какое-то время отбивалась, но потом потеряла сознание.

Часть седьмая
Нельская башня

Глава 24

— Ничего не бойся, — сказал Весельчак. Он сидел перед ней на табурете, положив огромные руки на колени. Пламя свечи, стоявшей на полу в красивом серебряном подсвечнике, спорило с робким дневным светом.

Анжелика пошевелилась и поняла, что лежит на какой-то убогой постели, устроенной из множества плащей всевозможных цветов и самых разных тканей. Тут была и роскошная бархатная накидка, расшитая золотом — такие носят молодые дворяне, когда отправляются бренчать на гитаре под окном возлюбленной; и плащи из грубой бумазеи, удобная одежда для путешественников или торговцев...

— Не бойся ничего... Анжелика, — повторил бандит.

Она подняла на него широко раскрытые глаза. Она не понимала, что происходит: бандит говорил на родном диалекте Пуату!

Мужчина поднес руку к лицу и резким движением сдернул с щеки безобразный нарост. Анжелика не смогла сдержать испуганного крика, но он уже откинул в сторону грязную войлочную шляпу, вместе с ней — седой всклокоченный парик и, наконец, снял черную повязку с глаза.

Теперь Анжелика видела перед собой молодого человека с грубыми чертами лица и короткими вьющимися черными волосами над высоким лбом. Глубоко сидящие карие глаза под густыми бровями смотрели на нее в упор, и в них читалось беспокойство.

Анжелика поднесла руку к горлу: у нее перехватило дыхание. Она бы закричала, но не смогла. Наконец, одними губами, как глухой, который не слышит собственного голоса, она произнесла:

— Ни... ко... ля.

Губы мужчины растянулись в улыбке.

— Да, это я. Ты меня узнала?

Она поглядела на бесформенную кучку вещей на полу у табурета: парик, черная повязка...

— Так... это тебя называют Весельчаком?

Он выпрямился и стукнул себя могучим кулаком в грудь так, что она загнулась, как барабан.

— Да! Я — Весельчак, знаменитый вор с Нового моста. Я многого добился с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз, что скажешь?

Она смотрела на него, по-прежнему лежа среди поношенных плащей, не в силах даже пошевелинуться. Густой, как дым, туман медленными тяжелыми клубами вваливался в комнату через решетку бойницы, и это усиливало ее уверенность в том, что она бредит. Стоящий перед ней оборванец, этот Геркулес в лохмотьях, с черной бородой, который колотит себя кулаком в грудь — не более чем странное видение. Я — Николая... Я — Весельчак... Она подумала, что снова теряет сознание.

Мужчина рывком встал и принялся ходить взад и вперед по комнате, не спуская с нее глаз.

— В лесах хорошо, пока тепло. Я сперва прибил к контрабандистам, перевозившим соль, а потом набрел на банду в лесах Меркера^[82]: бывшие наемные рабочие и крестьяне с севера, бежавшие каторжники. Они были хорошей командой. И я остался с ними. Мы грабили путников на дороге, ведущей из Парижа в Нант. Но в лесах хорошо, когда тепло. А зимой нужно возвращаться в город. Не так-то это просто... Мы были в Туре и в Шатодене, а потом добрались до Парижа. Хуже всего — что за нами по пятам гнались эти охотнички на нищих и мошенников. Тем, кто попадетс я им в лапы, они сбивают брови и половину бороды и — давай,

дружок, поворачивай назад, по домам, в свою сожженную деревню, на свои разоренные поля или в армию! А то еще угодишь в Генеральный госпиталь ^[83] или, того хуже, в Шатле — это если вдруг в твоём кармане найдут кусок хлеба, который тебе сунула булочница, потому что ей больше нечего было тебе дать! Но я шел осторожно, прятался в безопасных местах: в подвалах домов, в водостоках и канавах, а еще в лодках на льду вдоль Сены от самого Сен-Клу — ведь стояла зима! Оп-ля, с одной лодки на другую! И вот как-то ночью мы все, как крысы, добрались до Парижа...

Она слабым голосом сказала:

— Неужели ты мог пасть так низко?

Он вздрогнул и склонился над ней с перекошенным от гнева лицом:

— А ты?

Анжелика оглядела свое рваное платье. Ее растрепанные, спутанные волосы выбивались из-под чепчика, который она стала носить, подражая городским простолюдинкам.

— Это не одно и то же, — сказала она.

Николя заскрежетал зубами, у него вырвалось злобное рычание:

— Ну уж нет! Теперь... это почти одно и то же. Ты слышишь... девка!

Анжелика смотрела на него со слабой и какой-то далекой улыбкой... Это точно был Николя. Она снова видела, как он стоит на лесной полянке с пригоршней земляники, и на него падает солнечный луч. А на лице у него такое же точно, как сейчас, жестокое и мстительное выражение... Да, в ее памяти понемногу всплывали сцены прошлого. Он так же наклонялся к ней... Тот Николя был более неуклюжим — деревенский пастушок! — но и тогда угадывалось что-то необычное в

этом юноше. Анжелика вдруг вспомнила его, протягивающим ей землянику в весеннем лесу с его нежной зеленью. Тогда Николая переполняла животная страсть, и он спрятал руки за спину, чтобы избежать искушения схватить ее, принудить к любви:

— Я хочу тебе сказать... в моей жизни была только ты... А я, точно неприкаянный, не могу найти себе места, болтаюсь то тут, то там, и сам не знаю, зачем это нужно... Мое место — рядом с тобой.

Недурно сказано для деревенщины. Хотя на самом деле его настоящее место было именно здесь: страшный, наглый главарь парижской банды!.. Место, подходящее для никчемных людей, которые предпочитают не надрывать, а отбирать у других все, что им заблагорассудится... Такая склонность угадывалась в нем еще в те времена, когда он оставлял стадо, чтобы стащить завтрак у других пастушков. А Анжелика была его сообщницей!

Она одним рывком села на постели и в упор посмотрела на него.

— Я запрещаю тебе оскорблять меня. Я никогда не была для тебя девкой. А сейчас дай мне что-нибудь поесть. Я голодна.

В самом деле, внезапный резкий приступ голода доводил ее почти до дурноты.

Эта атака, видимо, обескуражила Николая Весельчака.

— Лежи, — сказал он, — сейчас мы все устроим.

Он схватил железный прут и ударил им по медному гонгу, сверкавшему на стене, словно солнечный диск. Тут же с лестницы послышался стук деревянных башмаков, и в дверь просунулась удивленная физиономия. Николая ткнул пальцем на вошедшего:

— Анжелика, это Хвастун. Один из наших карманников. Он же — тот редкостный болван, который в прошлом месяце попался, да так, что его засадили в

позорный столб. Поэтому он у меня пока занимается стряпней, а тем временем покупатели на Центральном рынке подзабудут его рожу. А там мы напаялим на него парик — и вперед, ножницы! Берегитесь, кошельки! Что у нас там в котелке, лентяй?

Хвастун шмыгнул носом и вытерся рукавом:

— Свиные ножки с капустой, хозяин.

— Сам ты свинья! — заорал Весельчак. — Разве можно этим угощать даму?

— Не знаю, хозяин...

— Сойдет, — потеряла терпение Анжелика.

Запах еды чуть не довел ее до обморока. До чего же унизителен этот голод, который начинает терзать ее в самые важные и драматические моменты жизни. И чем хуже обстоят дела, тем сильнее голод!

Хвастун вернулся с деревянной миской в руках, полной капусты и студенистого голья, а впереди него вышагивал Баркароль. Он подпрыгнул, а затем поприветствовал Анжелику, словно галантный кавалер, шаркнув маленькой пухлой ножкой и взмахнув большущей шляпой. Это была по-настоящему смешная пародия на придворные манеры. На лице Баркароля читался живой ум, и его можно было даже назвать привлекательным. Быть может, именно из-за этого, несмотря на уродство, карлик сразу пришелся Анжелике по душе.

— Сдается мне, Весельчак, ты доволен своим новым приобретением, — сказал он, подмигнув Николаю. — Но что об этом подумает маркиза Полька?

— Заткнись, — проворчал главарь, — да и по какому праву ты посмел заявиться в мою берлогу?

— По праву верного слуги, который заслужил вознаграждение. Не забывай, что именно я привел тебе эту красотку, на которую ты столько времени пялился во всех парижских закоулках.

— Притащить ее на кладбище Невинных! Да, ловко придумано. Хорошо еще, что Великий Кесарь не забрал ее себе и не перехватил Родогон-Египтянин.

— Нужно было, чтобы ты ее выиграл, — заявил крохотный Баркароль, которому пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть на Николая. — К черту того главаря, который не может побороться за свою маркизу! Не забудь, ты еще не заплатил за нее весь выкуп. Верно, красотка?

Анжелика пропустила их разговор мимо ушей: она увлеченно ела. Карлик с умилением разглядывал ее:

— В свиных ножках самое вкусное — это маленькие косточки, — любезно заметил он. — Их приятно сосать и ими весело плевать. Я считаю, что все остальное, кроме них, не заслуживает внимания.

— Почему это ты говоришь, что я еще не заплатил выкуп? — нахмурился Весельчак.

— А как насчет того типа, она же хочет, чтобы его убили? Косоглазого монаха...

Главарь повернулся к Анжелике:

— Так это правда? Ты этого хочешь?

Она слишком поторопилась с едой. Пресытившись, она снова улеглась на постель, и на нее навалилось какое-то неприятное оцепенение. Анжелика ответила Николаю, не открывая глаз:

— Да, так нужно.

— Это справедливо! — вскричал карлик. — Свадьбу нищих должна оросить кровь! Хо-хо! Кровь монаха...

Он грязно выругался, но, когда главарь пригрозил ему, скрылся за дверью.

— Это правда. Я хочу, чтобы ты помог мне кое-кого убить.

Николай зловеще расхохотался.

— Убить! Сколько пожелаешь! Я уже многих отправил на тот свет.

Анжелика почувствовала, что ненавидит его за эти ужасные слова, но в то же время ее охватило огромное облегчение.

Он это сделает! Николая это сделает ради нее. Наконец-то, напряжение, в котором она находилась так долго, постепенно стало спадать. До этого ею владели нетерпение, до предела натянувшее ее нервы, и одержимость, лишавшая ее способности рассуждать здраво. Она и боялась, и отчаянно стремилась к намеченной цели, понимая, что месть — последний ее долг перед мужем.

— Ты мне обещаешь.
— Я тебе обещаю.

«Ради Жоффрея, — думала она, — ради его чести, ради его доброго имени». Чтобы над ним не смели глумиться еще и после смерти.

Она сделает это! Она желала лишь одного: осуществления своей цели.

Потому что это последнее, что она может сделать ради него, принесшего покаяние на паперти собора Парижской Богоматери, оставленного всеми и почти покинутого ею самой. Только тогда в ней вновь возродится дыхание жизни.

Все остальное ей было безразлично.

Весельчак захлопнул ногой плохо пригнанную дверь.

Он стоял у изголовья странного ложа, на котором покоилась молодая женщина, и, упершись кулаками в бока, долго рассматривал ее. Наконец, Анжелика открыла глаза.

— Правда, что ты уже давно следил за мной в Париже? — спросила она.

— Я-то сразу тебя узнал. У меня ведь полно людей, они сразу докладывают мне обо всех, кто приезжает в Париж, и я лучше самих приезжих знаю, сколько у них драгоценностей и как можно до них добраться, когда на колокольне Гревской площади пробьет полночь. Но ты же меня видела в «Трех молотках»...

— Мерзавец, — прошептала она, вздрогнув, — почему тогда ты смотрел на меня и смеялся?

— Потому что я начал понимать, что скоро ты будешь моей.

Она холодно посмотрела на него, пожала плечами и зевнула.

Она не боялась Николая, как боялась Весельчака. Она всегда командовала им. Нельзя бояться того, кого знаешь с детства. Сон понемногу завладевал ею. В полудреме Анжелика пробормотала:

— Почему... почему ты ушел из Монтелу?

— Ну ты даешь! — вскричал он, скреживая руки на груди. — Почему? Думаешь, мне хотелось, чтобы старик Гийом проткнул меня своей пикой... после всего, что у нас с тобой произошло? Я удрал из Монтелу на следующую ночь после твоей свадьбы... Ты что, и это забыла?

Да, забыла. Она только теперь вспомнила ту картину: Николай в полутьме погреба наполняет кувшины и графины вином из бочки, открытой специально для гостей на брачном пиру. Тогда она не устояла перед той маской безразличия и рабской покорности, которую он надел вместе с ливреей лакея, выданной Клеманом Тоннелем. И ведь именно она

спровоцировала его, она умоляла: «Я хочу, чтобы ты любил меня...^[84]», охваченная страстным желанием хотя бы единственный раз в жизни изведать любовь красивого юноши до того, как ее отдадут страшному и грозному мужу. И Николая, сгорая от страсти, уступил. Да, она об этом позабыла...

Закрыв глаза, Анжелика вновь переживала те мгновения, вспомнив запах сена и вина, тяжесть мускулистого тела Николая и то мучительное ощущение незавершенности, незаконченности, потому что ее тетушка Жанна появилась раньше, чем все успело свершиться. Она вспоминала свое поражение и свой стыд... И все же она это забыла.

— Да, — с горечью произнес Николай, словно следил за ходом ее мыслей, — можно сказать, я мало значил в твоей жизни. Конечно, ты ни разу и не вспомнила обо мне за все эти годы.

— Конечно, — равнодушно отозвалась она, подумав, что бы еще жестокое сказать ему, чтобы лучше себе подчинить. — Мне было как-то не до мечтаний о деревенском слуге.

— Шлюха! — он вышел из себя. — Думай, что говоришь. Сейчас деревенский слуга — твой хозяин. Ты моя!

Он еще бушевал, но Анжелика заснула. Доносящийся сквозь сон голос ничуть ее не пугал, напротив, приносил ей ощущение грубой, но надежной защиты. Затем он замолчал.

— Ну вот, — уже тихо сказал он, — все как прежде... когда ты засыпала прямо на мху в самый разгар нашей ссоры. Спи, моя цыпочка. Все-таки ты теперь моя. Тебе не холодно? Давай я тебя укурю?

Она чуть кивнула, не открывая глаз. Он принес роскошный плащ из превосходной ткани и накинул на нее.

Затем слегка, даже немного боязливо, коснулся рукой ее лба.

Когда Анжелика проснулась, то поняла, что помещение, куда она попала, и в самом деле очень странное. Комната была круглой, и стены ее были сложены, как в старинном донжоне, из огромных камней. Свет с трудом проникал через единственную бойницу, забранную решеткой. Здесь была настоящая свалка самых разнообразных предметов: от изящных зеркал в оправе из эбенового дерева или слоновой кости до ржавых рабочих инструментов — молотков и кирок; тут и там валялось оружие...

Анжелика потянулась, удивленно оглядывая необычную обстановку, потом встала и взяла одно из зеркал. На нее взглянуло незнакомое женское лицо, бледное, с жестким и очень настороженным взглядом, точно у кошки, подстерегающей добычу. Неяркий вечерний свет придал золотистый оттенок ее неприбранным волосам. Анжелика испуганно отбросила зеркало. Неужели эта затравленная, запуганная женщина — она сама?

А что валяется вокруг? Откуда здесь столько вещей? Шпаги, котелки, шарфы, веера, перчатки, шкатулки с драгоценностями, трости, музыкальные инструменты, карманные часы, груды шляп и очень много плащей, сваленных в кучу, — на них-то она и спала.

Единственный предмет мебели — изящный шкаф с инкрустацией из редких пород дерева — казался совершенно неуместным в этих покрытых сыростью стенах.

Положив руку на пояс, она нащупала что-то твердое. Она потянула за кожаную ручку и вытащила

длинный тонкий кинжал. Где она его уже видела? Это было в ночном кошмаре, тяжелом и мучительном, в котором луна играла в чехарду с черепами.

Его держал смуглый мужчина. Потом кинжал упал, и Анжелика подняла его из грязи, пока оба противника, вцепившись друг в друга, катались по земле. Вот как у нее в руках оказался кинжал Родогона-Египтянина. Она засунула его себе за корсаж. В ее воображении мелькали странные картины.

Николя... Где Николя?

Анжелика подбежала к окну. Сквозь решетку виднелась Сена, плескавшая ленивые воды цвета абсента. Вверх и вниз по течению под пасмурным небом плыли лодки и баржи. На другом берегу, уже окутанном сумерками, она различила знакомые очертания Тюильри и Лувра. Видение из прошлой жизни поразило ее и окончательно убедило в том, что она сошла с ума. Николя! Где Николя?

Она рванулась к двери, но та оказалась запертой на ключ, да еще и на засов. Тогда Анжелика принялась с воплями молотить по ней кулаками, обломав ногти о гнилую древесину.

В замочной скважине скрипнул ключ, и в дверь просунулся чей-то красный нос.

— Чего ты глотку дерешь, маркиза? — спросил Хвастун.

— Зачем заперли дверь?

— Не знаю.

— Где Николя?

— Не знаю.

Он поглядел на нее и решился:

— Пошли, познакомлю тебя с нашими. Отвлечешься.

И она спустилась за ним по темной сырой винтовой лестнице.

По мере того как они спускались, нарастал шум, в котором уже можно было различить отдельные

возгласы, громкий хохот и пронзительные детские крики.

Наконец Анжелика оказалась в многолюдном зале со сводчатым потолком. За большим столом она сразу заметила Жанена: инвалид сидел на своем корыте как кусок говядины на блюде.

В глубине зала пылал огонь, и рядом с очагом на камне Легкая Нога пристроился следить за котелком. Какая-то толстуха ощипывала утку. Другая женщина, помоложе, занималась менее аппетитным делом: искала вшей в голове полуголого ребенка, сидевшего у нее на коленях. На соломе, раскиданной по плиточному полу, устроились старики и старухи, одетые в жалкие лохмотья, а грязные оборванные дети отнимали объедки у собак.

Несколько мужчин сидели за столом на старых бочонках, заменяющих стулья. Они играли в карты, выпивали и курили.

При появлении Анжелики все взоры обратились на нее, и нищее собрание притихло.

— Заходи, дочка, — с торжественным жестом произнес Деревянный Зад. — Ты — подружка нашего главаря Весельчака. К тебе положено относиться с почтением. Эй, вы там, подвиньтесь и дайте маркизе сесть!

Один из курильщиков толкнул соседа под локоть:

— А бабенка-то ладная! На этот раз Весельчак подцепил кралю не хуже твоих!

Человек, к которому он обратился, подошел к Анжелике и жестом одновременно любезным и фамильярным взял ее за подбородок:

— А я — Красавчик, — представился он.

Анжелика раздраженно отвела его руку:

— Это смотря на чей вкус.

Общество нашло эту реплику чрезвычайно забавной, бандиты чуть не лопнули от смеха.

— Смотря на чей вкус, — повторил, икнув, Деревянный Зад. — Это у него кличка такая — Красавчик, мы его так прозвали. Ну-ка, Хвастун, принеси девке выпить. Мне она нравится.

Перед ней поставили большой кубок на ножке с гербом какого-то знатного маркиза, в чей дом этой ночью нанесла визит банда Весельчака. Хвастун наполнил кубок до краев красным вином и подлил вина в другие бокалы.

— Твое здоровье, Маркиза Ангелов! Так тебя Весельчак прозвал... А звать-то тебя как?

— Анжелика.

Под сводами зала вновь грянул раскатистый и развязный смех бандитов.

— Ну, лучше некуда! Анжелика!.. Ха-ха-ха! Ангел! Ангелы к нам еще не заглядывали!.. А почему бы и нет? В конце концов, почему и нам не быть ангелами? Ведь это же наша маркиза... Твое здоровье, Маркиза Ангелов!..

Они хохотали, хлопали себя по ляжкам, и Анжелика оказалась в центре чудовищного хоровода.

— Твое здоровье, маркиза! Пей же... Давай, пей!

Но она сидела неподвижно, глядя на окружившие ее со всех сторон и склонившиеся над ней пьяные, заросшие щетиной и бородатые рожи.

— Выпей наконец! — взревел своим страшным голосом Деревянный Зад.

Анжелика не ответила, а это уже было дерзостью. Повисло угрожающее молчание, потом Деревянный Зад вздохнул и удрученно поглядел на остальных:

— Она не хочет выпивки. Что с ней такое?

— Да, что это с ней? — повторили несколько голосов. — Давай, Красавчик, ты знаешь женщин, попробуй-ка уладить дело.

Красавчик пожал плечами.

— Толпа дураков, — презрительно произнес он. — Неужели непонятно: будете так горланить над ее ухом — никогда с ней не справитесь.

Он присел рядом с Анжеликой и очень нежно, словно ребенка, погладил ее по руке:

— Не бойся. Знаешь, они не злые. Они так себя ведут, чтобы пугать порядочных горожан. А тебя мы уже полюбили! Ты ведь наша маркиза. Маркиза Ангелов! Не нравится? Но это красивое имя. И оно так идет к твоим прекрасным глазам. Ну же, пей, малютка! Это доброе вино. Бочонок с порта при Гревской площади на собственных ножках добежал до Нельской башни. Вот как у нас бывает. Ведь это — Двор чудес.

Он поднес кубок к ее губам, и она уступила этому ласковому мужскому голосу. Она выпила. Вино было превосходно. По телу разлилось приятное тепло, и тут же все показалось простым и вовсе не пугающим. Она выпила второй кубок, облокотилась на стол и принялась разглядывать зал и собравшихся в нем людей. Деревянный Зад то и дело хмуро поглядывал на нее, и его взгляд был похож на взгляд морского чудовища из бездны вод. Может быть, ему наказали следить за ней? Но она и не помышляла о побеге. Куда ей бежать?

К ночи в логово возвращались нищие и нищенки, находившиеся под началом Весельчака. Среди них было множество женщин с детьми-калеками на руках или с завернутыми в тряпье грудничками, которые не переставая вопили. Одного из них, у которого лицо сплошь было усеяно гнойниками, передали сидящей у огня девушке. Она проворной рукой сорвала корки с личика младенца, обтерла его тряпкой, а когда кожа ребенка вновь стала чистой, приложила его к груди.

Деревянный Зад улыбнулся и хрипло сказал Анжелике:

— Видишь, как быстро у нас выздоравливают. И не нужно ходить крестным ходом, чтобы увидеть чудеса. У

нас они каждый день. Быть может, как раз сейчас одна из дам-благотворительниц рассказывает, как это у них заведено, своей подруге: «Ах, дорогая, я только что видела младенца на Новом мосту: какое несчастное создание! Весь в язвах. Конечно, я подала милостыню его бедной матери...» И ханжи очень довольны собой. А на самом деле это крошки хлеба, намазанные медом, чтобы привлечь мух! Гляди-ка, а вот и Крысобой явился. Можешь идти с ним...

Анжелика вопросительно поглядела на Деревянного Зада.

— Тебе не обязательно все понимать, — проворчал тот. — С Весельчаком уже договорились.

Тот, кого он назвал Крысобоем, оказался испанцем, таким тощим, что его колени и локти протерли дыры в одежде. Печальный призрак с полей битв во Фландрии, этот фанфарон, тем не менее, держался с гордым видом. У него были длинные черные усы, шляпа с пером, а на плече — рапира с насаженными на нее пятью или шестью крысами. Днем испанец торговал на улицах ядом от грызунов, а ночами пополнял свои скудные средства к существованию, продавая Весельчаку свои боевые таланты. Он с большим достоинством выпил предложенный бокал вина и закусил репой, которую извлек из своего кармана. В это время старухи-нищенки бранились друг с другом из-за принесенной им добычи: крысы стоили по два су. Получив деньги, Крысобой отсалютовал рапирой и убрал ее в ножны.

— Я готов, — напыщенно объявил он.

— Отправляйся, — сказал Деревянный Зад Анжелике. Чтобы продемонстрировать свою независимость, она чуть было не спросила, что все это значит, да передумала. Многие мужчины поднялись со своих мест — бродячие солдаты и «пересмешники», как их называли — бывшие вояки, еще не утратившие вкуса

к грабёжам и войнам, которых установившийся мир отбросил на обочину жизни. Ее окружили эти висельники в потрепанных униформах того или иного королевского полка, с остатками позументов и позолоты.

Анжелика поднесла руку к корсажу, чтобы вытащить кинжал Египтянина. Она готова была, если придется, дорого продать свою жизнь.

Но кинжал исчез.

Ее охватил гнев, подогретый выпитым вином. Забыв всякую осторожность, она заорала:

— Кто стащил мой кинжал?

— Вот он, — немедленно отозвался Хвастун своим тягучим голосом.

И с невинным видом протянул оружие. Анжелика была просто потрясена: каким образом ему удалось незаметно вытащить кинжал у нее из-за корсажа?

Тут сборище нищих и бандитов снова разразилось ужасным хохотом, который отныне ей придется все время слушать.

— Вот тебе урок, малышка! — воскликнул Деревянный Зад. — Ты еще познакомишься с руками Хвастуна. Каждый его палец искуснее иного волшебника. Интересно, что об этом думают хозяйки с Центрального рынка.

— Хорошая колючка, — заметил один из «пересмешников», взяв в руки оружие.

Но, присмотревшись, испуганно бросил кинжал на стол.

— Это же нож Родогона-Египтянина!

И все бандиты уставились на поблескивающее при свечах лезвие со смесью уважения и страха.

Анжелика забрала свой кинжал и сунула обратно за корсаж. Ей показалось, что этот эпизод возвысил ее в глазах бродяг. Им было неизвестно, при каких обстоятельствах она добыла трофей у одного из самых

опасных противников их банды. Ее окутал ореол таинственности, внушавший даже некоторый страх.

Деревянный Зад вздохнул:

— Хе-хе! А она не так проста, как кажется, наша Маркиза Ангелов!

Когда Анжелика выходила из зала, ее провожали оценивающие и уже восхищенные взгляды.

На улице в сгустившейся ночной тьме она разглядела контуры полуразрушенной Нельской башни. Тогда ей стало понятно, что комната, в которую отнес ее Николая Весельчак, должно быть, находится на вершине этой башни и служит складом воровской добычи.

Один из «пересмешников» рассказал ей, что идея устроить логово в средневековой крепости принадлежала Весельчаку. Да, старая башня оказалась идеальным убежищем. Полуразрушенные залы, расползшиеся насыпи, хлипкие башенки: там было такое количество тайников, какого не было у бандитов из предместий.

Прачки, в прежние времена стиравшие и развешивавшие белье около Нельской башни, сбежали после грозного вторжения.

Никто не рискнул выставить из башни бандитов, которые, устроившись в засаде под горбатым мостиком через старинный ров, подстерегали кареты из предместья Сен-Жермен. Дело ограничилось тем, что все со вздохом признали: да, дорога у Нельской башни, в самом центре Парижа, в самом деле очень опасна. Порой звуки скрипок, долетавшие с другого берега Сены, из Тюильри, смешивались с пиликанием Папаши Тру-ля-ля или с виелой Тибо, под которые плясала во время оргий нищая братия.

Лодочники с ближайшего маленького деревянного причала замолчали, заметив, что с берега к ним направились устрашающие фигуры.

Жить здесь становится невозможно, говорили они друг другу. Когда же, наконец, городские власти распорядятся снести развалины, чтобы избавить Париж от заразы?

— Господа, приветствую вас, — поздоровался Крысобой. — Не будете ли вы столь любезны довести нас до набережной Жевр?

— Деньги есть?

— У нас есть вот это, — ответил испанец, упирая шпагу в живот лодочника.

Тот безропотно вздохнул.

Лодочникам ежедневно приходилось иметь дело с разбойниками, которые прятались в лодках, воровали товар и заставляли бесплатно перевозить себя с одного берега на другой, будто важных господ. Когда лодочников было много, доходило до кровавых драк и поножовщины, потому что члены гильдии речников не отличались покладистым нравом.

Но сегодня вечером трое мужчин, которые только что развели костер возле своих лодок, смекнули, что им не стоит затевать спор. По знаку хозяина какой-то парень не слишком уверенно поднялся и отвязал лодку, в которую сели Анжелика и ее страшные спутники. Лодка заскользила под арками Нового моста, а у моста Нотр-Дам причалила к набережной Жевр.

— Замечательно, мой милый, — обратился к юному перевозчику Крысобой. — Мы не только благодарим тебя, а еще и оставляем целым и невредимым. Только гони свой фонарь. Когда сочтем нужным, вернем...

Огромный свод, поддерживающий недавно построенную набережную Жевр, был монументальным строением и поражал размерами использованных для строительства камней.

Оказавшись под сводом, Анжелика услышала шум плененной реки — должно быть, так рокочет океан. Впечатление усиливалось грохотом карет, катившихся

по набережной, от которого долгими раскатами не смолкало эхо. Гигантская пещера, ледяная и влажная, спрятанная в самом сердце Парижа, казалось, была создана, чтобы служить убежищем для всех городских преступников. Бандиты вместе с Анжеликой прошли через нее. По дороге им пришлось перепрыгнуть через три или четыре темных желоба, по которым из мясных лавок с улицы Старых Фонарей в Сену стекала кровь.

Потом они перебрались через несколько узких канав, заполненных вонючей жижой, миновали несколько потайных лестниц, ведущих к домам. Они шли по топкой грязи, увязая по щиколотку.

Когда бандиты вновь вынырнули на поверхность, Париж уже погрузился в ночной мрак, и Анжелика совершенно не понимала, где они находятся. Видно, они вышли на небольшую площадь с фонтаном посередине, потому что рядом слышалось журчание воды.

Неожиданно вблизи послышался голос Николая:

— Пришли, мужики? Девчонка с вами?

Один из «пересмешников» осветил Анжелику фонарем:

— Здесь она.

Анжелика заметила высокую фигуру и отвратительное лицо бандита Весельчака и в испуге закрыла глаза. Она прекрасно знала, что под маской скрывается Николай, но все равно испытывала от его вида панический страх.

Главарь заставил погасить фонарь.

— Ты спятил со своим светом! Что, господину нужен фонарь для прогулки?

— Нам совсем не хотелось свалиться в воду под набережной Жевр, — возразил тот.

Николай схватил Анжелику за руку.

— Не бойся ничего, мое сердечко, ты ведь знаешь, что это я, — усмехнулся он.

Он толкнул ее в укрытие портика.

— Пион, иди на ту сторону улицы, встань за тумбу. Мартен, останешься со мной. Гобер, иди туда. Остальные караулят на перекрестках. Баркароль, ты на посту?

Голос, идущий словно с неба, отозвался:

— Я здесь, капитан.

Карлик оседлал вывеску над какой-то лавкой.

Из портика, где Анжелика спряталась вместе с Николя, просматривалась вся улочка. В слабом свете нескольких светильников, устроенных перед самыми домами более зажиточных горожан, поблескивая, змеился замусоренный ручей.

Лавочки ремесленников были надежно заперты. Люди ложились спать, и в темных окнах то и дело проплывали желтые круги свечей.

Какая-то женщина открыла окно, чтобы выплеснуть на улицу ведро помоев. Слышно было, как плачущему малышу грозят Сердитым Монахом. Это была страшилка для детишек того времени: родители говорили, что бородатый монах бродит по улицам с огромным мешком за спиной и кидает в него непослушных детей.

— Ты у меня сегодня получишь своего Сердитого Монаха, — пробурчал Николя.

И добавил тихим, взволнованным голосом:

— Я заплачу тебе выкуп, Анжелика! У нищих так принято. Мужчина платит за красотку, как за красивый товар, который он хочет получить.

— И это единственный товар, за который у нас принято платить, — усмехнулся один из убийц.

Главарь, выругавшись, приказал ему замолчать. Заслышав шаги, бандиты притихли и замерли. Они беззвучно вытащили шпаги из ножен. На улочке показался какой-то мужчина. Он прыгал с одной стороны улицы на другую, стараясь не запачкать украшенные бантами туфли на высоких каблуках.

— Не тот, — прошептал Николя Весельчак.

Его приспешники вернули шпаги в ножны. Прохожий услышал бряцание оружия. Он вздрогнул, заметив смутные силуэты под портиком, и пустился наутек с воплем:

— Воры! Убийцы! Грабители! Убивают!

— Вот дурак, — проворчал на другой стороне улицы бродячий солдат Пион. — В кои-то веки пропустили и даже не забрали плаща, так он орет хуже осла!.. Дурья башка.

Услышав тихий посвист сообщника с конца улочки, он замолчал.

— Посмотри-ка, Анжелика, кто к нам пожаловал, — прошептал Николя, сжимая ее руку.

В оцепенении, не чувствуя даже прикосновения Николя, Анжелика ждала. Она знала, что сейчас случится.

Это неизбежно. Это должно произойти. Ее сердце снова забьется, только когда все ЗАКОНЧИТСЯ.

В желтом свете фонарей показались два монаха, идущих рука об руку. В одном из них она сразу узнала Конана Беше. Второй, болтливый толстяк, сыпал латинскими фразами и отчаянно жестикулировал. Должно быть, он был навеселе, так как время от времени наваливался на своего спутника и прижимал его к стене, а затем с извинениями вновь волок монаха к грязному ручью.

Анжелика слышала пронзительный голос алхимика. Он тоже говорил на латыни, но в его тоне слышался решительный протест. Сравнявшись с портиком, он яростно выкрикнул на французском языке:

— Довольно, брат Амбуаз, ваши теории о крещении жирным бульоном — суцая ересь! Таинство ничего не стоит, если вода, которой оно свершается, осквернена нечистыми элементами, такими, как животный жир! Крещение в жирном бульоне! Какое кощунство! Почему

бы уж тогда не в красном вине? Это вполне бы вас устроило, ведь вы, кажется, к нему равнодушны!

И тощий монах стряхнул руку, цеплявшуюся за его сутану. Толстый брат Амбуаз пробормотал плаксивым голосом пьяницы:

— Отец, вы меня огорчаете... Увы, мне бы так хотелось убедить вас.

Внезапно он дико вскрикнул:

— Ха- ха! Deus coeli!^[85]

В то же мгновение Анжелика увидела, что отец Амбуаз под портиком, рядом с ними.

— Он ваш, мужики, — выдохнул он, внезапно переходя с латыни на язык парижских бродяг.

Конан Беше обернулся:

— Что с вами?

Он умолк и принялся с тревогой вглядываться в пустынную улицу. Голос его задрожал.

— Брат Амбуаз! — позвал он. — Брат Амбуаз, где вы?

Казалось, его истощенное фанатичное лицо осунулось еще сильнее, было слышно, как тяжело он дышал. Испуганно оглядываясь по сторонам, Беше сделал несколько шагов.

— Ху-ху-ху!

На сцене появился Баркароль, ухая, как зловещая ночная птица. Карлик, оттолкнувшись от скрипнувшей железной вывески, одним прыжком, словно огромная жаба, оказался у ног монаха.

Тот вжался в стену.

— Ху-ху-ху! — снова ухнул карлик.

В адском танце, подскакивая, корча страшные рожи и делая непристойные жесты, он закружился вокруг оцепеневшей от ужаса жертвы.

Затем из мрака вывалилось, ухмыляясь, второе чудовище — кривоногий горбун. Колени его

соприкасались, а стопы и бедра были разведены так, что существо могло передвигаться только прыжками.

Но самым страшным было лицо с омерзительным кроваво-красным наростом.

— А-а-а-а!

В хрипе, который вырвался у монаха, не осталось ничего человеческого.

— А-а-а-а!.. Демоны!

Его длинная фигура внезапно согнулась пополам, и он упал на колени на грязной мостовой. Глаза Беше вылезли из орбит, лицо пожелтело. Рот раскрылся в гримасе ужаса, обнажив стучащие гнилые зубы.

Очень медленно, словно во власти кошмарного сна, монах воздел костлявые руки, сложив ладони вместе.

Он с трудом мог пошевелить языком. Наконец он проговорил:

— Сжался... Пейрак!

Это имя, униженно произнесенное монахом, ножом резануло Анжелику по сердцу. Она дико закричала:

— Убей его! Убей!

И, сама того не замечая, вцепилась зубами в плечо Николя. Он рывком освободился и вытащил тяжелый тесак мясника, служивший ему оружием.

Внезапно на улице наступила мертвая тишина.

Послышался голос Баркароля:

— Готов!

Тело монаха наклонилось набок и повалилось у стены.

Бандиты подошли ближе. Главарь поднял голову Беше: его челюсть отвисла, рот был разинут в последнем безумном вопле. Глаза уставились в одну точку и уже начинали стекленеть.

— Подох! — произнес Весельчак.

— Да ведь его и пальцем не тронули! — воскликнул карлик. — Ведь правда, Погремок, мы до него и не

дотронулись? Мы только строили рожи, чтобы попугать его хорошенько.

— Ты вроде перестарался. Он от этого и подох...
Подох от страха!

Распахнулось окно. Дрожащий голос спросил:

— Что происходит? Кто здесь кричал о демонах?

— Сматываемся, — скомандовал Весельчак, — нам здесь больше нечего делать.

На следующее утро, когда прохожие обнаружили бездыханное тело монаха Беше без синяков и ран, парижане вспомнили о словах колдуна, сожженного на Гревской площади:

— Конан Беше! Через десять дней я жду тебя на Божьем суде! Они взглянули на календарь и убедились, что дата совпала.

А жители улицы Вишневого Сада, что близ Арсенала, испуганно крестясь, рассказывали об ужасных криках, разбудивших их среди ночи.

Пришлось заплатить двойную цену могильщику, который согласился похоронить проклятого монаха. А на камне выбили такую эпитафию: «Здесь покоится отец Конан Беше, реколлет, умерщвленный демонами в первые дни февраля 1661 года».

А банда известного преступника Николя Весельчака остаток ночи развлекалась в кабаках.

Они удостоили своим визитом все значные места от Арсенала до Нового моста. Среди них была бледная женщина с распущенными волосами, которую они буквально заставляли пить.

Анжелика выпила столько, что не держалась на ногах, и ее неудержимо рвало. Она прислонилась лбом к стене, и в голове ее родилась и мучительно звенела единственная мысль: «Падение! Падение!.. »

Николя властно повернул ее к себе и оглядел с удивлением и беспокойством:

— Тебе плохо? А мы еще и не выпили, как следует... Нужно было отпраздновать нашу свадьбу...

Но, увидев, что Анжелика даже не открывает глаза, и поняв, что она совсем без сил, он взял ее на руки и вышел на улицу.

Ночь была холодной; но на груди Николая ей было тепло и безопасно.

Грязный Поэт, примостившийся между копыт бронзовой лошади, видел, как великан-бандит легко, словно куклу, несет женщину с распущенными светлыми волосами.

Когда Весельчак вошел в просторный зал у подножия Нельской башни, там грелась у огня компания нищих и нищенок. Одна из женщин с воплем вскочила и бросилась на него:

— Подонок! Ты взял другую... Наши все мне рассказали. А я в это время убивалась с бандой извращенцев-мушкетеров... Я тебе за это пуцу кровь, как свинье, и ей тоже!

Николя спокойно поставил Анжелику на ноги, прислонив к стене.

Затем махнул кулачищем, и девушка, набросившаяся на него, упала.

— Теперь слушайте все, — произнес Николай Весельчак, — вот эта девчонка (он показал на Анжелику) — она МОЯ, и больше ничья. Тот, кто посмеет тронуть хотя бы волос на ее голове, кто посмеет затеять с ней ссору, будет иметь дело со мной. Вам известно, что это значит!.. Что до маркизы Польки... — тут он схватил девушку за кофту и пренебрежительно подтолкнул ее к группе картежников, — ... делайте с ней, что хотите!

После этого торжествующий Николай Мерло, бывший пастух из Пуату, превратившийся в волка, повернулся к той, которую всегда любил и которую ему сегодня возвращала судьба.

Глава 25

Он снова взял ее на руки и начал подниматься в башню. Он шел медленно, чтобы не споткнуться, потому что винные пары затуманили его мозг. И эта медлительность делала восхождение едва ли не торжественным.

Анжелика полностью расслабилась в его сильных руках. Ее голова немного кружилась, словно в такт поворотам винтовой лестницы.

Пройдя последний лестничный марш, Никола Весельчак ударом ноги распахнул дверь, ведущую в свою сокровищницу. Он подошел к убогому ложу из кучи плащей, бросил на него Анжелику, точно мешок, и воскликнул:

— Наконец-то мы вдвоем!

— Эта грубость и торжествующий мужской смех словно пробудили Анжелику от того оцепенения, в которое она впала после посещения последней таверны. Ее вырвало, после чего она вскочила, бросилась к окну и, сама не зная почему, вцепилась в решетку.

— Ну и что ты имеешь в виду, болван, — вне себя от злости крикнула она, — когда говоришь: «Наконец-то мы вдвоем»?

— Я... ну... я имею в виду, — бормотал окончательно сбитый с толку Никола.

Она обидно расхохоталась.

— Неужели ты вообразил, что станешь моим любовником, ты, Никола Мерло?

Двумя бесшумными шагами он приблизился к ней, его лоб пересекла угрюмая складка.

— Нет, не вообразил, — жестко сказал он, — я в этом уверен.

— Ну это мы еще посмотрим.

— Нет, мы это увидим.

Она не удостоила его даже взглядом. Их лица едва освещал красный огонек костра, разведенного лодочником на берегу у подножья башни. Николая глубоко вздохнул.

— Слушай, — сказал он тихо, но с угрозой, — я объясню тебе еще раз, только потому, что это ты, и постарайся меня понять. Ты не имеешь права отказывать мне. Я дрался за тебя. Я убил того, кого ты просила прикончить. Нас соединил Великий Кесарь. Все воровские законы соблюдены. Ты моя.

— А если я не хочу соблюдать воровские законы?

— Тогда ты умрешь, — и в глубине его глаз вспыхнуло пламя, — от голода или от чего еще. Я тебя уничтожу, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я на это не способен. Вообще-то, у тебя и выбора больше нет. Ты еще не поняла? — настойчиво повторил он, приложив огромный кулак к виску молодой женщины. — До твоей дурной башки, графинечка, еще не дошло, что сгорело вместе с твоим колдуном-мужем на Гревской площади? Все, что раньше отделяло тебя от меня. Нет больше ни лакея, ни графини! Я — Весельчак, а ты... ты теперь никто. Семья от тебя отказалась. А те, что вон там...

Он протянул руку и показал пальцем на другой берег Сены, на громаду Тюильри и галерей Лувра, где мерцали огоньки.

— ...для них тебя больше нет. Вот почему ты принадлежишь миру нищих... Это дом отверженных... Здесь для тебя всегда найдется еда... Мы защитим тебя. Мы отомстим за тебя. Мы поможем тебе. Но никогда не предавай...

Он замолчал, слегка задохнувшись. Анжелика чувствовала его горячее дыхание. Он дотронулся до нее, и жар его страсти вызвал в ней смутную дрожь.

Она видела, как он раскрыл объятия, потом снова уронил руки, словно в нерешительности...

И тогда он умоляюще зашептал ей на диалекте Пуату:

— Моя цыпочка, не будь такой злокой. Чего ты на меня дуешься? Это же совсем просто, разве не так? Мы здесь вдвоем... одни... как в тот раз. Мы хорошо поели, выпили. Чего же еще и делать, как не любить друг друга? Ты же не думаешь, что я поверю, будто ты меня боишься?

Анжелика издала короткий смешок и пожала плечами.

Он продолжал:

— Ну, давай, иди ко мне!.. Вспомни. Эх, если бы ты только осталась в Монтелу, как мы были бы там счастливы! Нам было так хорошо вместе. Мы были созданы друг для друга. С этим ничего не поделаешь... Я знал, что ты будешь моей. Я надеялся. И сейчас это свершилось!

— Нет! — Она упрямо тряхнула головой, откинув назад длинные волосы.

Выйдя из себя, он закричал:

— Берегись. Ведь я могу взять тебя силой, если захочу.

— Только попробуй, я тебе все глаза выцарапаю.

— Я прикажу своим людям держать тебя! — завопил он.

— Трус!

Николя в отчаянии разразился страшными ругательствами.

Но Анжелика почти не слышала его. Прижав лоб к ледяной оконной решетке, словно заключенный, лишенный последней надежды, Анжелика чувствовала, как на нее наваливается страшная усталость. «От тебя все отказались», — сказал он. Как эхо только что произнесенной Николя фразы, звучали другие резкие и

холодные как сталь слова: «Я не желаю больше ничего слышать о вас... Вы должны ИСЧЕЗНУТЬ. Ни титула, ни имени, — ничего».

Перед глазами возникла Ортанс, гарпией накинувшаяся на нее из темноты со свечой в руке: «Убирайся! Убирайся!»

Он прав, Николя Весельчак, Геркулес с диким, необузданным нравом, который сейчас стоял за ней и сотрясал воздух проклятиями так громко, что дрожали старые камни Нельской башни. Его лохмотья отвратительно пахли городом, но, быть может, если она прижмется к его телу, сольется с ним, она сможет хоть на мгновение ощутить незабываемый аромат Монтелу.

Она вдруг сдалась. Обошла Николя, встала у ложа из плащей и принялась расстегивать корсаж из коричневой саржи. Юбка соскользнула на пол. Оставшись только в нижней рубашке, Анжелика на мгновение замерла в нерешительности. Ей было очень холодно, но голова пылала. Она быстро скинула рубашку и, обнаженная, растянулась на краденых плащах.

— Иди ко мне, — сказала она спокойно.

Ошеломленный Николя замолчал. Такая покорность показалась ему подозрительной, но все же он недоверчиво приблизился. В свою очередь, медленно снял с себя рвань.

Бывший слуга, дрожа, остановился, не смея сделать последний шаг, отделявший его от исполнения самых смелых мечтаний. Горевший на берегу костер отбрасывал на стену его огромную тень.

— Иди сюда, — повторила она, — мне холодно.

Анжелика тоже начинала дрожать — то ли от холода, то ли от желания и одновременно страха, которые она испытывала по отношению к этому огромному мужскому телу.

Он тут же оказался на ней. Он обнял ее так, что кости затрещали, и разразился смехом, приговаривая:

— А! На этот раз все хорошо! Ах, как хорошо! Ты моя. Ты больше не сбежишь от меня. Ты моя. Моя! Моя! Моя! — повторял он в такт движениям своего тела, охваченный любовным безумием.

Чуть позже она услышала, как он удовлетворенно засопел, словно насытившийся пес.

— Анжелика, — прошептал он.

— Ты сделал мне больно, — пожаловалась она.

И заснула, завернувшись в плащ.

Но еще дважды этой ночью он брал ее. Анжелика, скованная тяжелым сном, с трудом пробуждалась, чтобы снова стать добычей этого создания тьмы; он, чертыхаясь, хватал ее и принуждал к любви, испуская низкие, хриплые вскрики, потом падал рядом, бормоча что-то бессвязное.

На рассвете ее разбудило шушуканье голосов за дверью.

— Весельчак, пошевеливайся, — позвал Красавчик, — мы еще не свели счеты с ведьмами Родогона-Египтянина, которые вышвырнули с Сен-Жерменской ярмарки наших Тру-ля-ля, Мамашу с Папашей.

— Иду. Только не шумите. Малышка еще спит.

— Надо думать. Ночью в Нельской башне действительно было много шума! Крысы и те уснуть не могли. Ты вообще даешь! Потеха, что ты не можешь не вопить, когда спишь с бабой.

— Заткнись! — проворчал Весельчак.

— А маркиза Полька не слишком убивается. Я, можно сказать, расстарался, исполняя твой приказ. Я ее ублажал всю ночь, чтобы ей в голову не стукнула идея подняться сюда с ножом. А доказательство того, что она тебя больше не хочет, такое, что она ждет внизу с полным котелком горячего вина.

— Хорошо. Проваливай.

После того как Красавчик исчез, Анжелика приоткрыла глаза.

Николя уже встал, нацепил свои безобразные лохмотья и стоял в глубине комнаты спиной к Анжелике, что-то выискивая в сундуке. По его позе Анжелика поняла, что он чрезвычайно смущен.

Он запер сундук и, зажав что-то в кулаке, подошел к ложу. Она притворилась спящей.

Он наклонился и тихо позвал:

— Анжелика, ты меня слышишь?.. Мне надо идти... Но пока я не ушел, хочу сказать тебе... Я хотел узнать... Ты сильно сердисься на меня за эту ночь?.. Я не виноват. Это было сильнее меня. Ты такая красивая!..

Он дотронулся своей загрубевшей рукой до алебастрового плеча, выглядывающего из-под плаща.

— Ответь мне. Я же вижу, что ты не спишь. Погляди, что у меня для тебя есть. Это кольцо, настоящее. Мне его оценивал ювелир с набережной Орфевр. Посмотри... Не хочешь? Ну вот, я кладу его рядом с тобой... Скажи, чего ты хочешь? Может, принести ветчины, свежей? Ее только сегодня утром привезли, мы ее взяли у мясника на Гревской площади, пока он глазел, как вешают одного из наших... Хочешь новое платье?.. У меня есть... Отвечай, а то я рассержусь.

Она снизошла до того, чтобы взглянуть на него из-под спутавшихся волос, и надменно произнесла:

— Я хочу большую лохань хорошо подогретой воды.

— Лохань? — переспросил он в полном недоумении.
— Что ты собираешься делать?

— Помыться.

— Хорошо, — успокоился он. — Полька притащит тебе сюда. Проси все, чего только захочешь. А если что не так, скажешь мне, когда я вернусь. Я им задам.

Довольный тем, что она наконец-то выразила какое-то желание, он повернулся к венецианскому зеркальцу, стоявшему на каминной полке, и принялся приклеивать

к щеке нарост из цветного воска, до неузнаваемости обезобразивавший его лицо.

Анжелика рывком села на постели.

— Никогда! — категорично заявила она, — я ЗАПРЕЩАЮ тебе, Николая Мерло, представать передо мной со столь отвратительным лицом мерзкого, похотливого старика! Иначе я больше не позволю тебе прикасаться ко мне.

Детская радость осветила суровое лицо, на которое преступная жизнь уже успела наложить свой отпечаток.

— А если я тебя послушаюсь... ты мне разрешишь?

Она натянула на лицо край плаща, чтобы скрыть волнение, которое вызвал в ней этот свет, мелькнувший в глазах разбойника Весельчака. Потому что это был знакомый ей взгляд маленького Николая, такого ветреного, непостоянного, но «с добрым сердцем», как говаривала его бедная матушка. Того Николая, который, склонившись над замученной солдатами сестрой, звал ее: «Франсина! Франсина!»... Подумать только, в кого превратила жизнь маленького мальчика и маленькую девочку...

Сердце Анжелики сжалось от жалости к себе и к Николаю. Они одни, всеми покинуты...

— Ты хотела бы, чтобы я еще раз любил тебя? — прошептал он.

И тогда — впервые со времени их странной встречи — на ее губах появилась тень улыбки:

— Может быть.

Николя торжественно протянул руку и плюнул на пол.

— Тогда я клянусь: даже если меня из-за этого схватят, даже если меня схватят, когда я пойду по Новому мосту без грима, ты больше никогда не увидишь меня в облике Весельчака.

Он сунул парик и повязку в карман.

— Я переоденусь внизу.

— Николая, — снова позвала она, — я поранила ногу. Взгляни. Может быть, этот лекарь с Нового моста, Большой Матье, что-нибудь сделает?

— Я зайду к нему.

И он порывисто схватил обеими руками ее маленькую белую ножку и поцеловал.

Когда Николая ушел, она свернулась калачиком и попыталась снова заснуть. Опять похолодало, но Анжелика была тепло укрыта, и ей было хорошо. Бледное зимнее солнце бросало на стену блики света.

Тело Анжелики налилось усталостью и даже болью, но вместе с тем она испытывала какое-то умиротворение, расслабление.

«Это хорошо, — сказала она себе, — это как еда для голодного. Не нужно больше ни о чем думать. Как приятно ни о чем не думать».

Возле нее сверкал искрами бриллиант на перстне, подаренном ей Николая. Что бы ни случилось, она всегда заставит его плясать под свою дудку.

Через зарешеченное окно до нее доносился отдаленный шум, словно эхо утренней бодрой и кипучей жизни, царивших на другом берегу Сены, в Тюильри и в Лувре.

А здесь, у самой реки, в старой полуразрушенной Нельской башне засыпала Анжелика, вконец измученная после всех выпавших на ее долю тревог.

Уснуть! Забыть! Забыть обо всем в этом спартанском убежище, которое не вызовет ни у кого подозрений, укроет ее от опасности, защитит от врагов.

На большее Анжелика не надеялась.

notes

1

Дворец французских королей, начиная с Франциска I (XVI в.), в 55 км от современного Парижа. С XII в. там находилась королевская охотничья резиденция. *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)*

2

Город на юге Франции, во время действия романа — административный центр провинции Лангедок.

З

Жан-Франсуа-Поль де Гонди (1614 — 1679 гг.),
кардинал де Рец, один из лидеров Фронды.

4

Превращение металлов в золото считалось одной из главных задач алхимии.

5

Речь идет о купелировании — методе, известном еще в античности.

6

Герцоги Монпансье и Конде возглавляли Фронду. Суассон и Гиз, герцог Лотарингский, а также герцог Вандомский участвовали в заговорах против Ришельё.

7

Старинное название соляной кислоты

В описываемый период — крепость и район Парижа, бывшая резиденция ордена тамплиеров.

9

Славной горы

Исторический прототип Бернара д'Андижоса — гасконский дворянин Бернар Одижо, профессиональный военный. Он возглавил в 1664 г. восстание в Лангедоке, продолжавшееся несколько лет. Это восстание — один из многих соляных бунтов, прокатившихся по Франции в XVII в. Исторический Одижо позднее получил королевскую амнистию и участвовал в войне на Сицилии, где и погиб в 1678 г.

11

Truanderie - дословно улица Нищих.

12

Оноре (Гоноратус) (ум. 429/430 г.), епископ Арля (на Роне), считался во Франции покровителем пекарей.

13

Святой мученик, умер около 250 г. Считался покровителем путешественников.

В Средние века и несколько позже хирурги и цирюльники входили в один цех. Врачи же относились к другому цеху.

Герцог Сезар де Вандом (1594 — 1665 гг.), сын Генриха IV и Габриэль д'Эстре.

Вероятно, из этой семьи Луи-Франсуа де Буффлер (1644 — 1711 гг.), герцог, маршал Франции.

Девиз суперинтенданта Никола Фуке. — *Примеч. автора.*

Исторически точное название «Госпитальер Французского приората» Мальтийского ордена.

19

На севере Франции — королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа).

Обращение к сыну господина в средневековой Франции.

21

От фр. grise «серый».

Теодор Агриппа д'Обинье (1550/1552 — 1630 гг.) — выдающийся поэт, писатель и историк, военный, приверженец протестантизма, соратник Генриха Наваррского до обращения его в католичество.

Альков — ниша, где находилась кровать, а в данном случае — место для бесед гостей или с принимающей их хозяйкой. — *Примеч. автора.*

Парижский театр, основан в 1548 г. В 1680 г. на основе объединения его труппы и ранее слившихся труппы Мольера и театра «Маре» был создан театр «Комеди Франсез».

Подмастерья Европы стали создавать союзы еще в XII — XIII вв. для взаимопомощи и защиты своих прав. Тайные братства подмастерьев Франции (компаньонажи) получили распространение в XIV — XVI вв.

Селение на одноименном холме под Парижем, известное с XII в. Сегодня — городской квартал.

Кордо (Cordeau) в переводе с французского языка — веревка.

Среди титулов литературного персонажа Жоффрея де Пейрака нет титула «Тулузский (де Тулуз)». Однако автор говорит о его родстве с династией Тулузских графов и делает его преемником средневековой провансальской культуры.

Св. Венсан де Поль (1576/80 — 1660 гг.), основатель нескольких конгрегаций, занимавшихся благотворительностью, создал духовное общество в монастыре Сен-Лазар под Парижем (в Средние века там располагался лепрозорий).

Клод Ле Пти (1638 — 1662 гг.), Отверженный или Грязный Поэт. Французский поэт и памфлетист, автор цикла стихотворений «Смешной Париж». Был обвинен в богохульстве, приговорен к смерти и сожжен на Гревской площади 1 сентября 1662 г.

Le Petit в переводе — Малыш. Клода прозвали так по контрасту, он был высокого роста.

Жан-Батист Кольбер (1619 — 1683 гг.) — государственный деятель. Выходец из буржуазии, служил военному министру Ле Телье, а затем — Мазарини. Со временем Кольбер стал генеральным контролером финансов, министром торговли, мануфактур, внутренних дел и морским министром.

Контрэскарп — ближайший к противнику откос рва укрепления, используемый в качестве противоштурмовой преграды.

Аколиф — церковнослужитель-мирянин в Римско-католической церкви, который выполняет определенное литургическое служение.

См. примечание в гл. 6 тома 3 «Королевские празднества».

Шатле — названия небольших замков. В Париже был Большой Шатле — место суда, и Малый Шатле — городская тюрьма.

Адвент — рождественский пост у католиков.

Morfondus — озябшая, холодная (фр.).

Небольшая река, в устье которой расположен Сен-Жан-де Люз.

Папа Александр VII (понтификат 1655 — 1667 гг.), находился в натянутых отношениях с кардиналом Мазарини, выражал неудовольствие по поводу Пиренейского мира. В 1662 г. послом в Ватикане был назначен герцог де Креки, а вскоре произошла кровавая стычка между стражей папы и охраной посольства. Король выдвинул ультиматум и двинул войска, после чего папа пошел на значительные уступки.

Первоначально так назывались судьи до делам королевского домена. Позже они были возвышены до должности заместителей канцлера Франции и контролировали деятельность судов по всему королевству. Они инспектировали провинциальные суды и имели право председательствовать на них; имели право присутствовать на Большом совете и заседать в парламенте, где имели тот же ранг, что и президенты; принимать петиции и вмешиваться в действия провинциальных должностных лиц в случае злоупотреблений со стороны последних. В эпоху Людовика XIV существовало 80 мэтров ординарных запросов.

Граф де Пейрак применял метод купелирования (от фр. *coirpelle* — чашка), известный в античности и утерянный в Средние века. В наши дни используется в ювелирной промышленности. Метод основан на окислительном плавлении сплава свинца с благородными металлами, с целью выделения их в чистом виде. Расплавленный свинец, в отличие от благородных металлов, окисляется кислородом воздуха, растворяя при этом окислы других металлов, а затем впитывается пористой массой пробирного тигля, освобождая серебро или золото.

Разменная монета в Древней Греции. — *Примеч. автора.*

Талант представлял собой столь крупную денежную сумму, что никогда не был разменной монетой. Еврейский талант, упомянутый в Библии, весил 44,6 кг, как правило, серебра или золота.

Во Франции различались два вида дворянства: высший, дворянство шпаги, и низший, дворянство мантии, которое человек мог получить, занимаясь гражданской, преимущественно судебной, деятельностью.

Джованни Пико делла Мирандола (1463 — 1494 гг.) — итальянский философ-гуманист. Некоторые тезисы Мирандолы были признаны еретическими, он был заключен в тюрьму, бежал из Рима в Париж, но впоследствии был прощен и вернулся в Италию. Умер, вероятно, от яда.

Шпанская мушка — название нескольких видов жуков, а также название мазей и порошков, получаемых из них. В гемолимфе этих насекомых содержится кантаридин, который применялся к качестве афродизиака. Кантаридин — яд, поражающий печень, почки, кожу и нервную систему.

В «Одиссее» Гомера рассказывается о легендарном народе киммерийцах, живших на крайнем западе, у реки Океан, омывающий мир. В стране стоит вечный сумрак, и солнце никогда не показывается из-за туч. Исторические киммерийцы — народ, живший в северо-восточном Причерноморье.

Парацельс (настоящее имя Филип Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493 — 1541 гг.) — швейцарский алхимик, оккультист. Остался в истории и как выдающийся врач, предтеча современной фармакологии.

Эзотерические теории, основанные на структурном сходстве внешнего мира (макрокосма) и тела человека (микрокосма). — *Примеч. автора.*

Имеются в виду живущие в воде головастики, или аксолотли — личинки тритонов, которые почти все относятся к саламандрам. В неблагоприятных условиях среды аксолотль иногда не проходит метаморфоз, но вырастает до размеров взрослой саламандры.

Так у автора. Урбен Грандые (Urbain Grandier) (1590 — 1634 гг.), приходской священник в г. Лудене, пользовался скандальной репутацией как любитель и любимец женщин. Грандые обвинили в наведении одержимости на урсулинок местного монастыря, а также в связях с дьяволом. Во время следствия ему специально наносили раны, чтобы доказать наличие дьяволова клейма. Хотя горожане пытались защитить священника, а монахини утверждали, что их специально заставили изображать одержимость, Грандые сожгли на костре 18 октября 1634 г.

Антуан Дре д'Оффемон д'Обре (1606 — 1666 гг.), государственный советник, гражданский наместник и начальник полиции Парижа. Был отравлен дочерью, маркизой де Бренвилье.

Святой Элуа (Элигий) (588 — ок. 660 гг.), золотых и серебряных дел мастер и кузнец, был советником королей Хлотаря II и Дагоберта II, а затем епископом Нуайонским.

Жители Савойи, в то время не входившей в состав Франции, нередко занимались отхожими промыслами.

Особой пластичной глиной пользуются для того, чтобы герметично замазать отверстия и т. п. — *Примеч. автора.*

Сплав сульфидов железа и цветных металлов. Вещество, оставшееся после обызвествления серосодержащей руды. - *Прим. автора.*

Бура — это гидратированная сода, используется как растворитель. — *Примеч. автора.*

Горизонтальная поверхность печи, предназначенная для приемки изделий. — *Примеч. автора.*

Купель, или капель, — приемный сосуд, применяющийся в пробирном анализе. В производственных процессах купелями заполняют горизонтальную поверхность печи, где осуществляется купелирование.

59

Старинное название азотной кислоты.

Миссия — конгрегация католических священников в мире, основанная священником Венсаном де Полем.

61

Церковь Св. Евстафия находилась рядом с Центральным рынком.

В средневековых городах для ремесленников существовал комендантский час: в 8 или 9 часов вечера, по звону колокола, они должны были прекращать работу.

Соединение, которому приписывают чудодейственные свойства. — *Примеч. автора.*

Так у автора. В устах священника подобная речь звучит неестественно, так как с христианской точки зрения Христос был распят «за нас», то есть ради спасения людей; а с точки зрения римлян — как мятежник, «царь Иудейский».

Центральный портал собора Парижской богородицы.

Споры вокруг того, является ли система мира гелио-, геоцентрической или комбинированной, окончательно утихли после публикации труда Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687 г.).

По-французски Сретение — Chandeleur, свеча — chandelle.

Позднее переименована в площадь Вогезов. —
Примеч. автора.

Маркизами в воровском мире назывли любовниц главаря банды.

70

Раскошелиться (арго).

Роже де Рабютен, граф де Бюсси (1618 — 1693 гг.) — французский военачальник и писатель. В апреле 1665 г. за сочинение «Любовная история галлов», написанное им для развлечения любовницы, был заключен в Бастилию, где провел больше года.

Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626 — 1696 гг.) — французская писательница.

Антуан д'Омон де Рошебарон (1601 — 1669 гг.) — маркиз де Виллекье, д'Исль, де Нолэ и де Шап, граф де Берзе и барон д'Эстрабон, впоследствии герцог д'Омон и пэр Франции, капитан полка королевской гвардии, маршал Франции.

Александр Бонтан (1626 — 1701 гг.) — камердинер и доверенное лицо Людовика XIV в 1659 — 1701 гг. Считается, что он был свидетелем на свадьбе короля и мадам де Ментенон.

Так у автора (Gabriel Nause). Первая библиотека Мазарини была собрана Габриэлем Ноде (Gabriel Naude) (1600 — 1653 гг.), но это собрание погибло в годы Фронды. Преемник Ноде, Франсуа де Ля Потри, собрал библиотеку во второй раз, и второе собрание включало 40 тысяч томов.

Театинцы — монашеский орден, основанный в Риме в 1524 году кардиналом Ка-раффа (позже папа Павел IV), епископом Теате.

Ля Вуазен (настоящее имя Катрин Деше, вдова Монвуазен) (1640 — 1680 гг.) — гадалка, по приговору «Дела о ядах» сожжена на Гревской площади.

Стихи Блэза Берто (1610 — 1677 гг.)

Названа в честь св. Гиацинта (ок. 1183 — 1257 гг.), основателя большого количества доминиканских монастырей на востоке Европы.

Прозвище карлика происходит от «баркаролы», песни венецианских гондольеров.

То есть побывавшими в Сантьяго де Компостелла, городе, где хранятся мощи апостола Иакова. Этот испанский город — самый известный центр паломничества в Западной Европе.

Лес принадлежал ранее Филиппу Иммануилу Лоррен-Меркеру (1558 — 1602 гг.), провозгласившему независимость Бретани от Франции.

Исправительное учреждение тюремного типа для бедноты, созданное в 1659 г.

См. том 1 «Маркиза Ангелов», глава 16. — *Примеч. автора.*

Царь небесный! (лат.)